

**Константин
Шабалдин**

**ОРГАНИЗАЦИЯ
ЖЕЛАЕМОГО
БУДУЩЕГО**

Annotation

Организация Желаного Будущего это тайная организация в государстве, где сталкеры... И драконы. И любовь, война, предательство, дружба и наши победили.

Первая глава

Котёнок орал так, что в кабинете директора его было слышно через закрытое окно. Он был мокрый, грязный и трясся под дождём всем своим маленьким тельцем.

— Он вопит уже второй час, — сказал директор интерната. — Его видно из всех окон. Уроки уже закончились. Дети сидят по комнатам. Играют на компьютерах. Лайкаются в соцсетях. Но никто, ни один не вышел пожалеть этого уродца.

— Признаю, это была хорошая идея, — сказал инспектор. — Надо взять на вооружение.

— Вы что же — хотите сказать, что это я его подбросил? — возмутился директор. Он сильно боялся инспектора, но пытался держаться независимо. Директора недавно назначили на это место, и оно очень ему нравилось.

— Я хочу сказать, что это хорошая идея, — сухо ответил инспектор. Он видел директора насквозь. Это была его работа — видеть насквозь. Угадывать мысли. Понимать мотивы поведения и скрытые желания. В прошлой жизни детский психолог, он мастерски применял профессиональные навыки в новом амплуа. — Ваш интернат успешно прошёл проверку. Я заканчиваю инспекцию и составлю самый лестный для вас отчёт.

Они отвернулись от окна и не увидели, как через двор, кутаясь в халатик, пробежала девочка лет двенадцати и, подхватив котёнка, метнулась обратно в здание.

— И вот ещё, — инспектор сделал вид, что замялся. — Это конечно не принято, но я должен спросить — какое у вас Умение?

Директор изумлённо задрал брови, и инспектор торопливо добавил:

— Разумеется, это конфиденциальная информация.

— Ну, что ж, — с достоинством произнёс директор, — мне скрывать нечего. Я вампир.

— А, понимаю! — закивал головой инспектор. Он заранее предугадал ответ и был доволен, что не ошибся. — Тогда ясно, почему вы решились на такую работу.

— Ну, конечно! — радостно воскликнул директор. — Платят мало, но питанием я обеспечен. И детишкам польза. Не надо им по слякоти бегать кровь сдавать.

— И все довольны?

Если в вопросе инспектора и был сарказм, то едва различимый. Обижать вампиров не рекомендовалось. Их было много даже в правительстве, могли пришить сангуиворофобию. Инспектор терпеть не мог вампиров.

— А вот недовольные всегда найдутся... Кому-то компот кислый, кто-то на зарядку не хочет, но труднее всего поддерживать необходимый эмоциональный фон. Не умеют они ещё свои чувства контролировать. Это же дети! Им трудно объяснить в какое время мы живём.

Инспектор ничего не ответил. Один из немногих в стране он вполне понимал, в какое время они живут. И ему не нравилось это время и что в нём происходит.

Дождь был не сильный, но куртка промокла почти сразу. Потому что старая. Толик Окунев знал, что идти в школу колдунов надо через тайгу, через болото и дальше ещё по горной тропе пробираться. Но когда тебе тринадцать лет в такой путь лучше брать с собой кого-то из взрослых. Так положено. А в посёлке, где жил Толик, мало кто бы согласился по доброй воле идти в школу колдунов, да ещё и тащить с собой пацана, у которого отец в тюрьме, а мать лишили родительских прав. Вот и пришлось Окуню под дождём, по грязюке тащиться на самую окраину в гости к Николаичу. И мимо железнодорожной школы ему было

никак не пройти. А с пацанами из железнодорожной Толику встречаться не хотелось. Лишние вопросы. Но наверное, сегодня без вопросов было не обойтись, потому что Костик Бобров, самый вредный из железнодорожных, сразу сказал:

— Ага, интернатовский? Ты куда? — а как он вышел из пелены дождя Окунь даже не заметил. — Деньги давай, раз ходишь здесь!

Он протянул руку и легко сверху вниз сдёрнул капюшон с головы Окуня. Вода полилась за шиворот. Морщась, Толик рванулся освобождаясь. Но Бобров держал крепко, он был выше и крепче.

— Давай! — и замахнулся другой рукой.

— Ничего тебе не дам!! — зло крикнул Окунь. Прямо в лицо крикнул, даже слюна брызнула.

Костик не ожидал, отпрянул... и ударил. Ударил не сильно, но больно — в живот. Продолжая держать за куртку, надавил сзади, сгибая Окуня в поясице.

— Страх потерял? Я тебе мало по башке стучал? Сейчас ещё получишь...

— Пусти, Костян, я к колдунам иду.

Толик сказал это уже спокойно, слегка задыхаясь после удара в живот, и, может поэтому, Бобров сразу ему поверил. Отпустил и даже шагнул назад. Толик выпрямился и одёрнул куртку. Глянул в глаза Боброву. Страх был в глазах. А трусом Костик не был, вот только сейчас лицо у него было как прошлым летом, когда в драке между пацанами из интерната и железнодорожными Валера Шиза вытянул пистолет и пострелял немного. Стрелял-то он в воздух, но железнодорожные всё равно в штаны наложили. А сейчас Окуню не по себе стало. Куда же он собрался, если только упоминание о колдунах самого Костика Боброва напугало?

Он ещё раз поправил куртку, накинул капюшон и молча пошагал, оскальзываясь.

— Постой! — крикнул Бобров. — Как тебя? Окунь?

Толик пошагал быстрее.

— Окунев! погоди! Вот возьми...

Толик обернулся и увидел, что Костик протягивает ему скомканные бумажки.

— Тут не много, но у меня нет больше. Забери...

Окуню очень захотелось подойти и забрать эти деньги, как не раз у него самого отнимали такие же, как Бобров, или сам Бобров, или его корефаны. Забрать и ещё дать пинка этому перепуганному пацану, так не похожему теперь на страшного минуту назад Костика, а теперь жалкого и съёжившегося. Вот только он почему-то знал, что не надо этого делать. Неправильно.

— У нас всё натуральное, экологически чистое, без всякой магии выращенное, — подкладывая в тарелку, говорил директор. — Не всё конечно, — понял он, что заврался, — но вот гречка натуральная!

В столовой стоял гвалт детских голосов, и мерзкий запах казённой пищи. Но инспектору было не привыкать. Он прошёл через войну, плен и недолгое тюремное заключение во время смены политического режима. Тогда его вытащил старый друг, сразу сумевший разобраться в новой ситуации. Теперь старый друг стал министром, а инспектор... инспектор стал инспектором. Доверенным лицом при министре. С большими полномочиями. Вот только министр сейчас сидел у себя в кабинете, а инспектор с директором интерната за отдельным столиком в детской столовой. Инспектор мужественно

давился тефтелями с гречневой кашей, запивал компотом и проклинал свои полномочия. Он бегло оглядел детей, рассеявшихся за столами. Дети вели себя хорошо, спокойно. Никто не плакал, не смеялся, не грустил, не веселился. Нет, они болтали, общались, но сдержанно, как предписано. Инспектор остался доволен.

— И вот ещё что, — сказал он, проглотив как будто мыльный на вкус кусок тефтеля. — Мне поручено сопроводить одного вашего воспитанника к новому месту содержания. Анатолий Окунев. Он будет теперь у нас, при Министерстве. Официальное предписание я вам передам, а вы подготовьте его личное дело.

— Толик? — удивился директор. — Такой тихий мальчик, даже немного забитый. А впрочем, да-да, я понимаю, его папа в заключении...

— На излечении, — поправил инспектор и, подумав, счёл нужным уточнить, — в санатории.

— Конечно-конечно, — закивал директор. — Сейчас всё организуем.

Мимо проходила та самая девочка, что подобрала во дворе котёнка. Она попыталась незаметно прошмыгнуть за спиной у директора, но тот её заметил.

— Лиза, — позвал директор. Лиза вздрогнула и подошла, низко опустив голову. — Зайди к мальчикам и пригласи к нам Толика Окунева.

Инспектор увидел, как девочка ухмыльнулась. Едва заметно, уголками губ, но инспектору этого было достаточно. Ему сразу стало понятно, что основное задание, замаскированное под рядовую проверку, он провалил, и почему-то подумал, что компот, и правда, кислый.

— А его нет, — сказала Лиза со скрытым вызовом. — Он убежал. К колдунам, — она потрянула головой, отбрасывая с лица длинные русые волосы. — А я знала и не сказала.

Инспектор схватил директора за лацкан пиджака, притянул его к себе через стол.

— Очень быстро соображайте — к кому из взрослых он пойдёт?

Николаич жил в старой панельной пятиэтажке, который год дожидавшейся сноса. Сразу заходить Толик не стал. Постоял под окнами, подождал. Если Николай скучает, он каждые полчаса врубает себе сцену воздушного боя из старого фильма «В бой идут одни старики». Колонки у него хорошие, война на весь двор идёт. «Будем жить!» — орёт Николаич вместе с горящим в самолёте пилотом, а из окна пустые бутылки швыряет. А иногда и не пустые. А иногда стихи свои орёт. Толик помнил, что-то вроде: «Я главного не понял, а главное — душа. Была вода в ладонях — ушла...» [\[1\]](#) Поэт, блин. Но было тихо.

Толик зашёл в вонючий подъезд и увидел Николаича. Тот сидел на ступеньках и задумчиво перебирал в руках связку ключей.

— Привет, — сказал Толик.

— Привет, Окунев, — сказал Николаич и стал внимательно рассматривать Толика. А Толик сразу забыл все слова, которые собирался сказать. Он ведь долго готовился к этому разговору, представлял, как будет убеждать Николаича взять его в дорогу, а Николаич будет отказываться, а он ему напомнит, как видел однажды, что Николаич кормит голубей и никому не сказал... а вот теперь кажется, потерял дар речи.

— А я вот домой не могу попасть... представляешь — ключи не подходят! — и Николаич растерянно пожал плечами.

— Это из-за меня, — наконец смог сказать Толик. И сразу легче стало, как в воду холодную собирался-собирался и прыгнул.

— Да-а-а? Дай догадаюсь — ты мне замки поменял пока я в ларёк бегал. За десять минут поменял?

— А ты не шути. Сейчас тебе не до шуток будет.

Николаич встал и, подойдя к Толику вплотную, продолжал с интересом на него смотреть. Толик понял вдруг, что физрук совсем небольшого роста.

— Николаич, отведи меня в школу колдунов.

И учитель не испугался как Костик Бобров. Он как будто ждал этих слов. Как будто понимал, что будет с ним сегодня непременно какая-то неприятность.

— Вот гадёныш, — сказал Николай. — Ну и почему ты меня, позволь поинтересоваться, выбрал?

Толик растерялся. Он и сам толком не знал, почему пришел к учителю физкультуры.

— Ну, может, потому, что ты разрешаешь на «ты» себя звать... и воевал. И волшебники тебя до сих пор не забрали, хотя ты вон какой весёлый, анекдоты не боишься рассказывать и нас не ругаешь, когда смеёмся.

Николаич вздохнул и процитировал сам себя:

Говорил крокодил вежливо
Маленькой обезьяне:
Я сыт, до обеда следующего
Останемся друзьями!

Потом протянул Окуню ключи.

— Попробуй ты открыть.

Толик проскочил лестничный пролёт и легко открыл дверь квартиры.

— Скажите, меня накажут? — спросил директор. Он вёл машину по раскисшей дороге, с трудом удерживаясь от заноса.

— Не дёргайте руль, — сказал инспектор. — Никто вас не накажет. Наказывают или для примера, или чтоб самому неповадно было, но этот случай уникальный. Нет смысла вас наказывать.

Инспектор подумал, что наказать следовало бы его самого: он прошляпил мальчишку, упустил из-под носа. Но и этого тоже не будет. Потому что наказать инспектора мог только один человек. Но этот человек никогда не разменивался на наказания. Утративший доверие сотрудник просто исчезал при обстоятельствах, о которых инспектору не хотелось вспоминать.

— А в чём уникальность этого пацана? — немного успокоившись, спросил директор. И сразу испугался своего вопроса. — Если это не секрет, конечно.

— Секрет, — с удовольствием ответил инспектор. — Секрет государственной важности. Но вам я его раскрою.

После этих слов машина снова вильнула. Директор покосился на собеседника, но ничего не сказал. А инспектор развлекался. Он вполне мог позволить себе раскрыть государственную тайну этому олуху в полной уверенности, что вампир, паразитирующий на детишках, о ней никому никогда не расскажет. Он тоже умел делать так, чтобы люди исчезали. Даже если эти люди вампиры.

— У мальчишки должно в скором времени проявиться уникальное Умение. Он нам

нужен. Нашему Министерству. И нам совсем не хочется, чтобы он со своим Умением оказался у колдунов. Лучше уж ему тогда в болоте утопнуть.

Директор остановил машину возле дома Николаича.

— Здесь, — сказал он.

— Быстрей, — сказал инспектор.

Они вышли из машины и почти бегом направились к подъезду. Уже поднимаясь по лестнице, директор спросил:

— А разве в Министерстве уже научились определять заранее, какое Умение проявится у человека?

— А вы не так глупы, как кажется, — прыгая через ступеньки, ответил инспектор. — Научились. В этом всё и дело. Учились, учились и научились.

Директор был хоть и не великого ума, но и, действительно, не настолько глуп, чтобы не понимать — инспектор не раскрыл ему и сотой доли информации, но того что стало известно — достаточно, чтобы навсегда потерять покой.

Дверь в квартиру на третьем этаже была распахнута. Они вошли, огляделись. Обстановка из категории «запущенное холостяцкое жилище» приближалась к категории «бомжатник».

— Опоздали, — пробормотал инспектор.

— Будем преследовать? — сотрясаясь объёмистым пузом, деловито спросил директор. — Вы же знаете направление?

— Будем, обязательно будем, — ответил инспектор, разглядывая директора. Под его взглядом тот попытался втянуть живот и расправить плечи. Получилось плохо. — Но не мы, — заключил инспектор и спросил:

— Мать мальчика живёт в посёлке?

— Да, работает в ателье, насколько я помню.

— А эта девочка... Лиза? Она почему-то знала про побег, а такое доверяют лишь близким людям. Они приятели?

— Понимаете, побег к колдунам это ведь ещё и детский фольклор, — оживился директор, почувствовав близкую ему тему. — Они про это сочиняют страшилки, пугают друг друга, поход к колдунам овеян у них романтикой, беглецов героизируют... — директор споткнулся под холодным взглядом инспектора и быстро закончил: — Он мог всему интернату рассказать, что идёт к колдунам, но мало кто воспринял бы его слова всерьёз.

— Однако девочка была уверена, что он сбежал. Значит, принимала всерьёз. Расскажите мне про неё как можно подробней.

Директору очень не хотелось рассказывать про Лизу, да ещё и подробно но, промокнув лысину платочком, он раскололся. А куда ему было деваться?

— Мне деваться было некуда, — рассуждал Николаич, пока на коротком привале Толик с Костяном доедали консервы. — А вот ты зачем с нами поперся?

Он спрашивал, конечно, у Боброва, который корочкой хлеба вычищал дно банки «Завтрак туриста». Костян догнал их, когда они уже лес прошли и подходили к болоту, а до этого от самого посёлка незаметно шёл следом.

— А куда мне было деваться? — угрюмо ответил Костян. — Небось, знаете, что бывает с теми, кто колдунам насолил...

— Знаю, — охотно ответил Николаич, — неприятности разные бывают. Со мной они

начались даже раньше, чем этот юноша ко мне притопал. В собственную квартиру не мог попасть. Но это мне, видимо, знак подавали — не упрямясь, дескать, веди его к нам, раз именно тебя он выбрал в провожатые. А ты чего испугался? Он же не колдун ещё и когда им станет — неизвестно.

— Ну, вы даёте! — Бобров отбросил банку и встал. Поглядел на физрука, как на полоумного. — Как это не станет, если пошёл в школу колдунов? Оттуда ещё никто не возвращался. А когда станет, непременно мне отомстить захочет. Я бы, например, обязательно захотел. А он чем лучше? Так что я сам в колдуны пойду, раз такое дело. Хоть и не собирался. Мне оно незачем. У меня родители в порядке, по тюрьмам не сидят.

— Ты бы родителей лучше не трогал, — зло сказал Окунь, поднял брошенную Костяном банку и стал втоптывать в землю вместе со своей.

— А то что? — презрительно спросил Бобров. — Мне теперь тебя бояться нечего — сам колдуном буду. А сейчас могу и в рыло дать как раньше.

Толик секунду подумал и хитро глянул на Николаича. Тот ему подмигнул незаметно и приготовился слушать. Окунь подошел к Боброву и ласково спросил.

— Костя, ты ведь двоечник? А я на пятёрки учился. Я и у колдунов буду на пятёрки учиться, и колдуном лучше тебя стану, потому что ты и там двоечником будешь. Потому что ты тупой, — и отвернувшись, сказал: — Давай, Николаич, банку, я закопаю.

Видно было, что Костяну очень хочется побить Толика, но он снова боялся. Толику было забавно ощутить в себе неизведанное до сих пор чувство уверенности. Ему было приятно, что Боброву он теперь внушает страх. Чувство превосходства он почувствовал, ранее не испытанное. И ему приятно было вызывать страх у Боброва, который был сильнее, но сейчас откровенно трусил. Нет, правильно он придумал, взять и сбежать.

А Николаич задумчиво проговорил:

— Кто в школу колдунов ушёл, никто не вернулся — это все знают. Из детей там колдунов готовят — это тоже все знают. А вот куда подевались все взрослые, которые туда детей отводили — вот на этот вопрос мне кто ответит?

Но ему никто не ответил.

Ольга Окунева не понимала, за что ей досталась такая жизнь. Виноват во всём был, конечно, бывший муж, малахольный романтик. Сейчас она не понимала, как могла влюбиться и выйти замуж за этого хронического неудачника. Нет, поначалу всё было прекрасно, любовь и его возвышенные проповеди о несовершенстве мира. Она же слушала его, открыв рот, вот дура, корила она себя. Когда стало нечего жрать, до неё наконец дошло, что за скептический взгляд на окружающую действительность денег не платят. Сначала не платят денег, а потом приходят интеллигентные сотрудники Министерства счастья и уводят муженька на неопределённый срок. «До полного излечения» — было написано на официальном бланке. А потом приходят хамы из социальной службы и забирают ребёнка в интернат. Потому что доходы, ниже прожиточного минимума.

Она сделала пасс и несложным заклинанием сотворила на манекене модельную юбку. Пока её напарница стягивала с манекена готовое изделие, можно было недолго передохнуть, подкопить энергию и снова пасс, заклинание, юбка. И так день за днём.

Ольга подумала, что надо вернуть себе девичью фамилию. Чтобы ничего не напоминало о Владимире. Сменить фамилию, накопить денег и забрать из интерната Толика. И выйти замуж. За серьёзного человека. Который из Толика выбьет дурь, от родного папашки

оставшуюся. Нет, не в прямом смысле, а личным примером покажет, как надо в жизни правильно устраиваться. Это всегда было сложно, а уж в наше время люди как только не крутятся, чтобы, как в пословице — «и волшебников не рассердить и колдунов не разозлить». А ведь, по сути, и тем, и другим было нужно одно и то же. «Белые придут — грабят, красные придут, тоже, понимаешь...» — вспомнила Ольга из старого фильма.

Тренькнул телефон. Ольга достала мобильник и прочитала на дисплее: «Ваше сообщение успешно доставлено». Ольга пожала плечами: не отправляла она никаких сообщений. Проверила исходящие — точно, не отправляла.

[1]Здесь и далее — стихи Сергея Никифорова.

Вторая глава

К болоту они подошли уже к вечеру и стали готовиться к ночлегу. Собирался Николаич впопыхах, можно сказать, совсем не собирался. Просто покидал в рюкзак еду из холодильника — и пошли. В магазин заскочили уже по дороге, котелок купили и фонарь. У Николаича даже на бутылку денег не осталось. Поэтому ни палатки, ни мешков спальных у них не было. Да и одеты по-городскому, не для похода. Хорошо ещё, что дождь кончился сразу за посёлком, стало сухо и тепло.

Николаич был, пожалуй, рад бросить всё и отправиться в неизвестность. Его немного пугало, что ни один взрослый ещё не вернулся. Но и оставаться дальше не было больше сил. Нет, работа учителем физкультуры в интернате не была ему в тягость. Детей он любил и легко находил с ними общий язык. Но вот смотреть в глаза ученикам ему было больно. В мире, где под запретом оказались проявления эмоций, им было труднее, чем взрослым. Детям было труднее, но притворяться они умели лучше.

Пока Николаич готовил постель из елового лапника, а Бобров бегал в кусты, Толик опять вспомнил, как Лиза плакала после беседы с директором. Директор был лысый и толстый и это был новый директор интерната, назначенный после того как Маму Галю увели волшебники. Новый директор любил вызывать к себе в кабинет девочек — особенно тех, которые ходили в кружок художественной гимнастики.

— Он обидел тебя? — снова и снова спрашивал Окунь у Лизы, а она тихонько плакала и ничего не говорила. И старалась быстрее справиться с собой, со своими слезами, чтобы никто не заметил и не настучал тому же директору: «А Лиза плакала — бе-бе-бе!» А Толик, глядя как у неё вздрагивают плечи, ненавидел директора так сильно, что в животе у него становилось холодно.

Николаич развёл небольшой костёр и кипятил воду в новом котелке. Из кустов прибежал радостный Костик:

— Если больше трёх раз стряхнул, то уже драчишь! — заржал он. — На вот, Николаич, я брусники нарвал, листочков, заваривай.

— В ручье сполосни, — сказал Николаич.

Толик услышал, что ему пришло сообщение, и достал телефон. «Толик, ты должен немедленно вернуться».

— Разве мы ещё в зоне приёма? — удивлённо спросил Николаич.

— Не в зоне. Давно уже, — ответил Окунь и выключил телефон.

После уроков Марина, самая старшая из девочек, заявила учителю:

— Это очень плохо, что у нас нет предсказателя!

— Зачем тебе? — засмеялся колдун. Он был совсем молод, немногим старше своих воспитанниц, но зато с бородой.

— А тогда мы заранее знали бы о приближающейся опасности, и не надо было бы впустую на болоте дежурить.

Колдун промолчал. Он знал, что девочки очень не любят ходить на болото, где был расположен охранный периметр. Можно было бы просто поставить магический барьер, но это привело бы к значительному расходу энергии, которую надлежало тщательно сберегать. Поэтому ограничивались системой сигнализации на основе самых простых амулетов. И

маленькие колдуньи каждый день, по очереди, ходили менять вчерашние амулеты на новые, подзаряженные. Так выходило экономнее. А про «опасность» Марина сильно преувеличила. Колдун близко бы не подпустил девочек к периметру при даже намёке на возникновение рискованной ситуации. Просчитать вероятность на ближайшие сутки он мог и без всяких предсказателей. Дежурили на случай появления «беглецов». Встречали.

Марина, не дождавшись ответа, вышла из класса вслед за остальными колдуньями. Колдун встал, подошёл к окну. Девочки резвились, радуясь окончанию занятий. Кто-то крикнул:

— Побежали глядеть, как Сонька рыбу ловит! — и они умчались к озеру. Колдун вынул из нарукавного кармана свитера мобильник, нажал кнопку быстрого вызова. Пока шёл дозвон, сделал несложное заклинание усиления сигнала.

— Привет, — сказал он.

— Привет, борода, — ответили ему. — Завтра гостей жди. Мальчишка всё-таки сбежал и выйдет к ближайшей школе. А ближайшая — твоя.

— Сбежал... Впрочем, мы же сами этого исподволь добивались. И мы, и они. Его обязательно попытаются остановить. Я выйду навстречу. Сейчас же.

— Нет! Всё должно выглядеть естественно, встретишь как обычно на кордоне, когда ученики тревогу поднимут. Волшебники не должны догадаться, что мы тоже знали о способностях парня.

— У меня ученицы, — автоматически поправил колдун и сильно почесал бороду. Волосы заскребли по микрофону мобильного.

— Что?

— Не важно. Думаю, надо всё же перехватить до кордона. Волшебники наверняка пошлют за ними лучших спецов. А они умеют уговаривать. Вот когда я сбежал, чуть не уговорили. Ему же страшно, он же просто мальчик.

— Ты хочешь завалить нашу агентурную сеть? — собеседник сильно повысил голос и колдун морщась, убрал телефон подальше от уха. — Мне сказали, что эту операцию готовили несколько лет, с момента как стало известно о потенциальной возможности появления уникального Умельца. Возможно, за мальчиком наблюдали с самого рождения. Пожалуйста, действуй по плану.

— Хорошо Макс, я буду действовать по плану, — ответил колдун и отключил связь.

Он сунул трубку в карман и легко выскочил в окно. Тоже пойду посмотреть, как Соня рыбу ловит, подумал он. Если ничего нельзя сделать. Если в борьбе департаментов за политическое влияние дети становятся разменной монетой, будем смотреть, как ловят рыбу.

Когда уже улеглись и Толик всё никак не мог заснуть, ворочался да на звёзды смотрел, Николаич спросил:

— Окунев, ты помнишь, мы в магазин по дороге зашли?

— Когда ты котелок купил? Помню.

— Так вот там продавец был — волшебник.

Окунь повернулся, пытаясь в свете затухающего костра разглядеть лицо Николаича.

— Да как ты узнал-то?

— А я их чую, — засмеялся невесело Николаич. — Когда после ранения в госпитале лежал, там их много было, я понял, что могу их от обычных людей отличать.

— Это потому, что у тебя в голову ранение было, — влез в разговор Бобров. — Я читал,

так бывает — если мозг у человека задет, он или дураком станет, или новые способности в себе открывает. Языки иностранные выучивает легко или там погоду предсказывает. Если не помрёт, конечно...

— У кого-то здесь мозг точно задет, — негромко сказал Толик. — Николаич, а ты почему сам в волшебники не пошёл? Мне отец говорил, что после армии легко к ним устроиться.

Николаич помолчал. Он вспомнил, как в конце войны, когда магия уже понемногу действовала, волшебники заклинаниями бесстрашия и героизма гнали в бой его батальон. Хорошая получилась атака, вот правда на противника заклинания тоже подействовали.

— Как тебе сказать... вот, что, по-твоему, общего, между колдунами и волшебниками?

— Ничего общего, — опять подал голос Костик. — Волшебники среди людей трутся, вынюхивают, кто чем дышит, себя не выдают поначалу, а потом — опаньки! Вот печать — пройдёмте с нами. А колдунов никто никогда не видел. Известно только, что если кто против них пойдёт — всё, капец ему...

— Я знаю, — перебил Окунь Боброва. — И тех и других все одинаково боятся.

— Точно! — воскликнул Николаич. — А я не люблю, когда меня боятся.

— Почему? — изумлённо спросил Костян.

— Не знаю. Наверное, потому, что в голову раненый.

Лизе было очень страшно. Сначала она надерзила взрослым, когда рассказывала про побег Толика, а теперь её поймали на очень серьёзном нарушении. После таких нарушений, дети, бывало, навсегда пропадали из интерната и больше про них никто не слышал.

— Скажи правду, — настаивал директор. — Зачем ты котёнка подобрала?

— Не знаю... я не знаю. Я, правда, не знаю! — Лиза удивлённо смотрела на успевшего обсохнуть котёнка, который тёрся об её ноги. Она попалась им в коридоре, когда несла его спрятать в подвале. Там бы он жил, а она приносила бы ему покушать и гладила по шёрстке. Такой вот был план. А теперь её застукали, хоть и не на месте преступления, но зато с уликами от которых не отвертишься. «Улики» жалобно пищали, просились на руки.

Инспектор спросил:

— А ты его покормила?

— Да, — кивнула Лиза. — Я в столовой молоко взяла, напоила его из блюдечка и полотенцем шёрстку ему высушила. А потом он вылизывался долго.

— Ты же знаешь, что это нельзя, — укоризненно сказал директор.

— Знаю, — Лиза вздохнула и решительно заявила: — Раз нельзя, я его завтра утром в приёмный пункт сдам!

Директор с инспектором переглянулись.

— Вот и молодец. Хорошая девочка.

И директор погладил Лизу по мокрым волосам.

— А пока можно, я с ним поиграю? — Лиза жалобно посмотрела на директора.

— Ну, что с ними делать? — добродушно засмеялся директор. — До завтра поиграй, но другим детям не говори, что это я тебе позволил. А потом мне расскажешь, кто его у тебя видел. Поняла?

Лиза кивнула.

— Ну, беги.

Лиза подхватила котёнка и вприпрыжку поскакала по коридору.

— Завтра у неё такой эмоциональный всплеск будет, что любо-дорого, — директор довольно прищурился и едва слышно заурчал. — Сам её на приёмный пункт провожу.

— И не забудьте меня уведомить. По долгу службы, сами понимаете, — инспектор облизнул пот с верхней губы.

— Непременно, непременно, — прошелестел директор. Инспектор начинал ему нравиться. Не сразу, но налаживался контакт.

Снилось Толику, как новый директор швыряет в него мобильные телефоны из окна николаичевой квартиры, а Лиза стоит рядом и говорит: «Не бойся, он ни за что в тебя не попадёт. Он же косой! Но ты должен как можно скорее вернуться!». И говорила она почему-то маминым голосом.

А когда они проснулись, у потухшего костра сидел волшебник. Был он весь какой-то закутанный — в плаще, в сапогах, шарф на шее, перчатки на руках — а ведь светило солнце, тепло было. И кашлял. Окунь сразу почувствовал, что это волшебник, и понял, как у Николаича получалось их различать среди обычных людей. Он ещё подумал, что может эта способность заразная и он теперь тоже на голову больной...

— Просыпаемся, просыпаемся!! — прогундел волшебник и высморкался. — Просыпаемся и ко мне подходим.

— По одному с поднятыми руками? — весело спросил Николаич.

— Всё шутим, — грустно сказал волшебник. — Уже до болота дошли, а всё шутим, всё дурачками прикидываемся. Всё непонятно нам, куда взрослые подевались, которые детей отводили...

— Николаич, он подслушивал! — закричал Толик, вскочил, метнулся к кустам спрятаться, убежать от очень мирно выглядевшего и от этого ещё более страшного человека, но волшебник дёрнул плечом, ноги у Окуня сами собой запутались в траве, он упал и больно стукнулся грудью.

— Вы бы с детьми поаккуратнее, дети не кегли, — тихо сказал Николаич, шагнув к волшебнику. — Ты кто такой, вообще, здесь распоряжаешься? Я ведь тоже могу кое-кого сейчас опрокинуть!

— Не надо притворяться, не надо усугублять, вы все отлично поняли, кто я — вблизи болота уже магическая зона действует. Впрочем, могу и официально, — он поднял вверх руку, раскрыл ладонь — там светилась печать Министерства счастья.

— Я такую уже видел, — прошептал Толик, — когда папу забирали.

— Так я же тебе от папы привет передать пришёл, а ты бегаешь. От мамы привет-то уже получил, на мобильный?

Волшебник старался говорить ласково, но простуженным голосом получалось это у него плохо. Он и сам это, видимо, понял и перешёл опять на приказной тон.

— Значит, последний раз говорю — возле меня собрались!

— А то — что будет? — Николаич говорил очень спокойно, но Толик видел, что кулаки у него сжаты и весь он напряжен.

Волшебник помолчал, а потом тоже спокойно спросил:

— А хочешь — скажу, где взрослые, которые детей к колдунам отводили?

— Где?

— А в болоте.

Пока волшебник отвлёкся на физрука, Толик на четвереньках добрался-таки до кустов,

залёг там, растерянно озираясь. Если проползти тихонько, не высываясь, прямо по болотной грязюке, то, может, и не заметят. Но волшебник сразу нашёл его взглядом и поманил пальцем, а Николаич сделал движение встать между ними.

И тут Костик Бобров, про которого все забыли, сказал:

— А давайте костёр запалим и чаю попьём. А то жрать хочется катастрофически.

Идти по болоту было очень трудно. Впереди шёл Николаич. Он прощупывал болотную жижу перед собой длинной жердью и лишь потом делал шаг. За ним карабкался Окунь, которому вода доходила почти до пояса, а за ним плёлся Бобров. Костик, хоть был выше и крепче, выдохся первым. Он всё время канючил, что устал и хочет есть и вообще идти никуда не собирался, даже деньги предлагал «этому гаду Окуню» и когда уже кончится это вонючее болото. И что очень жарко. И ещё он постоянно сбивался с тропы и проваливался, и Николаичу приходилось вытаскивать его.

А рядом легко скользил по воде волшебник и то угрозами, то уговорами старался заставить их вернуться в посёлок.

— Сергей Николаевич, — говорил он. — Я ведь не шучу. Утоплю в болоте — булькнуть даже не успеешь.

— Мог бы — давно утопил... — в который раз отвечал физрук и упрямо шёл дальше. Тыкал перед собой шестом, оглядывался на пацанов, поджидал отстающего Костика и не забывал ободряюще кивнуть Толику. Иногда мурлыкал себе под нос частушки собственного сочинения:

Мы набиты фальшью,

Словно рыбы фаршем.

Неудобно?

Зато съедобно...

Стихи у него, надо сказать, были весёленькие.

А волшебник всё не унимался:

— Окунев, а ведь ты, засранец, не подумал, что подвергаешь опасности жизни своего учителя и этого мальчика, который вообще не при чём.

— Подвергает, — согласился Бобров противным голосом.

— Отвали, — устало огрызнулся Окунь. А волшебник сказал насмешливо и в тоже время с угрозой:

— Ты со мной так не разговаривай, ты со своим директором так бы разговаривал...

Вот тут Толик подумал, что неплохо бы самого волшебника взять и утопить.

— А ты на меня не зыркай, — продолжал волшебник. — Всё про тебя знаем. Бойся своей мамы!

Толик остановился.

— Почему? — растерянно спросил он. А волшебник часто-часто затараторил:

— Отец в тюрьме, мать на двух работах, чтоб прокормить его, оглоуда, а он из-за девчонки сбежал, как не стыдно, обидели малютку, подумаешь, а почему инспектору не пожаловался...

— Заткнись, ты! — закричал Окунь и рванулся к волшебнику, провалился, дёргаясь в

трясине, протянул руки:

— Замолчи, сволочь!!

— Толик, ты чего испугался? Что про Лизку узнают? Так они знают! — и волшебник захохотал.

Толик замер, оглянулся на Николаича. Тот стоял молча и не смотрел на него, не спешил вытаскивать из трясины. А Бобров, вытирая рукавом пот с лица, сказал:

— Про Лизку-то? И директора? Так все знают. Давно уже. Он у неё кровь пьёт.

Соня, балансируя свободной рукой, закрепила кошачий череп на вершине вбитого в землю высокого шеста и посмотрела вниз. Лестница под ней ходила ходуном.

— Марина, держи нормально!

Марина, которой поручено было придерживать лестницу, вздрогнула и вцепилась в перекладины двумя руками, виновато улыбнулась.

— Опять мечтаешь, — печально сказала Соня, спускаясь. Хоть и младше Марины, она была старостой класса и держалась строго. Соня была очень серьёзной девочкой. Вернее — колдуньей.

Марина смутилась и, оправдываясь, сказала:

— Нет, я почувствовала присутствие...

— Да? — Соня посмотрела по сторонам. — Я ничего не чувствую.

— Ты с артефактами работала, уровень Магии у тебя сейчас низкий.

— Да, они Силу вытягивают... И кого чуешь?

Марина встала на четвереньки и стала нюхать воздух. Нос у неё вытянулся, черты лица заострились. Соня, чтобы не сбивать запах, отошла на несколько шагов.

— И кем ты себя представляешь? Кошка или волчица? — с интересом спросила Соня.

— Отстань, не мешай... Я мышка, серенькая...

Соня засмеялась.

— Маринка, тебе пятнадцать лет уже, мышками девочки из младшей группы прикидываются!

— Плевать, мне в мышку лучше всего получается трансформироваться, а чуют мыши не хуже волков.

Соня покачала головой и стала брезгливо вытаскивать из мешка амулеты — черепа мелких животных, сушеные мухоморы, мотки паутины... Пахло от этого хозяйства соответствующе, и Соня морщилась.

— Ну, вот. — Марина встала и отряхнула колени. — Идут. Трое. Два мальчика и взрослый.

— Хорошо, — обрадовалась Соня. — Мальчики это очень хорошо.

— Я тоже думаю, что мальчики это хорошо, — очень серьёзно сказала Марина. — Мальчики это просто здорово, — она закатила глаза и качнула бёдрами.

— Дура ты, Маринка, — рассердилась Соня. — Нам парней не хватает с артефактами работать. Вот этот череп кошачий! Его на полную мощность можно включить, если только крыльями летучий мыши обвесить. И сделать это должен непременно колдун. Заметь — не колдунья, а именно колдун. Иначе сигнализация работать будет в пол силы.

— А я чё? Я ни чё. Я и говорю — работать некому, одни девчонки, — засмеялась Марина и тихо добавила: — Вот будет тебе пятнадцать, а не двенадцать, по другому запоёшь...

— А если сигнализация будет плохо работать, — дальше лекторским тоном продолжала Соня, — мы так и будем в дежурствах на кордонах торчать. Тебе нравится? Вот скажи — тебе нравится здесь на болоте тину нюхать?

— Кишки сушёные мне особенно нравится по жердям развешивать! — тоже рассердилась Марина. — Что ты въедливая такая? Пошутить нельзя?

Марина ещё раз отряхнула джинсы и тоже принялась разбирать амулеты. А Соня вдруг дёрнулась, как от удара.

— Ой.

— Ты что? Соня, что с тобой? Ты бледная...

— Как же ты нюхала, дрянь, что волшебника не почувала? — Соня говорила шёпотом. Она прижала ладони к вискам и присела на корточки.

— Где? — Марина опять опустилась на четвереньки. — Не чую... — жалобно сказала она.

— Волчицей нюхай, — зло прошептала Соня.

Марина зажмурилась, прогнулась в пояснице и оскалилась.

— Чую. Волшебник. Матёрый. Кружит вокруг этих... гостей. С пути их сбивает, но Магию не использует. — Марина говорила тихо и часто, задыхаясь как после долгого бега.

Третья глава

Максиму нравилось, что по делам службы ему часто приходилось бывать в игровой Зоне. В Зоне Игры, как предпочитали говорить местные обитатели. Он с удовольствием ходил со сталкерами за хабаром или отстреливал на охоте мутантов. У него было много приятелей среди орков, а одна эльфийка всегда ждала его в гости. И дело даже не в том, что само существование места, в котором реализовались любимые с детства компьютерные игры, было настоящим чудом. К чудесам за последние двадцать лет уже худо-бедно привыкли. Просто здешний народ плевать хотел на ограничение проявления эмоций, действующие на большой земле. Они радовались и горевали, плакали и смеялись, тосковали и грустили... они даже влюблялись и ненавидели. Вот и сейчас сталкеры от всей души веселились — затеяли с орками рукопашную.

Орки, которых обычно отстреливали ещё на подходе к Бару, тоже были очень довольны и лихо крушили противника боевыми топорами. Сталкерам, одолжившим для такого дела длинные мечи у эльфов, приходилось туго. Если вначале схватки было восемь сталкеров против четверых орков, то теперь трое из восьми в пробитых брониках валялись на земле и над каждым в воздухе светилась надпись: «Игра окончена».

— Вали читеров! — ревел Чакра, в реале худосочный парнишка Вовка Чакрыкин, а в игре — грозный орк, ходячая гора мускулатуры. Топор он держал в левой руке и почти не пускал его в дело, зато в правой у него была толстенная цепь, которой он хлестал направо и налево.

— Русские не сдаются, — крикнул Слава Гискинд, по кличке Гися, сделал глубокий выпад и, запутавшись мечом в вовкиной цепухе, получил обухом топора по шлему «Сфера». Шлем был хороший, но Гися сел на попу и больше не вставал.

Максим в драку не лез. У него не было своего аккаунта в Игре, его назначили рефери. Он должен был пристрелить любого, кто воспользуется огнестрельным оружием. Под «любым» само собой подразумевались сталкеры.

Тем временем орки сразу в два топора уложили ещё одного бойца. Дальше продолжать не было смысла, началось бы избиение, а не честные разборки. Жалея сталкеров, Максим дал в воздух короткую очередь из калаша, давая сигнал к окончанию схватки.

— Не, ну я так не играю, — возмутился Чакра. — На самом интересном месте!

Хотя в целом он был доволен, зазнавшиеся приверженцы огнестрельного оружия, как и следовало ожидать, были наказаны. Орки ржали глядя, как перезагрузив игру, оживают поверженные сталкеры. Они печально разглядывали пробоины в бронекостюмах и вообще вид имели сильно мятый.

— И что я теперь эльфам скажу? — ныл Гися, поднимая обломок меча. — Обещал в целости и сохранности...

— Ладно, — сказал стр@n1k, сталкерский бригадир, — пошли в Бар, с нас поляна.

Орки задумались. С одной стороны, Бар — это территория сталкеров, орков к нему подпускали не ближе расстояния прямой наводки АКМ. И гульнуть там, на базе вечного противника, значило закрепить успех. Вот только свои же потом скажут, дескать «вы со сталкерами в Баре рассиживали». Победила гордость.

— У вас в Баре одни малолетки, пошли к нам в Берлогу! Там и проставитесь.

— Малолетки, говоришь? — сквозь зубы спросил стр@n1k. Из всей компании он один

был несовершеннолетний.

— А пойдёте к эльфам в «Тополёк»? — быстро предложил Максим. — Заодно и за сломанный меч рассчитаетесь.

И тогда не спеша, обходя аномалии, зубоскаля по поводу ожидавших сталкеров убытков, они пошли в сторону эльфийской локации. А у Максима зазвонил телефон.

— Говори, борода, — сказал он в трубку.

— Я подумал, — сказал колдун. — Я сделаю, как планировали. Но в дальнейшем отказываюсь выполнять задания, если они подвергают опасности детей. Я решил. Можешь передать, что я вышел из подчинения.

— Ты не горячись, — осторожно сказал Максим. — Начнём с того, что передавать о твоём демарше мне некому. Я же рассказывал — распоряжения я получаю из анонимного источника.

— Да, и мне сразу это не понравилось. Такая степень конспирации свойственна организациям скорее террористическим, чем гуманистическим.

— Не остри. Я думаю, нам надо встретиться и всё обсудить. Ты сейчас где?

— Рыбу ловлю, — ответил колдун и оборвал связь.

Толику было смешно, что Марина и Соня упорно называли эту небольшую вытоптанную поляну кордоном. Он знал: кордон — это как блок-пост. А блок-пост — это бетонные плиты, колючая проволока, автоматчики в накидках и по ним обязательно из засады стреляет снайпер. А тут выбрали среди болота место посуше, понавтыкали палок с черепушками и нате вам — «кордон»! Но вот почему-то волшебник так на полянку и не зашёл, остался на тропе стоять. Так ведь первое, что сказала меньшая из девочек, Соня кажется, когда они приблизились: «Сотрудникам Министерства счастья вход на кордон запрещён!» А пока они с Бобровым снимали кеды и выжимали носки, она и Николаичу заявила:

— Вам большое спасибо, что проводили ребят, одни бы они, скорее всего, не дошли — одиночек обычно волшебники перехватывают. Вы можете здесь отдохнуть, но мальчики дальше пойдут с нами.

— А как же я? — тупо спросил физрук.

— Ну, — пожалала плечами Соня, — вы назад возвращайтесь.

— В болото? — уточнил Николаич.

— Что вы глупости говорите! — возмутилась Соня. — Домой, конечно.

— Ага. Домой, значит. — Николаич внимательно смотрел на Соню, а та сразу отвернулась и стала внимательно смотреть по сторонам. На дежурстве она делом занята, некогда ей бестолковым визитёрам элементарные вещи объяснять.

Николаич глянул на волшебника. Тот высморкался, лениво уронил в болото платок и закивал:

— Пойдём. Ты своё дело сделал, молодец. Теперь я тебя провожать буду. Вот веришь, самому не хочется, но работа такая.

Марина между тем не отходила от мальчишек. Она посоветовала повесить носки и кеды на свободные от черепов жерди, пускай просохнут, выяснила, что Толику тринадцать лет, а Костику четырнадцать, а про себя заявила, что у девушек о возрасте спрашивать не прилично.

Подошёл Николаич:

— Ладно, парни, давайте прощаться, раз такое дело, — он коротко пожал им мокрые ладошки и крикнул волшебнику: — Ты меня уже заждался!

Окунь смотрел, как скорым шагом Николаич пересекает поляну и опять, как в тот раз, когда ему Бобров пытался деньги всучить, понимал — не правильно! Не должно так быть. Он посмотрел на Соню. У Сони глаза были грустные-грустные. Он посмотрел на Марину. Марина, хихикая, трогала пальчиком бицепс Костяна. Костян стоял в позе бодибилдера.

— Марина, а почему взрослые, которые детей в школу колдунов отводят, назад не возвращаются?

— Ну, их же волшебники уводят, — отмахнулась Марина и приготовилась потрогать у Боброва кубики на прессе.

— Николаич, стой! — закричал Окунь. — Стой, Николаич!!

— По телевизору только новости и классическую музыку, — постукивая пухлыми пальцами по столешнице говорил министр счастья. — Праздники все эти весёлые — Новый год там, и этот... ну, ты знаешь. Не запрещать, нет, а проводить коллективно. Пусть приглядывают друг за другом. Религиозные празднования поощрять! На них не забалуют. Вообще религиозное воспитание поощрять и вводить повсеместно. Чтобы серьёзное отношение формировалось. Построже надо!

Министр пропаганды смотрел на своего собеседника и не мог понять — а не издевается ли он над ним? Министра счастья он знал сто лет и помнил его молодым талантливым учёным, выпивохой и любителем похабных анекдотов. Вот только напоминать об этом сейчас, разумеется, не стоило. Мало ли, что было сто лет назад? А сегодня перед ним сидел крупный функционер, второе лицо в государстве. Точнее это он, министр пропаганды, сидел перед своим когда-то приятелем. В его кабинете. Куда его вызвали, как подчинённого. А что поделать — не он в любимчиках у Президента.

— В целом ты понял линию, я полагаю. И не смотри на меня так. Думаешь, я мохом оброс или из ума выжил?

— Да я ничего такого... — начал пропагандист, но был остановлен величественным жестом. Хозяин кабинета, казалось бы, просто приподнял ладонь над столом, а хотелось сказать — вознёс длань. Но продолжил тоном уже менее официальным:

— Ты пойми — сейчас момент очень напряжённый. Знаешь, что умники из Отдела прогнозирования давно работали над тем, чтобы научиться определять Умения ещё до того, как они проявятся?

Отдел долгосрочного и оперативного прогнозирования был самым засекреченным в департаменте, и министру пропаганды не положено было знать ни о его планах, ни, тем более, о результатах работы. Он и не знал и никогда не интересовался. Поэтому на вопрос просто не отреагировал. Ни кивнул, ни плечами не пожал. И отказываться тоже не стал. Считают, что ему должно быть известно о секретных разработках — ну и пусть. Потом обдумаем, отчего такие мысли у начальства. Его собеседник продолжал, как ни в чём, ни бывало:

— Так ведь научились! И такого сразу наопределяли, что вот думаю, а не разогнать ли их шарагу?

Он встал, одёрнул костюм и тут же смял борта, засунув руки в карманы брюк. Прошёлся по кабинету.

— По этому делу сейчас друг твой работает — инспектор. Вернее, засыпал он это дело,

я ему фитиль ещё вставлю, но когда придет, ты с ним переговори, чтобы быть в курсе. Пока уясни главное — в ближайшее время не должно быть никаких эксцессов! Не забывай, для чего мы создавали Организацию.

Услышав про Организацию, министр пропаганды покрылся холодным потом и перестал дышать. Закаменев, он глядел прямо перед собой, боясь пошевелиться.

— Ну, в целом ты осознал, ступай работай, — услышал он как будто издалека, встал, пожал протянутую руку и на ватных ногах вышел из кабинета.

Дышать министр пропаганды начал уже в приемной. Подышал, разглядывая секретаршу, серьезную даму среднего возраста, и пошел работать. Ему сегодня ещё предстояло, как и каждый день, объехать резиденции Президента, Премьера и Спикера. Они очень ценили его за умение — Баюн. От сладких грёз они просыпались только к его приезду. И снова засыпали. И так каждый вечер.

Снова шёл дождь, и снова вода хлюпала в кедах.

— Это беспрецедентно! — в который раз повторила Соня. Она очень сердилась. — Вы хоть знаете, что такое «прецедент»?

Они шли по узкой тропе, которая незаметно из болотной превращалась в горную. Но настоящих гор ещё не было видно, вокруг тянулись унылые холмы. Впереди шагали девочки, за ними Толик с Костяном, а сзади, как ни в чём не бывало, Николаич с волшебником. Кажется, даже о чём-то беседовали.

— Это значит, раньше так никогда не было, — неожиданно выступил Бобров. Толик даже споткнулся и глянул удивлённо на Костяна. — Отчим у меня тоже — ремнём лущует и приговаривает: «Это беспрецедентно — каждый день двойка!», — пробурчал Бобров. — Но это ещё до того как я ему зуб выбил. А так-то он режиссёр — кино снимает.

— Никогда ещё взрослые за кордон не заходили! — продолжала возмущаться Соня.

— Взрослые-то ладно, а вот что с нами волшебник... это как? — испуганно спросила Марина.

Соня только отмахнулась, а Толик вдруг спросил:

— Соня, а тебя кто к колдунам провожал? Ты же ведь тоже не одна пришла.

— Меня сестра старшая привела.

— А потом?

— Что?

— Ну, куда она делась?

— Откуда я знаю? Мальчик, ты такие странные вопросы задаёшь. Назад ушла.

— С волшебником?

— Нет. С нами никаких волшебников не было. Это первый раз такое, что с детьми волшебник пришёл.

Толик помолчал и снова осторожно спросил:

— А домой-то она вернулась? Сестра твоя?

Соня остановилась, повернулась и закричала:

— Нет! Не вернулась! Знаешь ведь, что никто не возвращается! Что ты меня пытаешь?! — Соня заплакала.

А Марина сказала:

— Меня и вовсе мама привела. Привела и на болоте осталась. Только тогда эпидемия «синьки» была.

Николаич подошел к Соне и осторожно обнял её. Было видно, что Бобров размышляет, а не приобнять ли и ему Марину. А Марина стояла, наморщив лобик, и вспоминала что-то такое, чего ей видимо, совсем не хотелось вспоминать. Соня, снизу вверх глядя на Николаича, сказала:

— Как странно... Тогда мне казалось, что это совершенно нормально, что она осталась стоять посреди болота и я не знаю, что с ней, и за целый год я про неё ни разу не вспомнила. А вот сейчас вдруг так стыдно стало!

— А раньше? — неожиданно резко спросил волшебник.

— Что?

— Раньше тебе бывало стыдно? Когда-нибудь?

Соня задумалась, а потом тихо сказала:

— Я не помню...

— А тебе? — уже у Марины спросил волшебник. — Стало тебе стыдно, когда про маму рассказала?

Марина удивлённо пожала плечами:

— А как это?

Она захихикала, а Николаич вдруг подскочил к волшебнику, схватил его за отвороты плаща и сдавленным голосом прошипел:

— Так вот в чём дело?! Вы поэтому за детьми охотитесь? В этом всё дело? В этом?!!

— Молчи, дурак! — волшебник выглядел испуганным, но почему-то не вырывался, — догадался и молчи! Хуже только сделаешь, если расскажешь. Не поймут они.

— Ты мне только скажи, — продолжал допытываться Николаич, — вы это устроили? Министерство ваше сраное?

— А вот это нет, — твёрдо ответил волшебник. — Мы, может, и много говна наделали, но это не мы.

— Мне щенка жалко было, — сказала Марина, и Николаич отпустил волшебника. Все смотрели на Марину. — Я сейчас вспомнила. Когда запретили домашних животных у себя держать и волшебники приказали сдать им всех кошек и собак. А у нас щенок был. Смешной. И он скулил когда мы его с мамой на приёмный пункт относили. Мне его так жалко было, даже сердце болело. А через день я про него забыла. Как же так?

Когда Ольга зашла домой и увидела на кухне за столом голого незнакомого парня, она, конечно, очень удивилась.

— Ну ни фэ!!

— Это вы от неожиданности?

— Что?!

— Ну вот это — «ну ни фэ»? У нас так в детстве говорили.

Ольга попятилась к двери и достала телефон.

— Что вы тут... вы кто?!

— Это вы в полицию звонить собираетесь? Скажете, что у вас на кухне голый мужик сидит?

— Да хотя бы!!

— А пока они ехать будут, я сбегу. Вы хотите себе репутацию чокнутой, которой от недотраха сексуальные глюки мерещатся?

— Сейчас муж придёт...

— Да нет у вас мужа!

— Есть!

— Нет!

— Есть!! Бывший...

— Ништяк. Приходит бывший — я подчёркиваю — бывший муж, и, опять же — видит голого мужика. И чё? Да и как он придёт, если наказание отбывает?

— Вам что надо?

— Вот. Наконец-то.

— Что?

— Наконец-то до вас дошло, что я не вор — раз голый, согласитесь, трудно представить себе домушника без трусов, и не маньяк — потому что трудно представить себе маньяка... ну, скажем не предпринимающего определённых действий. А значит мне, как вы правильно заметили, что-то надо.

— Я ничего не понимаю...

— Это часто бывает. Особенно если задумываться. Вот вы часто задумываетесь?

— Да о чём мне задумываться? И когда? Я на двух работах...

— Знаю-знаю! В ателье и фитнес-клубе и ещё работу ищете.

— Вы что — следили за мной?

— А как же! Давно и очень тщательно, — он показал ладонь со светящейся печатью. —

Максим Кочетов, Министерство счастья.

Ольга побледнела и устало присела на табурет.

— Понятно. Сначала мужа забрали теперь за мной пришли... Но голый-то вы почему?!

— Да потому, что одежда при экстренной телепортации не сохраняется!! Вся энергия уходит на перемещение биологических объектов. Вы что — «Терминатора» не смотрели? Не было у меня времени к вам обычным способом добираться. И я пришёл не за вами. Всё дело в вашем сыне.

— Что с ним? — вскрикнула Ольга.

— Ничего. В школу колдунов он направляется. И вы должны нам помочь его остановить. И вот ещё... У вас же умение — Модельер? Ну, вот и сотворите мне из одежды что-нибудь. Пожалуйста.

— Так и не вспомнил меня, Сергей Николаевич? — спросил волшебник тихонько. — А я тебя сразу признал. Это я с тобой в госпитале беседовал, когда ты ласты клеивал.

Николаича передёрнуло. О госпитале он предпочитал не вспоминать. После памятной атаки он сначала истекал кровью, валяясь рядом с горящим БТРом, одновременно и поджариваясь. Потом второй раз истекал кровью уже в госпитале, когда его магией полечили, да вот неудачно, не отработаны тогда ещё были Умения у новоявленных волшебных медиков. И пытался тогда с ним какой-то особист контакт наладить, но Николаич в тот момент был больше не беседой занят, а из последних сил не давал зрачкам под лоб закатиться. Вот, ничего больше не чувствовал, и боли уже не было, а только была уверенность — если зрачки закатятся, всё, кранты, непременно помрёт. И не спасёт уже никакая магия.

После другие ребята из того же департамента объяснили ему, что во время боя проявилось у него Умение. Редкое и для военной службы очень полезное. И в атаке сам он уцелел и те, кто рядом с ним оказался, спаслись благодаря этому вот Умению. Ему

предлагали офицерское звание и должность в штабе армии, лишь бы не уходил на инвалидность и продолжил службу. Но Николаич предложил им заняться оральным сексом со стайей пьяных обезьян, и его демобилизовали. Подписку взяли о неразглашении и направили учителем физкультуры в поселковый интернат. А до войны Николаич в столице жил.

— Я и тогда рожи твоей не разглядел, и сейчас не присматриваюсь, — ответил он волшебнику.

— Напрасно ты так, — душевно пропел волшебник. — Ты сейчас что думаешь, как в пословице — «Уменье не именье, захочешь — не пропьёшь»? Думаешь, сможешь — как тогда, всех кто рядом собой закрыть? Правильно, Умение отнять никто не может, но вот Силу из тебя я выкачаю так, что ты даже не почувствуешь. Так что, когда до места дойдём, ты тихо себя веди, не дёргайся.

Волшебник обогнал, толкнув плечом, ещё и высморкался соплёй об землю. Вид у физрука стал растерянный. Он пробормотал:

Ни сил, ни музыки, ни слёз,

Лишь чёрные туманы.

Но время — мудрый добрый пёс,

Опять залижет раны.

Николаич сплюнул и потопал дальше.

Четвёртая глава

Вертолёт летел совсем низко, и Ольга с восторгом смотрела в иллюминатор, на несущиеся под ними болотные кочки.

— Нравится? — спросил Максим.

— Да, — сказала Ольга.

— Первый раз летите?

— Первый, — она замялась, — а почему на вертолёте, а не телепортом?

Волшебник почему-то смутился и не сразу ответил:

— Там магическое поле сильное, портал не провесишь...

— А я решила — вы стесняетесь, — поддела она его.

— Мне, положим, стеснятся нечего...

— Мне тоже, — с вызовом ответила Ольга и снова стала смотреть в иллюминатор.

— Вот это всё — Заповедник, — стал рассказывать Максим, чтобы прервать неловкое молчание. — Название условное, да и границы территории толком не определены. Важно, что магия здесь действует с ограничениями.

— Почему? — спросила Ольга.

— А вот это никому неизвестно. Либо природная аномалия, либо колдуны наложили мощные заклятия, хотя поддерживать магическое воздействие такого масштаба очень сложно — слишком большой расход энергии.

— То есть это место контролируют колдуны?

— По сути — да. Но вы этого никому не говорите, потому что по официальной версии нашего Министерства, они здесь находятся в резервации, а мы их контролируем.

Ольга засмеялась, и Максиму понравилось, что она смеётся и не боится узнать то, что ей знать не положено. И как она смеётся, ему тоже понравилось. Он понял, что она ему просто нравится как женщина.

— Кто они вообще такие — колдуны?

— Правильнее всего их можно было бы назвать оппозицией к правящему кабинету.

— Оппозиция? А чем они недовольны?

— Собственно, всем. Но особенно их не устраивает система распределения магической Силы. Хотят как в Америке, где государство не вмешивается в аккумуляцию энергии частными лицами — кто сколько накопил — всё его.

— Ну и правильно, так и надо, — смело ответила Ольга.

Максим хотел рассердиться, что она себе позволяет, но вспомнил, что его друзья с игровой Зоны думают точно так же. И сам он думает не совсем так, но очень похоже.

— Вы можете думать, что угодно, и даже вслед за мужем отправляться в санаторий, но я вам это всё рассказываю, потому что хочу, чтобы вы поняли, Оля, — ваш сын навсегда станет изгоем. Он будет вне закона. Если мы его не вернём, конечно.

— Бывает, оппозиция приходит к власти и вне закона становятся те, кто вчера был законом.

Ольга произнесла это совсем тихо, едва различимо в гуле двигателей, но Максим услышал.

— В нашем случае это совершенно исключено, — уверенно сказал он. Хотя совсем не был уверен. И даже надеялся, что это не так.

— Мальчик сказал, что если мы не возьмём с собой взрослого, который их привёл, то он тоже назад пойдёт, — Соня оправдывалась вполне уверенно. Да и не чувствовала она за собой вины. Что поделаешь, если ей такие дураки попались?

— А когда Николаич с нами пошёл, за ним и волшебник легко через линию амулетов проник, — добавила Марина.

— Всё законно, — вмешался волшебник. — Взрослый в моей юрисдикции, и ваши заклинания на меня не подействуют, — он весело посмотрел на Соню и добавил: — Вы же знаете, что такое юрисдикция?

Колдун, казалось, не слышал ни слов волшебника, ни слов девочек. Он возник внезапно, словно из ниоткуда, а теперь стоял прямо на тропе и не сводил глаз с Окуня. Толик тоже не очень-то испугался. Подумаешь — колдун. Молодой совсем, в джинсах и свитере. И с большой бородой, которая нелепо смотрелась на почти юном лице. Уставился. Ведь на Боброва колдун даже не взглянул.

— Охранные заклинания, конечно, не подействуют. А вот боевые — запросто, — наконец сказал колдун, продолжая разглядывать Толика. Было видно, что волшебник растерялся:

— Вы что же? Убивать меня собираетесь?

— А вы что же? На закрытую территорию проникнуть собираетесь?

Бобров наклонился к Окуню и прошептал:

— Ну, всё — сейчас они на фиг поубивают друг друга!

Хоть и невысокие холмы до последнего скрадывали шум винтов, поэтому две машины вывалились из низкой облачности неожиданно. Они стремительно снижались прямо на людей, давая понять, что будут садиться именно на эту небольшую поляну. Воздух упругой волной от лопастей согнал в сторону тех, кто был на тропинке, и вертолёт тяжело, неуклюже, в опасной близости друг от друга уселись.

— Мама, — изумлённо сказал Толик, глядя как из первого вертолёта выпрыгнула и побежала к нему Ольга в сопровождении Максима.

— Папа! — Толик даже вскрикнул, потому что из второго, вслед за солдатом, который держал в руках автомат, выбрался Владимир Окунев.

— Стоять! — закричал колдун, взмахнул руками и между ним и вертолётами, прямо перед Ольгой, возникла стена прозрачного голубого пламени. — Всем стоять. Вы незаконно вторглись на закрытую территорию. Здесь магический заповедник.

— Успокойтесь, молодой человек, — Максим поднял ладонь, демонстрируя печать. — Мы имеем все полномочия и от нашего, и от вашего руководства.

— Что вам надо?

— Любые магические действия нам запрещены, просто родители хотят поговорить со своим ребёнком. Вы же не против.

Было видно, что колдун очень даже против, но он промолчал и, засунув руки в карманы джинсов, отошел в сторону. Пламя сразу потухло, но в воздухе остался запах горелой травы. Сырая она тлела, потрескивая.

Ольга подошла к Толику, обняла за плечи.

— Мне эсэмэски присылали, как будто бы от тебя, но я знал, что это не ты, — сказал Окунь.

— А как ты знал? — улыбнулась Ольга.

— Они же не знали, что ты меня «рыба моя» зовёшь.

Волшебники переглянулись.

— Топорно работаете, коллеги, — засмеялся колдун.

— Рыба моя, тебе надо вернуться, — печально сказала Ольга.

— Я не вернусь, — сказал Толик. — Я должен одно дело докончить. Никак нельзя его так оставить.

— Они папу отпустят, — Ольга отвела глаза.

Толик растерянно посмотрел на отца. Владимир стоял сутулясь, руки за спиной и смотрел исподлобья. От вертолета он не приблизился ни на шаг, а рядом с автоматчиком, державшим Владимира на прицеле, появился ещё и солдат с овчаркой на поводке. А Толик уже знал, что сейчас ему скажет папа.

— Всё испортил отец мальчика, — инспектор докладывал почти шёпотом, но человек, сидящий за огромным столом, всё равно недовольно морщился и глядел на инспектора как на назойливую муху. — Мы провели работу в интернате и с матерью ребёнка тоже обо всём договорились. Имелись полномочия на проведение операции в заповеднике, колдуны были бессильны нам помешать. Наш человек вёл объект постоянно, но нельзя было учесть...

— Можно было! — перебил инспектора человек за столом. — Должны были учесть, обязаны. У вас имелись полномочия, а они забили на ваши полномочия, сели в наш, я подчёркиваю, — в наш — вертолёт и улетели.

Он перевёл взгляд на монитор компьютера и стал читать открытый файл:

— Владимир Окунев, в заключении за антиобщественное поведение — эмоциональность. И Умение у него...

— Умение — Праведник, — подсказал инспектор.

— Вот именно, — раздражённо сказал человек за столом.

— Прошу поймите, Жрец, — жалобно сказал инспектор. — Это очень редкое, почти не изученное Умение. Совершенно бесполезное для носителя и поэтому никак зачастую не проявляющееся.

— Но можно было сообразить, что если человек — Праведник, то он не пойдёт на сделку. Вы представляете себе праведника, который торгуется? Я вот не представляю.

— Мы полагали, что желая, так сказать, оградить сына от неприятностей, он посоветует ему быть скромнее.

— Плохо вы полагали. Неправильно. Потому что дураки вы необразованные. Вы бы Библию на досуге почитали. Там очень похожая ситуация описывается.

— Я сегодня же прочитаю, Жрец.

— Сегодня? Библию? — тот, кого инспектор называл Жрец, с тоской поглядел на подчинённого. — Ну-ну...

Жрец встал из-за стола и стал прохаживаться вдоль бесконечных стеллажей с книгами, тянущимися вдоль стен кабинета.

— А вот этот ваш зека, сразу видно, человек начитанный. Как он там сказал — «Делай, что должен»?

— «Делай, что должен, и будь что будет», — отрапортовал инспектор.

— Вот-вот, — Жрец помолчал. — Заканчивайте это дело. С ним нельзя тянуть. Слишком много совпадений в одном месте. У отца редкое Умение, у мальчика латентное редкое Умение, у учителя этого тоже, не поймешь что. Мне всё это не нравится, — он снова

замолчал, разглядывая корешки книг. Инспектор томился.

— А что там с вашими инспекциями? — наконец произнёс Жрец. — С основным, так сказать, полем деятельности, — он усмехнулся. Инспектор оживился.

— Есть очень перспективная девочка. Поразительная в наше время способность к сопереживанию. Служит постоянным донором крови для директора интерната, вампира. При этом умудряется жалеть бездомных животных.

— Давайте их обоих ко мне. И директора, и девчонку. Давно пора.

— Слушаюсь.

— Всё, идите.

Инспектор зашагал к выходу из кабинета, но уже перед самой дверью остановился и спросил, развернувшись:

— Позвольте уточнить — и директора? Зачем?

— Возможно, он катализатор.

— Началось всё во время войны, — рассказывал колдун, когда они расселись в кабине вертолёта и взлетели. Было очень шумно из-за работы мощных двигателей, а колдун говорил, не напрягаясь, но почему-то его все хорошо слышали.

— Началось всё во время войны. Ты помнишь, как появились первые пси-ружья? — обратился он к Николаичу. Тот кивнул.

— Они у военной полиции были. Радиус действия небольшой. В меня раз стрельнули, когда в пивной с моряками подрались — весь хмель вышибло, и спокойный стал как полено.

— Да, небольшой радиус действия и минимальное воздействие на психику. Но с этого всё и началось. Не сразу заметили, что у людей подвергшихся воздействию пси-оружия стали проявляться Умения.

Дети удивлённо переглянулись.

— Ничего, — сказал колдун. — Обычно при детях об этом не принято, но такая уж у нас ситуация.

— А не принято при них, как я теперь понял, потому что все эти запреты на проявление эмоций в последние годы направлены именно на детей. Верно?

— В первую очередь, — кивнул колдун. — Ведь Умения потом проявились у всех, пси-оружие только запустило процесс.

Колдун замолчал и с интересом разглядывал собеседников. Как будто загадку загадал и ждал, кто же первым крикнет: «А я знаю!»

— Ведь Умения потом проявились у всех, кроме детей, — сообщил он, как будто очень важное. Как будто подсказку дал.

Толик понимал, что он уже знает отгадку, но пока не может её озвучить, не находит слов, а отгадка должна быть очень простая. Он видел, что Николаич давно уже догадался и что отгадка ему не нравится. Видел, что Марина с Соней и не хотели отгадывать, боялись они этой отгадки... И даже у Боброва, как ни странно, сделалось умное лицо.

— Значит, взрослые эмоциями детей Умения заряжают? — спросил Толик. — Вы, значит, жрёте наши чувства?

Колдун сидел довольный и с одобрением глядел на Окуня, а Николаич спросил:

— Кровь-то на хрена тогда у них берут? Никто же не верит, что для вакцины от «синьки».

— Для вампиров, — поморщился колдун. — Почему-то среди первых умельцев много

вампиров было. Но и для вакцины кстати тоже.

— А когда вампиры легально кровь у детей сосут, почему из этого секрет делать? Почему об этом как о постыдном чём-то замалчивают?

— Так стыд одна из сильнейших эмоций! — засмеялся колдун. — Ну и самим вампирам неприятно... хоть и легально, а всё-таки дети. Да и вообще, так уж получилось, что у многих Умения не совсем приличные. А часто, будем прямо говорить, и вовсе паскудные.

— Ниже пояса направленные? — уточнил Николаич.

— Ну, не всем же, как тебе, повезло, — ехидно ответил колдун. — «Отражатель» — очень редкое Умение.

— А как это — «Отражатель»? — спросил Бобров.

— А это так, что если кто его, к примеру, в болоте утопит, то и сам рядом утонет. Или если даже сильный колдун на замки от его квартиры заклятие наложит, то тоже потом домой попасть не сможет. Я вот, например, не смог — буду замки менять.

— А зачем я тогда к вам попёрся?! — закричал Толик. — Если оказывается, всё это так и должно быть?

— Ты, и правда, считаешь, что так должно быть? — очень серьёзно спросил колдун, глядя Окуню прямо в глаза. — Я думал ты к нам в школу пошёл, потому что хочешь изменить это всё.

— Всё изменить? — растерялся Толик. — Я хотел, чтобы директора из интерната убрали и маму Галю вернули. Или Лизу хотя бы чтоб не обижали. А изменить всё... как я один могу всё изменить?!

— В том-то и дело, что ты — можешь. Изменить всё. Ты один. Если захочешь. Вот только это очень трудно — захотеть по-настоящему.

Максима завербовали около года назад. Тогда он уже потихоньку начинал курировать игровую Зону. Комиссии Министерства геймеры раз за разом вышибали с треском, а Максим, сам игроман со стажем, легко нашёл общий язык сначала с орками, а потом и остальными персонажами непрекращающейся Игры. С колдунами из Заповедника тоже приходилось контактировать, и постепенно он превратился в неофициального дипломатического представителя волшебников на закрытой для них территории.

А до этого, по сути, был тем, кого до войны и магии называли ментами. Преступности, как ни странно, с воцарением магии в мире меньше не стало, и кому-то, как раньше, приходилось разгребать дерьмо, чтобы добропорядочные граждане могли более-менее спокойно копить эмоции для перекачки их в банки Министерства счастья. Плевать, что вместо МВД теперь за порядком в стране следило Министерство счастья. Главное, что Максим попал в отдел, занимавшийся уголовниками, а не политическими преступниками. Прежде всего, эмоционалами. Там бы Макс не смог работать. Потому что, как он сам себе признавался, был не просто эмоционалом, а прямо-таки потенциально хроническим пациентом санатория. Но он научился это очень тщательно скрывать. Молодой суровый парень, перспективный сотрудник, гордость Управления криминального розыска.

Он осторожно, чтобы не разбудить Ольгу, встал с постели и прошёл на кухню, закурил. Он вспомнил, что позвонили ему со странным предложением как раз в тот момент, когда он уже совсем было, решил бросить работу в Министерстве и обосноваться в Игре на постоянное место жительства. Ему напомнили о долге. Плевать он хотел на долг перед теми, кто паразитирует на детях. С ним согласились. И предложили работать на подпольную

организацию, целью которой было изменение ситуации в стране. Анонимный собеседник был убедителен и как будто читал мысли Максима. Говорил о невозможности построения здорового общества, в основе которого лежит лицемерное государственное устройство. Максим решил, что это провокация Службы внутреннего благополучия, и пригрозил написать рапорт о состоявшемся разговоре. Собеседник засмеялся и посоветовал сделать это в любом случае. И Максим поверил. И выполнил в течение года несколько мелких поручений. В основном это касалось несанкционированных контактов с колдунами. Передавал артефакты, добытые сталкерами в Зоне, передавал информацию. Непонятно было, как это могло изменить ситуацию в стране, но со временем он надеялся разобраться.

А вот последнее задание организации, связанное с делом Анатолия Окунева, умение — Негативист, странным образом совпадало с указаниями начальника отдела, в котором Максим работал. Получалось, что интересы колдунов и волшебников совпали. И это было очень странно.

— Ну, не понимаю я, как это — захотеть за другого! — Толик почти плакал.

— Я ведь тебе объяснял, — спокойно сказал колдун.

— Сто раз уже! — выкрикнул Толик.

— Нет, всего четыре раза. Но, если надо будет, и сто раз повторю.

— Зачем? Если у меня не получается, то и не получится!

Толик выбежал из класса. Колдун отошёл от доски, на которой мелом были в беспорядке начирканы формулы и графики.

— Вы тоже можете идти.

Из-за старинных парт поднялись и начали расходиться колдуньи — совсем маленькие девочки, почти взрослые девушки, но в основном подростки лет тринадцати. За последней партой сидел Николаич.

— Вы бы с ним помягче, что ли, — сказал он, когда все вышли. — Видите же, не получается у парня.

— С чего вы взяли? — весело спросил колдун и почесал бороду. — Он делает прекрасные успехи. То, на что девчонки тратят месяцы упорных тренировок, у него получается само собой, ему даже не надо заклинания учить — достаточно один раз увидеть!

— Тогда зачем так на него давить? — растерянно спросил Николаич.

— Да просто времени у нас нет! Приходится форсировать обучение. Вы же видели, как за него волшебники цеплялись. Думаете, они его в покое оставят? Нет. Ни за что. А я хочу чтобы, когда они за ним придут, Анатолий мог их достойно встретить.

— Думаете, придут?

— И не сомневайтесь. Вопрос лишь когда.

— Чтобы убить? — тихо спросил Николаич.

— Сразу — нет. Сначала попытаются переманить на свою сторону. Им ведь тоже очень нужны редкие Умельцы. А когда не выйдет, попытаются убить.

Они помолчали. В открытые настежь окна было слышно, как во дворе девочки затеяли игру.

— Я ведь и вас попросил на занятиях присутствовать, чтобы ему стимул был.

— Это я стимул?

— А как же?! Очень он вас уважает.

— Уважает, это ладно, — нахмурился Николаич. — Скажите лучше, зачем я вам вообще

нужен. Ну, на уроках я сижу, про магию лекции слушаю. У самого даже кое-что получаться стало.

— Очень хорошо, — быстро вставил колдун.

— Подождите. Я ведь понимаю — колдуна из меня уже не выйдет — возраст не тот.

Колдун сокрушённо развёл руками, дескать, да, тут уж ничего не попишешь.

— По специальности тоже не хотите меня использовать...

— Да не нужна им физкультура, — засмеялся колдун.

— Так что я тогда здесь делаю? — требовательно закончил физрук.

Колдун задумался, как будто решая, а стоит ли вот ему взять всё, да и рассказать?

Потом, видно, решил, что да, видимо, надо:

— Скажите, Сергей Николаевич, вы ведь много раз слышали раньше про школу колдунов.

— Конечно. Болтают все, кому не лень, но больше дети.

— А что болтают?

— Да, вздор, в основном. Легенды, слухи, домыслы — городской фольклор.

— Но какое-то общее представление всё же складывается, — довольно подхватил колдун. — И вот когда вы пришли и увидели, как тут у нас всё на самом деле, вы же удивились? Не то вы ожидали?

— Да уж, — улыбнулся Николаич. — Не думал, что старый охотничий домик и полтора десятка учениц с одним преподавателем и есть пресловутая школа колдунов.

— Несерьёзно как-то выглядит, верно?

Николаич сдержанно улыбнулся.

— А ведь на самом деле здесь хранятся огромные запасы магической энергии. По сути, школа — своеобразный аккумулятор. Нет, обучение тоже необходимо, но главное наше назначение — сберечь и приумножить стратегический запас.

— И много таких запасников?

— Достаточно, — жёстко сказал колдун. — Достаточно, чтобы противостоять силам, которые сочли нас неудобными.

— И собираете вы энергию, конечно, через детей? — Николаичу стало скучно. Он уже знал, какой ответ услышит.

— Да, — просто сказал колдун. — И именно поэтому девочки. Они эмоциональней. И возраст подобран не случайно. Они все сейчас такие влюбчивые. Поэтому вы нужны, хотя бы просто как объект внимания. В меня им влюбляться уже надоело.

— Да вы рехнулись! — Николаич вскочил. — Я вам Гумберт, что ли?!

— Размечтался! — захохотал колдун. — Никто вам не позволит перейти определённые рамки, сами понимаете.

— А пошёл ты в жопу при таком раскладе.

Николаич пошёл к дверям, но остановился, пристально поглядел на колдуна и спросил:

— А когда Окунева убивать придут, ему ведь тоже придётся? Верно? И тебе этого и надо?

Колдун молчал и печально смотрел в окно.

Пятая глава

— Нагородили заборов, дрянью всякой их обмотали — сигнализация, говорят! Кордон! Изба заброшенная с двумя сараями — школа колдунов, говорят! Понты колотят, а на деле — одни девчонки и мальчик с бородой! — возмутился Толик, пока Бобров сматывал удочки.

— Не такой уж и мальчик. Лет двадцать ему. А как он стену огня руками сделал, не забыл? — Бобров закинул удочки на плечо и поднял ведро с рыбой.

Они пошли в сторону школы по тропинке вдоль озера.

— Сам-то он огонь руками делает, а нас чему учит? Нюхать за мышек, слышать за птичек... хотеть за другого! Я даже не понимаю, как это. Мы же за месяц ни одного боевого заклинания так и не узнали, теория сплошная, — продолжал возмущаться Окунь.

— Ты не узнал, а не «мы», — с тоской поправил Костян.

Толик замолчал. Подумал. Потом сказал:

— Костя, может, это и не плохо, что у тебя способности к магии нулевые оказались. Зато потом как у всех взрослых какое-нибудь Умение проявится. У меня вот теперь никакого умения не будет уже — чему выучусь, то и наколдую.

— Большое спасибо, — ответил Бобров. — Только ведь Умение именно «какое-нибудь», а ты сам сможешь колдовать, что захочешь. Ты видел, как Соня рыбу ловит к обеду?

— Нет.

— Она к озеру придёт, пошепчет, и рыба сама на берег выбрасывается. Вёдрами. А я на две удочки трёх окуней с утра поймал.

— Это я и сам теперь могу. Ну и не интересно так! Что это за рыбалка, если рыба сама... — преувеличенно бодро начал Окунь.

— А ещё, знаешь, — перебил его Бобров. — Умения такие бывают, что и не в радость. Вот отчим у меня сначала своему Умению радовался. И мама очень довольна была. А после у него по работе проблемы начались. Фильмы его никто не покупает. Он теперь нажрётся и орёт: «Гоголь — онанист, Чайковский педераст, а я с таким хером дурак дураком».

Толик опять помолчал, а потом решил продолжить тему:

— Марина так за тобой и бегаёт?

— Проходу не даёт, — довольно ответил Костян.

— Нравится она тебе?

— Да. А тебе Соня нравится?

— Вот ещё...

Бобров засмеялся.

— А ты ей нравишься, точно говорю. Гляди околдует, она же колдунья сильная, хоть и маленькая ещё.

— Нельзя. Запрещено же друг на друга колдовать.

— Запрещено-то запрещено, — задумчиво протянул Бобров. — Но вот с тех пор, как мы здесь, мне ни разу не хотелось тебе в ухо заехать. А раньше всё время хотелось.

— И что? — нахмурился Толик. — Ты думаешь, тебя колдун, типа, как сказать, исправил, что ли?

— Исправил или испортил — не знаю, но ты вот сам не видишь разве, что я изменился?

— Серьёзной стал, — согласился Толик.

Бобров остановился, поставил ведро на землю.

— А зачем?

— Чего, — тупо спросил Окунь.

— Зачем, говорю, ему это надо?

— Ну, — замялся Толик, — ты не злишь, но ты же просто прям как гопник был.

— А теперь интеллигент, да? А я вот тебе скажу, что колдун мне за тобой приглядывать велел!

— Что? Как? — задохнулся Толик.

— А вот так. Чем дышишь нюхать. И если вдруг по маме заскучаешь сразу ему докладывать.

— Вот сука.

— Кто?

— Да не ты — колдун.

— Вот именно. Так что ты прав — гнилое это место. Линять отсюда надо.

— Я не понимаю, — говорила Ольга, разбивая яйца на сковородку. — Как вы могли взять их всех и отпустить. И главное его. Отпустить.

— Я же объяснял, — устало ответил Максим, прихлёбывая чай. Он сидел за столом и, казалось, занимал слишком много места в маленькой кухне. Во всяком случае, накрывая на стол, Ольга как бы невзначай всё время прикасалась к нему бедром. — Мы не могли ничего сделать. Не наша территория. В то время мы не имели права совершать там никаких силовых акций. Твой сын мог только добровольно поехать с нами, по своему желанию. Для этого тебя и пригласили — чтобы уговорила. И у тебя почти получилось.

— Да кто он такой, чтобы спрашивать его желание! Мальчишка же. Сопляк! Паршивец такой... — она говорила это, украдкой поглядывая на Максима, проверяя — верный ли взят тон разговора.

— Напрасно ты так. Он как раз показал, что не такой уж и сопляк, приняв очень трудное для себя решение. А тебе, хотя бы в моём присутствии, не следует проявлять столь явно излишнюю эмоциональность.

— Да какое решение? — уже спокойней продолжала Ольга, нарезаая хлеб. — Я же с ним измучилась, в интернат забрали — думала выдохну, а он сбежал, переполох такой учинил. Весь в папашу, лишь бы дома не сидеть, вся порода такая.

— Да, с папашей мы, прямо скажем, облажались, — невпопад задумчиво сказал Максим. — Не соли!

— Блин, забываю всё время, что ты без соли ешь.

Ольга стала выкладывать яичницу на тарелки. Некоторое время они молча ели. Видно было, что Ольга всё время порывается что-то сказать, но Максим её опередил:

— Признайся, ты просто обижена, что когда они садились в вертолёт, он не взял тебя с собой. Учителя взял, девочек, даже колдуна этого, которого видел первый раз в жизни, не забыл. А тебя — нет.

— Ха! Так он и папашу своего тоже ведь прихватить не догадался.

— Правильно. Родителей он оставил, а чужих людей — взял. Потому что интуитивно, видимо, догадался — тебе опасность не угрожает. Он же видел, что ты со мной добровольно пришла. Точнее прилетела, — улыбнулся Максим. — И отцу, он понял, хуже уже не будет. Эти дураки его бы ещё в наручники заковали, для большей наглядности.

Максим вздохнул и долил себе чаю. Ольга подала ему бутерброд с вареньем, и он продолжил:

— А чужих людей ему пришлось выручать. А мест в вертолётe ограничено. Так что он поступил вполне как разумный взрослый человек.

— Вот почему ты всегда за него заступаешься?

— А он мне нравится, — просто ответил Максим, помешивая чай в чашке. — Замечательный пацан. И как он догадался, что вертолёт потребовать можно и никто его останавливать не будет? У нас такой потом переполох был с этим вертолётom, — Максим довольно засмеялся.

— Так этого я и не понимаю — почему вы его остановить не могли?

Максим жевал бутерброд и оценивающе разглядывал Ольгу — говорить, не говорить... Решил сказать.

— Его нельзя было провоцировать. Стрессовая ситуация активизировала бы его скрытые до поры возможности. А возможности у него — огого! — и, опережая вопрос Ольги, добавил: — У тебя очень талантливый сын. Такой талантливый, что весь наш мирочек, только-только после войны устаканившийся, может взбаламутить. А этого никто не хочет. Почти никто.

— Тоже мне мессия сопливый! — засмеялась Ольга.

— Не говори так, — строго сказал Максим.

Ольга встала, обошла стол и села к Максиму на колени.

— Да, ладно, не буду, — прошептала она, обнимая его за плечи. — Просто смешно — ты же сам в Министерстве работаешь, тебя все бояться должны, а ты сам как будто мальчишку этого боишься.

— А я не люблю, когда меня боятся, — сказал Максим и положил руку Ольге на грудь. — А вот его, и правда, побаиваюсь.

Колдун умирал. Он лежал на поляне перед руинами школы, и поляна вся была завалена обломками крыши, и даже целую парту вынесло сюда взрывом. Тело парня было измочалено как будто лопастями вертолётa, который догорал неподалёку. Марина, стоя на коленях, пыталась платочком зажать рану на темени колдуна, сочащуюся кровью. Борода у него тоже слиплась от крови, вытекавшей из разбитого рта. А рядом лежала Соня. На ней не было видно никаких повреждений, но сразу понятно стало, что она уже не живая.

Толик с Костяном подбежали.

— А Николаич? — спросил Толик.

— Когда вертолёт налетел, колдун ему приказал девочек в лес уводить. Мы с Соней остались, помочь хотели, а получилось — помешали: ему пришлось силу тратить, чтобы и нас защитным полем закрывать. От магического удара прикрыл и вертолёт сбил, но те успели ракетами шарахнуть.

Колдун открыл глаза и прохрипел:

— У меня в комнате в сейфе синий кристалл... Быстро, — и глазами показал куда-то вниз.

Толик понял — на шее у колдуна на цепочке висел ключ от сейфа. Но даже мысль притронуться к окровавленной одежде и стягивать цепочку с шеи, наверняка тоже переломанной, казалась ужасной. А Марина спокойно распахнула ворот джинсовой рубахи и дёрнула ключ, разрывая цепочку. Протянула ключ Окуню. Ребята бросились к развалинам

ШКОЛЫ.

— Брось ведро, — сказал Окунь, обгоняя Боброва, и Костян только сейчас заметил, что всё это время он так и бегал с ведром, в котором плескалась рыба. Он осторожно поставил ведро и кинулся следом.

Внутри не осталось ни одной целой перегородки, лишь завалы брёвен и досок громоздились между уцелевшими внешними стенами. Сам сейф был привален массивной дверью, сорванной с петель. Бобров ухватился за край и потянул на себя, опрокидывая, и его бы самого придавило, но Толик успел подставить плечо, и дверь рухнула в сторону, обдав их облаком трухи и пыли. Замочная скважина тоже была забита пылью, грязью, и Толик дунул в неё, очищая отверстие для ключа. Пыль полетела в глаза, и он отпрянул. Бобров забрал у него ключ, с усилием вставил, провернул с хрустом, и дверь сейфа легко открылась.

Там находился единственный предмет — сияющий, переливающийся многогранный ярко-голубой кристалл, размером с кулак взрослого человека.

— Ну ни фэ! — прошептал Окунь.

— Аккумулятор, — сказал Бобров.

Когда колдуну вложили в безвольную руку артефакт, он глубоко вздохнул и открыл глаза. Бледное до синевы лицо порозовело.

— Возьмёшь силу камня, — сказал он Окуню, пузыря кровью на губах.

— Как? — растерялся тот.

— Я помогу.

— Почему я?

— Только ты со своим Умением сможешь помешать волшебникам.

— Зачем?

Колдун через силу улыбнулся. Он прошептал заклинание, и кристалл в его руке начал испаряться, заполняя всё вокруг нестерпимым сиянием. Марина зажмурилась, а Бобров отскочил в сторону. Колдун сделал рукой рубящий жест в направлении Толика. Сияние тотчас исчезло, как и кристалл, зажатый до этого в руке колдуна. Толик схватился рукой за грудь, потом за голову и упал на колени. Зажмурился, застонал. Потом с усилием открыл глаза и взглянул на колдуна. Колдун был мёртв. И всё же Окунь чётко услышал его голос:

— Желать за других, не себе — ты поймёшь, это не сложно. Это твоё Умение.

Жрец смотрел из окна своего кабинета на вечернюю Столицу и прихлёбывал кофе из маленькой чашечки. Он предпочитал чай, но заняв свой пост, стал просить секретаршу подавать ему кофе. С лимоном. Столицу Жрец разглядывал без особого интереса, ему было хорошо известно всё, что происходит там, внизу, за окнами учреждения, которое он возглавлял. Уже несколько лет жизнь сначала мегаполиса, а после и всей небольшой страны подчинялась жёсткому распорядку, регламентированному специальными постановлениями правительства. Сейчас было время просмотра вечернего сериала. Убогого фильма со строго лимитированными эмоциональными сценами. За производство сериалов отвечали носители умения Продюсер, и они чутко пресекали попытки Режиссёров выйти за рамки эмоциональных границ. Те, кто умудрялся за эти рамки всё же выскочить, снимали кино в Санаториях. И хорошо снимали и там же находили зрителя.

Жрец как будто видел сотни тысяч семей у телеэкранов. Женщины, мужчины, дети и старики. Они вырабатывали рассчитанное Вычислителями количество эманаций, которые улавливали курсирующие по улицам патрули волшебников. Собранную по крупницам

энергию патрули транслировали в СберМагБанк и ЦентрМагБанк. Если патрули выявляли эманации слишком высокого уровня, вызывали оперативников. Те уже разбирались на месте в причине бесконтрольного выброса эмоций. Чаще причиной оказывалось детское поведение — слёзы или смех ребёнка. К этому относились снисходительно, ограничивались внушением перепуганным родителям. Но, если вызовы по этому адресу повторялись, в семью приходили работники социальной службы и забирали ребёнка в интернат. А что делать, если родители не справляются с воспитанием?

Жрец был доволен работой системы, которую он сам и придумал и воплотил в жизнь. Вспоминать, чего это ему стоило, было неприятно. У него совсем не осталось друзей, а люди из правительства, которых он презирал в глубине души и в прошлой жизни, пожалуй, не подал бы им руки при встрече, считались его добрыми приятелями. Но во имя поставленной цели он был готов и на большие жертвы. Цель была великой в его представлении, и пока, не без проблем, разумеется, он уверенно шёл к её достижению. Сначала на территории своего маленького государства, а после и на прилегающих территориях.

Жрец отпил кофе, поморщился и значительно произнёс:

— Ничего. Главное — Организация. А с Организацией пока всё в порядке.

Последнее время он часто разговаривал сам с собой.

Они снова шли через болото, и снова Николаич находил тропу между поросших осклизлой травой кочек. Вот только теперь Костик не канючил, а тащил за спиной самую маленькую из девочек, Наташу. Она сразу простудилась, и теперь у неё был жар. Остальные пока держались, не жаловались, но всем было трудно, и все были голодны. Марина девочек старалась подбадривать, хотя после того как во дворе школы в одной могиле похоронили Соню и колдуна, она, казалось, повзрослела на несколько лет.

— Откуда у меня Умение возьмётся, если я уже магии учиться начал? — спрашивал Толик физрука на коротком привале.

— Я так понял, что в этом и есть твоя уникальность. Ты и колдуном можешь стать, и Умение сохранить.

— Круто, — сказал Окунь. Не радостно сказал. — И давно ты это понял?

— Нет. Недавно. Но сразу заподозрил, что с тобой не всё так просто.

— Поэтому за мной волшебники так и гонялись, что я типа офигенно сильным колдуном смогу стать?

— Или волшебником, — устало сказал Николаич.

Толик удивлённо посмотрел на него.

— Да-да, — подтвердил Николаич. — Ты что подумал — они смерти твоей хотят?

— Думал, как папу — упекут куда-нибудь.

— Это обязательно, — подтвердил Николаич. — Изолируют. Запугают. Кормить будут совсем плохо и спать не давать. Может даже побьют маленько. А потом предложат — давай с нами, вместе, мы же хорошие, скажут, мы только добра хотим.

— А чего они взаправду хотят?

— А я не знаю, — пожал плечами Николаич. — Скорее всего, действительно, добра. Но вот какое оно, добро, это ведь каждый по-разному себе представляет.

— Это как раз понятно. Директору «добро» — кровь из Лизы пить, а Костяну — чтоб у него Умение хоть какое-нибудь паршивенькое проявилось. Мне другое не понятно.

— Что? — физрук печально улыбался.

— Колдун вот мне силу дал. Я её чувствую. Умение у меня странное пока мне не понятное. Тоже разберёмся. Но вот он перед смертью сказал — ты, дескать, один сможешь волшебников остановить.

— Видимо, действительно сможешь, раз они так боялись, что ты до школы дойдёшь.

— Вот, — Толик вскочил. — А почему я должен их останавливать?! Я зачем в школу колдунов сбежал? Лизу от директора спасти, отца домой вернуть, Боброва наказать — так это я теперь легко смогу. А волшебники мне вообще не упираются! Какие там у них с колдунами разборки — меня не колышет. Я домой хочу!

— Дело твоё, — сказал Николаич и посмотрел Окуню в глаза. — А ты помнишь, что тебе папа сказал?

— Это ведь как ловко вы молодого человека с пути истинного сбиваете, — сказал волшебник. Возник из ниоткуда и сразу начал сморкаться.

— Старый знакомый, — нисколько не испугался Николаич.

— А как вы думали? На произвол судьбы вас бросим? Ни-за-что, — по слогам выговорил волшебник. — Вы что творите, позвольте вас спросить? У вас там ребёнок больной, между прочим, а вы его по болоту тащите, у неё, может, воспаление лёгких уже началось.

— Не началось, — спокойно ответила Марина. — Я её заклинаниями уже почти вылечила.

— И правда, — удивился Бобров, на руках у которого мирно посапывала Наташа. — Нормальная у неё температура.

— Допустим, — согласился волшебник. — А запугивать зачем? Я же слышал. Что вы про нас ужасы рассказываете? Никого мы голодом морить не собираемся. Парень правильно рассуждает — ему наши разборки до фонаря — а вы с намёками. Зачем? Чего хотите?

Все замолчали. Сидели на островках сухой травы с равнодушными, отупевшими от усталости лицами. Девочки-колдуньи, некоторые заметно осунувшиеся, тихонько дремали, привалившись друг к другу. Бобров баюкал на руках Наташу. Он замотал её в свою куртку, а она во сне всё время раскрывалась, и Костян терпеливо снова кутал её. Марина возле засохшего дерева свернулась калачиком и из под прикрытых век смотрела на Толика. А он глядел на Николаича и ждал, что он ответит. Но Николаич тоже молчал.

— А вы чего хотите? — спросил тогда Толик у волшебника. Тот, как показалось, удивился вопросу.

— Помочь! — проникновенно ответил волшебник и даже руки к груди прижал. — Вам даже делать ничего не придётся. Вы просто мне не мешайте. Я сам сейчас вас перемещу, кто куда пожелает. Вы девочек куда ведёте? — обратился он к Николаичу. Но за него ответила Марина.

— За болотом есть ещё одна школа, и вы не можете об этом не знать. Как только мы туда доберёмся, в ваше Министерство будет отправлена формальная жалоба на силовое вторжение в магический заповедник и убийство колдуна и его ученицы.

— Вот и прекрасно, — воскликнул волшебник. — Я вас туда сейчас вмиг закину, а то, что же вы — в голоде, в холоде... а там подавайте жалобы сколько захотите. А Толика — домой, к маме. Так ведь, Анатолий? Ты же домой хотел? Ну, будь мужчиной, не меняй принятого решения.

— Положим, решения он никакого ещё не принимал, — начал было Николаич, но Толик его остановил.

— Значит, помочь хотите? — спросил он у волшебника.

— Это мой профессиональный долг, — надменно и, вместе с тем гнусаво, ответил волшебник.

— Очень сильно хотите? — опять спросил у него Толик.

— В рамках служебных обязанностей, — пожал плечами волшебник.

— Значит не очень сильно... ничего, сейчас будет очень.

Толик говорил медленно, как бы одновременно прислушиваясь к себе, к новым ощущениям, которые меняли его изнутри.

— Николаич, я понял. Понял, что я должен... Понял, как захотеть... за него! — выкрикнул он, протянув руку в сторону волшебника.

— Парень, ты чего? — прошептал волшебник. Он пошатнулся.

— Всё ещё хочешь помочь?

— Хочу.

— Но уже сильнее?

— Намного сильнее. Гораздо сильнее. Сил нет... пожалуйста, разрешите мне начать помогать! — голос волшебника задрожал.

— А ты же хочешь хорошо нам помогать?

— Теперь да. Я сначала обмануть хотел, простите меня, — волшебник уже горько плакал, размазывая слёзы и сопли рукавом плаща.

— Ты врал?

— Да. Я бы не смог девочек в школу телепортировать — здесь же зона магии сильная, телепорт не откроешь. Я бы смог тебя забрать.

— Домой?

— Неет, вот ещё, — он хитро улыбнулся сквозь слёзы. — Меня силой накачивают, чтобы я тебя к Жрецу перенёс.

Окунь с Николаичем переглянулись. Упомянув Жреца, Волшебник сразу весь задрожал, лицо стало красным, а насморк куда-то делся.

— Про Жреца не заставляй говорить, я сразу умру, блок стоит, — быстро сказал он.

— Силы много тебе вкачали? — Толик вплотную подошел к волшебнику. Тот кивнул. — Но телепортировать не можешь?

— Если тебя одного и к Жрецу — могу, девочек в школу не могу, — горестно признался волшебник.

— А дорогу проложить? — неожиданно спросил Окунь.

— Дорогу? Могу! — волшебник оживился, видно было, что идея с дорогой ему очень понравилась.

— Давай, — сказал Толик и присел на корточки в стороне.

— Эх!! — выкрикнул волшебник и взмахнул руками.

Прямо на болото как с неба упало асфальтовое шоссе. Не широкое, но идеально прямое и ровное. Оно на глазах вминалось в податливый грунт, поднимая фонтанчики мутной болотной воды. Девочки-колдуньи вскочили, отпрянули. Марина сделала движение, как будто пытаясь их всех накрыть невидимым покрывалом. Волшебник повернулся к Толику и с трудом произнёс:

— Отпусти.

Толик сделал рукой движение, как бы разрывая нитку, натянутую между ним и волшебником. Волшебник без сил повалился на сырой асфальт.

— Что же ты, парень, делаешь? — прохрипел волшебник. — Ты же не только из меня всё выкачал. Тебе же этого не простят.

Толик молчал. Он продолжал сидеть на корточках, глубоко задумавшись, и, казалось, не замечал ничего вокруг. Николаич подошёл к нему, наклонился, положил руку на плечо.

— Как ты? — спросил он.

— Нормально, — Толик поднялся, стряхивая руку Николаича со своего плеча.

— С этим — что делать будешь? — физрук кивнул на волшебника.

— Ничего. Пускай идёт, откуда пришёл.

— Я как пойду? — запротестовал волшебник. — Я же теперь без силы, я же теперь сгину в болотах этих!

— Ничего, как-нибудь, — жёстко ответил Толик. — Не сдохнешь. А сдохнешь, плакать не будем.

Николаич с удивлением посмотрел на Окуня и сказал:

— Да, быстро ты повзрослел.

— Само как-то получилось, — сказал Толик.

— Нет, если бы, и правда, повзрослел, — подал голос Бобров, который всё это время так и сидел с Наташей на руках, — он бы догадался жратвы наколдовать заодно.

Толик усмехнулся и спросил:

— Костян, а ты сильно кушать хочешь? По-настоящему?

Бобров задумался на секунду и показал Окуню крепко сжатый кулак.

Шестая глава

— Ему опять больно будет, — жалобно сказала Лиза.

— Тебе его жалко? — спросил Жрец.

— Даже очень, а потом так хорошо становится, когда вы по голове погладите, — ответила Лиза. Она стояла перед столом в кабинете Жреца, а на столе размещалась большая клетка. В клетке метался котёнок. Лиза старалась на него не смотреть. Жрец подошёл к ней совсем близко, взял рукой за подбородок, заставил смотреть на себя.

— А чтобы было хорошо, всегда надо кому-то сначала сделать больно, — прошептал он, глядя Лизе в глаза.

— Всегда?

— Да. Давай. Нажимай.

Лиза повернулась, зажмурилась и стукнула кулаком по красной кнопке, подключённой к клетке толстыми проводами. Вспыхнул электрический разряд.

Котёнка так шарахнуло о металлические прутья клетки, что к ним прилипли волоски серой шерсти. Лиза ойкнула и заплакала. Коротко и слабо мяукнув, котёнок начал вылизываться, очумело поглядывая на своих мучителей. Жрец положил руки девочке на голову и застонал от наслаждения. Из дальнего угла кабинета раздался шепот:

— Жрец, а можно и нам?

И другой голос, более настойчиво:

— Вы же обещали, Жрец.

Тот, кого называли Жрецом, никак не отреагировал. А Лиза уже улыбалась.

— Видишь, я тебя не обманываю, — наставительно произнёс Жрец.

— Никогда, — согласилась Лиза.

— Ну, иди.

Он дождался пока Лиза выйдет, а потом заорал на директора и инспектора, по прежнему жавшихся в углу:

— Обещал? Я тебе обещал?! И это после того как ты допустил, что этот мальчишка у нас годовой запас энергии выкачал, ты мне напоминаешь, что я тебе обещал?

— Виноват, Жрец, — забормотал инспектор, — был отправлен один из лучших агентов. Никто не предполагал, что Умение мальчика проявится так внезапно и с такой силой.

— И где теперь этот агент? — язвительно спросил Жрец.

— Где-то в болотах, — пожал плечами инспектор, — но в целом ситуация под контролем, меры приняты. Я же вам докладывал. К тому же мать мальчика полностью на нашей стороне. А запас магической энергии мы восстановим в кратчайшие сроки.

— Это как? — всё ещё раздраженно но, уже заметно успокаиваясь, поинтересовался Жрец. Инспектор незаметно толкнул локтём директора.

— Позвольте мне, — заюлил директор. — У нас созрел план, которому я в значительной мере могу поспособствовать. При вашем, разумеется, одобрении.

— Говорите толком, — поморщился Жрец.

— У меня же целый интернат детишек, — заспешил директор, — можно их к вам, сюда, в Министерство, скажем, на экскурсию...

— А давайте, — сразу согласился Жрец. — Мне это нравится. Это поможет. Ну и я ещё меры приму, — добавил он задумчиво.

— Только вы уж и нам позвольте приобщиться, — влез инспектор, — в порядке поощрения.

— Я подумаю, — высокомерно произнёс Жрец.

Дверь открылась, и в кабинет вошла Лиза.

— Дяденька Жрец, а можно мне ещё кнопку понажимать? — застенчиво спросила она.

Жрец улыбнулся и сказал:

— Чёрт с вами, приобщайтесь.

— Николаич, а до войны лучше было?

Они брели по асфальту совсем медленно, но всё равно приходилось останавливаться и поджидать выбившихся из сил девочек. Наташу теперь на руках несла Марина, а Бобров вёл, придерживая за плечи, двух девочек постарше. К Николаичу на руки ни одна не согласилась залезть, сколько он ни уговаривал. Стеснялись.

— Ты хочешь спросить — до появления магии? — уточнил физрук.

— Да.

— Было по-другому.

— Это ясно, — хмыкнул Толик. — Ты не увливай — Умения пользу или вред принесли?

— Пользы много, — быстро ответил Николаич. — Ведь разруха была, голод, болезни! А тут появляться стали люди, которые лечили наложением рук и хлеб из воздуха создавали. Лампочки электрические, которые без электричества светят. Производства все остановлены были, а тут человек поколдует — раз, телефон. Или раз — штаны новые. Да что я тебе рассказываю, у тебя же у самого мама Модельер.

— Да, Модельер, — задумчиво сказал Толик, — правда, она не штаны, она больше юбки создаёт. А ведь до появления Умения она шить не умела! А те, кто умели, они уже и разучились, скорее всего.

— Ты к чему ведёшь?

— Почему Умения не связаны с тем, что человеку нравится, а что нет?

— Бывает, что и связано.

— Но ведь редко?

— Редко. Гораздо чаще Умения вообще дурацкие бывают, непригодные ни для чего. Но, на тех Умениях, которые полезные, сейчас вся экономика держится. Ты ведь знаешь, что такое экономика?

— Ты погоди с экономикой. Люди рады, что теперь Умения у них есть? Они счастливей от этого стали?

Николаич аж зубы сцепил от такого вопроса. Ну, как он мог объяснить этому пацану, что никто толком ещё и не понял, благом ли стала ворвавшаяся в мир магия или полный капут их всех ждёт в недалёком будущем? Не рассказывать же ему, сколько морд было разбито в поселковой пивной в поисках ответа. Он долго молчал, а потом со вздохом ответил:

— Я когда с войны пришёл, ещё бабушка моя жива была. Так она говорила, что Умения — это бесовщина и пользоваться ими нельзя ни в коем случае.

— Ну? — жадно спросил Толик.

— Что ну? Она старенькая совсем была, померла скоро.

— Тьфу... — пацан в сердцах сплюнул. — Николаич, ты ж не тупой, ты же понял, про

что я спрашиваю, ты серьёзно можешь ответить?

— А серьёзно я себя уже двадцать лет про это спрашиваю каждый день и ответа не знаю.

— Вот, — Толик торжественно поднял палец. — А я считаю, что это не правильно.

— Что не правильно?

— А то, что никого не спросили!

Жрецу было искренне жаль министра пропаганды. И это было хорошо. В таком деле должно быть как можно больше эмоций, а ненависти я к нему не испытываю, старый приятель, буду жалеть из всех сил, подумал он и спросил:

— Как же это ты так, братец? Не доглядел?

— Жрец, я не виноват! У него приступ аппендицита случился, его по скорой забрали, он курс лечебной магии прошёл форсированный.

— Я понимаю, понимаю... — участливо бормотал Жрец, снимая пиджак и закатывая рукава сорочки. Министр пропаганды, стоявший посреди кабинета, рыдал в голос. Инспектор опасливо жался к стене. Он уже знал, что сейчас будет. Все знали.

— Я всё, как обычно, сделал!! — уже выл министр пропаганды. — Заехал вечером, дрёму навел... Я не виноват, что у него живот схватило!!

— Я понимаю, дружок, — ласково повторил Жрец. — Но ты сам посуди — я прихожу на работу, а тут премьер-министр! А зачем мне в моём Министерстве премьер-министр? Я сам министр. А премьер — он должен дома сидеть, мультики смотреть. Я же тебе такое задание давал? А ты не доглядел. А от таких недоглядов государственные перевороты случаются. А у нас государство стабильное, нам порядок нужен.

— Не надо, Жрец, я исправлюсь, — прошептал министр пропаганды, падая на колени. Но тот его уже не слушал.

Жрец сложил руки для пасса, министр пропаганды зажмурился.

— Жертвую тебя, — Жрец задумался на секунду и выкрикнул: — Зоне!

Министра пропаганды не стало. Радостно засмеялась Лиза.

— А где теперь дяденька? — спросила она.

— А он теперь, Лизанька, в очень красивом месте, в Заповеднике, с другими дядьками в войнушку играет.

— Мутантом или зомбаком, — себе под нос добавил инспектор.

Воздух вокруг Жреца звенел, бурлил и искрился как минералка. Или, скорее, как шампанское. Жрец, казалось, купался в Энергии, впитывая её в себя и лишь малую часть транслируя в Банки. Количество Силы, которую вытянул Окунь через незадачливого волшебника, Жрец восстановил почти полностью. Он был очень доволен. Он любил проводить жертвоприношения.

— Вакансия образовалась, — ненавязчиво напомнил инспектор.

— Вот её назначь, — бросил Жрец, напяливая пиджак.

— Министром? — обалдел инспектор.

— Да, — подтвердил Жрец. — Пускай отдел биологов ей взросление лет на пять сделает. Я приказ подпишу. Всё, работать надо.

— Мы уже начинали бояться, что это лента асфальта так и будет бесконечно вести нас к горизонту, — усмехнулся Николаич.

— Да уж, представляю, как вы удивились, когда перед вами предстал Замок, — новый колдун тоже заулыбался. Они лежали в шезлонгах на террасе. Колдун разговаривая, как будто всё время порывался вскочить, а Николаич, вытянув натруженные ноги, просто наслаждался покоем.

— Удивились? — переспросил Николаич. — Я бы сказал, изумлению нашему не было предела, когда дорога сначала резко свернулась в серпантин, а после изнурительного подъема за очередным поворотом появилось это чудо архитектуры.

— Очень мне приятно, что вы так сказали, — чуть смущённо новый колдун протянул руку для рукопожатия. Физрук пожал тонкую сухую ладонь, а колдун продолжил:

— Мой проект! Да-да, я был именно архитектором до заварухи. И мне сказочно повезло — с наступлением новых времён, когда пробудилась магия и большинству, да впрочем, почти всем, пришлось забыть о прежних профессиях, я отгрохал это, как вы сами сказали «чудо».

Николаич боковым зрением заметил движение. Из кабины лифта, выходящего прямо на террасу, появились Окунь с Бобровым. Физрук поднёс палец к губам, мальчики кивнули. Они уже знали, что старика лучше не прерывать. А то начнёт сначала. Ничего не замечая, новый колдун продолжал:

— Пять этажей по семь метров каждый, пять башен, три шпиля, девятнадцать балконов, террасу вы сами видите, — колдун развёл руками, приглашая полюбоваться простором террасы. Николаич восторженно закивал. Мальчики, незамеченные колдуном, прошли позади шезлонгов. На каменных перилах они стали раскладывать, доставая из мешка, всё те же черепушки.

— Опять он завёл — «пять этажей, пять башен», — недовольно, но и негромко сказал Толик.

— Две куртки замшевые, — поддакнул Бобров.

— Что? — не понял Окунь.

— Это из фильма старого, — пояснил Костян. — Отчим, когда напьётся, любит смотреть.

— А, — Толик посмотрел на колдуна. — Хочешь, он заткнётся? Или даже вообще забудет, что он строил этот замок дурацкий?

— Не надо, — попросил Бобров.

— Боишься?

— При чём здесь, — Костян замялся. — Просто нехорошо. Мы же в гостях, типа. Помнишь, как он нас хлебом-солью встречал? Нормальный старикан, короче.

— Нормальный, — согласился Толик. — И замок нормальный. И Марина нормальная.

— Да, причём здесь Марина-то? — изумился Костян. — Ты что злишься? Старики все такие — про одно и то же по сто раз рассказывают.

— Да по фигу мне его байки, — шёпотом закричал Окунь. — Ты вспомни, ты же сам меня подговаривал от колдунов сбежать. А теперь, я смотрю, тебе всё нравится!

— Я уговаривал?

— Ты.

— Не помню.

Они замолчали, сердито глядя друг на друга. А колдун всё заливался:

— Ведь географически это центр нашей организации. Так сказать штаб-квартира. Постоянно в Замке проживаю я и три моих ученика, но здесь не всегда так малоллюдно,

бывают регулярно большие собрания. У нас ведь нет авторитарного управления, все вопросы решаем сообща. И всем хватает места. И вот эту штуку, — уже хвастливо произнёс он, — когда из-за поворота внезапно открывается вид на весь комплекс, тоже я придумал. Гость уже может сто раз бывал у нас, а всё равно хоть немного восторга испытает. А это эмоции, энергия, по зёрнышку, знаете, клюём! — он засмеялся мелким старческим смехом.

Тем временем мальчики закончили выкладывать ограждение, и Окунь уже более спокойно снова заговорил.

— Там был молодой колдун с бородой, а здесь старый, но бритый. Вот и всё отличие.

— Там ты не доволен был, что настоящей боевой магии тебя не учат. Сейчас у тебя сила вон какая — чем опять не доволен?

— Так сила есть, а умения нет. Что толку файерболлы гигантские создавать — я же ими попасть никуда не могу. А чтобы попасть мне надо рядом кого-то, кто хочет, чтобы я не попал. Ну, не дебилизм?

— Да, не весело, — согласился Бобров и добавил: — Здесь есть ещё одно отличие от прежней школы. И существенное.

— «Существенное», — передразнил Толик. — Ты, когда по-умному теперь говорить начинаешь, я прям теряюсь.

— Слушать будешь? — обиделся Костян.

— Пошутить нельзя? — примирительно сказал Толик.

— Можно. Так вот. Новый колдун меня ни разу ещё не просил ему про тебя стучать. Вообще ни о чём не расспрашивал. А прежний проходу не давал — всё знать хотел.

— Так это же хорошо.

— Да? А по-моему, — не очень. По-моему, это как раз скверно.

— И как тебе в карцере? — равнодушно спросил вор.

— Как обычно, — тоже спокойно ответил Владимир Окунев. — Я уже привык, а вот тебя за что?

— Я волшебникам поганку завернул, — одними губами усмехнулся вор. — Они пришли эмоции скачивать, а я братве анекдоты травлю, все ржут. Вот и ушла энергия в никуда. Очень на меня хозяева обиделись.

— Зато тебя, я смотрю, под ноль выкачали.

— Пройдёт, — вор произнёс это и утомлённо прикрыл глаза. Он лежал на койке, а Владимир сидел перед ним на табурете и держал в руках кружку с водой.

— Ты знаешь, что вообще это запрещено внутренним распорядком — у взрослых в таких объёмах энергию забирать?

— Да, ладно ты, Праведник, — снова попытался усмехнуться вор. Название Умения Владимира прозвучало у него как насмешка. — Это нам всё запрещено, а волшебникам всё разрешено.

— Может быть, потому что мы сами на это согласились?

— Не агитируй, — ответил вор с лёгкой неприязнью. — Я сам виноват и претензий не имею. Это ты вечно не доволен. А ты подумай, что до войны зоны другие были. Это сейчас нас кормят, как в санатории, и телевизор смотреть заставляют. Тем ворами такой режим и не снислся.

— Так ты до появления магии не воровал?

— Ну, как не воровал, — вор замялся, — я поваром работал, само собой — тащили

понемногу. А потом бац — Умение вор. И всё. А из прежних воров почти никого не осталось. Ты будешь смеяться, но говорят их среди волшебников до хера. Прежних-то...

— Не буду я смеяться. Как раз наоборот, мне кажется, это закономерно. У них психология и цели очень похожие.

Вор с трудом сел на койке, взял у Владимира кружку, напился.

— Насчёт психологии не знаю, а вот то, что волшебники нас постоянно обворовывают, это верно. Я тоже про это думал.

Вор помолчал и добавил:

— Нас-то ладно. Понемногу. А вот то, что они с детьми делают... Это же гадость!

— А про то, что с этими детьми будет, когда у них свои дети появятся, ты не думал?

— Когда не останется тех, кто помнит мир до магии, — кивнул вор. — Если уже сейчас дети своим поведением напоминают взрослых, своим... — вор пощёлкал пальцами, подыскивая слово.

— Своей сдержанностью, — подсказал Владимир.

— Да, своей сдержанностью. Тогда, значит, наши внуки будут уже как старички. Нет, не вздорные и скандальные, а миленькие и добренькие. Лишь бы в кашке не было комочков и по телеку сериал... тоже без комочков! Вот тогда волшебникам совсем лафа настанет.

Он встал, подошёл к забранному решёткой окну, взялся руками за прутья и заговорил, как бы рассказывая сказку:

— Вон там забор, а за забором лес, а за лесом горы, а в горах, говорят, есть Замок.

— А в Замке сидят добрые колдуны, и они готовятся всех освободить от злых волшебников, — в тон ему продолжил Владимир. — Ты сам в это веришь?

— Так других добрых сказок пока нет. Будем верить в эту. Она не хуже и не лучше любой другой. А если правда, что про твоего пацана плетут, то может... всё может быть.

— А что про него плетут?

— А то, что он один может это всё прекратить. Если захочет.

— Что вы наделали? — закричал новый колдун. Он пулей выскочил из шезлонга и в два прыжка оказался возле мальчиков. Они замерли с открытыми ртами. Такой прыти от старика никто не ожидал.

— Не так! — кричал колдун и трясущимися руками хватал черепа, расставленные пацанами на парапете, и разворачивал их. — Надо наоборот, затылками вперёд. Если так, как вы поставили, мордами наружу, то это не заклинание отторжения, а наоборот — призывание!

— Кого? — тупо спросил Бобров.

— Сейчас увидишь.

Но сначала они слышали. Воздух наполнился поначалу едва слышной вибрацией, которая стремительно нарастала, превращаясь в дрожащий гул.

— Все пошли вон, — спокойно сказал колдун, карабкаясь на каменные перила террасы. Он встал в полный рост над километровой пропастью и поднял вверх руки ладонями вперёд. — Сергей Николаевич, уводите детей, соберите всех и укройтесь в подвале.

— Да что происходит? — тревожно спросил Николаич, подталкивая Окуня с Бобровым к лифту.

— Драконы! — воскликнул колдун, и тогда они тоже увидели в небе пикирующих с высоты на замок двух драконов. Они чем-то напоминали штурмовики Ил-2 в режиме

бомбометания. — Да бегите же!

Колдун соединил ладони, и навстречу тварям вырвалась разветвлённая молния, ударила грохнувшим разрядом. После огненной вспышки полёт драконов сломался, они тормозили, раскинув перепончатые крылья, оглушительный рёв потряс стены замка.

Николаич с ребятами рванулись к лифту, но не успели — драконов было не два, а больше, много больше. Один из них плюхнулся когтистыми лапами как раз перед лифтом, и широко раскрыв пасть, обдал струёй пламени половину террасы.

— Ложись! — заорал Николаич, сбил мальчишек с ног, сам повалился сверху, закрывая своим телом. Окунь треснулся затылком и на несколько секунд ослеп от боли. Потом сквозь слёзы с трудом огляделся.

А драконы уже вовсю хозяйничали на террасе. Их было не меньше десятка, разного размера и расцветки. На коротких лапах они удивительно шустро сновали без видимой цели, опрокинули стол и шезлонги, затеяли лёгкую грызню между собой. Казалось, они не знают, чем заняться, и не понимают, как вообще здесь оказались. Самый крупный брезгливо обнюхал разложенные на перилах амулеты и слизнул их длинным розовым языком. Кошачьи черепушки захрустели у него на зубах, и морда у дракона сделалась недоумевающая. Николаич махнул рукой и, как умел, создал слабенькое защитное поле.

— Слезь с нас, — сердито сказал Окунь и потёр шишку на затылке.

— Простите, пожалуйста, — сказал Николаич и откатился в сторону.

— Что делать будем? — спросил Бобров.

— А ничего делать не надо, — усмехнулся Толик. — Они же не нападают. Сейчас колдуновы тапки дожуют и улетят.

Действительно, колдун так поспешно ринулся в бой, что на полу остались валяться его роскошные кожаные мокасины. Из-за них-то и затеяли свару мелкие драконята. Видимо, пожевать туфли старого колдуна у драконов было признаком доблести. А драконы покрупнее, замерев, задрали морды вверх, наблюдая. Там было на что посмотреть. Метрах в пятидесяти над террасой в воздухе парил колдун и долбил молниями в драконов, которые медленно кружили вокруг него, огрызаясь плевками пламени. Молнии колдуна не долетали до драконов, пламя драконов не доставало колдуна. Приблизиться драконы боялись. Положение было патовое.

— А я смотрю — нет его нигде. Куда, думаю, подевался, сожрали, думаю, уже, что ли... — задумчиво сказал Бобров.

— Ну, великий колдун, — сказал Николаич, обращаясь к Толику. — Разогнать их можешь?

— Могу файерболлом шарахнуть, — пожал плечами Окунь. Пожимать плечами лежа было очень неудобно, и он встал. — Но как бы пожара не наделать.

— А Умение своё применить?

— Не-а. Это надо, чтоб кто-нибудь захотел, чтобы они колдуна и вправду сожрали. Тогда я наоборот пожелать смогу. А вы сначала просто боялись, а сейчас всем просто прикольно досмотреть, чем дело кончится.

— Так ты выходит, только наоборот колдовать можешь? Типа, как бы назло? — спросил Костян, тоже поднимаясь.

— Выходит так, — уныло ответил Окунь.

— Вот говнюк, — с чувством сказал Бобров. А Николаич даже вставать не стал, он сел, подогнув ноги, и с недоверием посмотрел на Окуня.

В этот момент открылись двери лифта. Марина и Наташа увидели драконов, и тогда Наташа завизжала так, что драконы попятились. Отодвинув девочек, из лифта выбрались ученики старого колдуна — два Коли и Серёжа. Они разом ловко поставили силовые барьеры, пространство между людьми и драконами разделила мерцающая полупрозрачная стена.

— Наташка, не ори! Они не кусаются, — сказал Бобров.

Жрец сидел за своим огромным письменным столом и добродушно разглядывал экскурсию. Два десятка ребятишек испуганно жались к директору, который потихоньку подталкивал их по одному вперёд.

— Так что, ребята? Понравилось вам у нас? — спросил Жрец и встал, вышел из-за стола и подошёл к детям. Директор пихнул посильнее паренька постарше, и тот, страшно смущаясь, сказал:

— Да, очень. Особенно зверинец... и лаборатория.

— Вот, — торжественно сказал Жрец, для убедительности задрал кверху палец. — Правильно. Лаборатория. Где ведутся исследования. Потому что у нас научное министерство, где работают учёные. Работают над тем, как всех сделать счастливыми. Вам же это объяснили? — быстро спросил он.

— Да...

— Да, нам рассказали... — ребята, как болванчики, кивали головами, лица были устало-равнодушные.

— Вот и хорошо, — Жрец вернулся к столу довольный. — А то некоторые про нас страшилки сочиняют, но это всё неправда, мы с этим боремся. Боремся же? — ехидно спросил он у инспектора, незаметно стоявшего в углу.

— Боремся. Всячески препятствуем, — с готовностью согласился инспектор. — Потому что клевета.

— А зачем там кошки в клетках сидят? — вдруг спросила одна из девочек, не вытаскивая палец из носа. — Их к вам из пунктов приёма животных привозят?

— Так, э... ну, хватит, — Жрец пошевелил пальцами, глядя на директора, и тот страшно засуетился.

— Пойдёмте-пойдёмте, отвлекаем занятых людей, — теперь он уже подталкивал детей к выходу.

— До свидания, дети, — важно сказал Жрец.

— До свидания, господин министр, — мямлили дети, сонно топая по ковровой дорожке.

Директор вывел последнего ребёнка и с поклоном закрыл дверь.

— Так не годится, — сказал Жрец инспектору. Инспектор растерялся.

— Поясните, Жрец, — попросил он.

— Ну, вот директор этот! Они же его боятся. Это не плохо, но надо и радость чтоб была, чтобы прыгали-скакали, на контрастах надо работать, а не так однобоко, — Жрец подумал. — Найдите им другого сопровождающего.

— У них раньше другой директор был, женщина, умение — Педагог, они её любили, но она в исправительном санатории.

— Педагог не нужен, с педагогом проблем не оберёшься, — отрезал Жрец. — Сопровождающим назначьте мамашу нашего уникального умельца, как её — Ольга?

— Ольга Окунева, под наблюдением, Умение — модельер, в интимной связи с нашим сотрудником Максимом Кочетовым, — доложил инспектор.

— Вот. Очень хорошо. Пускай она с ними тут моделирует. А мы посмотрим.

Седьмая глава

— Надо его как-то приземлить, — озабоченно сказал Бобров.

Видно было, что старый колдун устал. После каждого удара по драконам он проваливался на метр-полтора, и разряды его молний становились всё слабее. Руками он загребал перед собой воздух, словно плыл по-собачьи. Драконы же, видя такое дело, оживились и сообразили атаковать с двух сторон. Один как раз начал подбираться к старику сзади.

— Коля и Коля, Серёжа, вы можете их разогнать? — обратился Николаич к ученикам старого колдуна.

— Мы больше по строительству, — ответил старший Коля, — виадук прокинуть или ров проложить.

— Он же из нас зодчих воспитывает, — злорадно добавил Серёжа, с явным удовольствием наблюдая, как, увернувшись от броска дракона, старый колдун ухнул вниз сразу метров на пять.

— Кирпичей подложить можем, — добавил младший Коля, — да вы не переживайте, ничего с ним не сделается. В крайнем случае — обгорит малость. Драконы — твари, конечно, опасные, но до смерти не сожгут.

— Да? — с сомнением спросил Николаич. — А почему, собственно, вы так уверены?

— Так это игровые драконы.

— ?

— За тем озером, — показал рукой Серёжа, — с нашим заповедником граничит заповедник геймеров. Слыхали про таких?

— Я слышал, но признаться не верил, — усмехнулся Николаич. А Окунь сказал:

— У нас был в интернате пацан, который мог какую-то Зону из древней игры создавать в реальности. Умение у него было — Сидорович. Что это значит — не знаю, но как только проявилось у него это Умение, сразу его от нас волшебники и забрали. Но, никто особенно и не жалел, жадный он был.

— Вот в тот Заповедник и забрали, — сказал старший Коля. — Их там много, геймеров. Они там игровые реальности себе реализуют, развлекаются как умеют. Драконы, эльфы на танках, орки на самолётах... мутанты всякие. Я у них в гостях был — интересно, но надоедает быстро. Иногда их персонажи через границу прорываются, но у нас быстро хиреют — магическое поле для них здесь чужое.

— А чего тогда старик в бой ринулся? — спросила Марина.

— Очень он драконов не любит.

— Почему?

— Ну, как сказать... они хоть и игровые, но гадят вполне по-настоящему. Когтями мрамор царапают. Один раз купол на башенке свернули — ох, он бесился!

— Да уж, драконы это тебе не голуби, — глубокомысленно заметил Костик.

— Они хорошенькие! — засмеялась Наташа.

Оказывается, пока все отвлеклись на великую битву старого колдуна с драконами, она обошла защитное поле и теперь таскала за уши самого маленького дракончика. Дракончик повизгивал от восторга и блаженно щурился. Когти его оставляли на полированном мраморе глубокие царапины. Дракон покрупнее с тапком в зубах стоял рядом и явно завидовал.

— Они миленькие, я хочу, чтобы они с нами жить остались! — заявила Наташа.

И тогда Окунь шархнул. Драконов смело с террасы, тех, что кружили в воздухе, тоже бесформенными комками унесло вниз, в дымку над озером, и там они пропали из виду. Старый колдун сразу спустился. Он стукнулся пятками и поморщился.

— Молодец! — сказал он, задыхаясь. — Вот это Сила у тебя! Вот это я понимаю. От них даже перья полетели, хотя я не понимаю, откуда у драконов перья...

Все потрясённо молчали, Окунь и сам не ожидал такого эффекта, и только горько, навзрыд плакала Наташа.

— Я как будто спала, а потом проснулась, — сказала Марина. — Не сразу, медленно, но сейчас я стала понимать, какой душой была.

Они сидели в спальне у девочек и разговаривали шёпотом. Наташу пришлось долго успокаивать, но сейчас она и другие маленькие колдуньи заснули. Два Коли и Серёжа сидели на полу, а напротив них на кровати Марина, Костик и Толик.

— Это после разговора с волшебником началось? Когда он спрашивал, стыдно тебе бывает или нет? — спросил Толик.

— Да, примерно, — неуверенно ответила Марина. — Но тогда я всё равно ещё как замороженная была. А вот когда Соня погибла — тогда всё! Меня как разбудили.

— А что ещё тогда случилось? — спросил Серёжа. — Ну, необычного.

— Ты что — дурак? Девчонка маленькая погибла, ребёнок совсем, моя подруга, учитель наш погиб — чего тебе ещё необычного? — зло прошипела Марина.

— Тише, девочек разбудишь, — тихонько сказал Бобров.

— Марина, не сердись, пожалуйста, — помолчав, сказал Серёжа. — Я же понимаю, как вам тяжело пришлось. Я хотел узнать, не случилось ли чего-нибудь... ну, магического.

Марина, подумав, взглянула на Окуня, и он кивнул:

— Да. Синий кристалл. Колдун, умирая, перекачал в меня силу из артефакта, который у него в сейфе хранился.

— Вот! — торжествующе сказал Серёжа, а два Коли закивали.

— Мы таких кристаллов до фига видели, — торопливо продолжал Серёжа. — Когда колдуны в Замке собираются, старик их раздаёт. Но раздаёт скупое, по два-три за раз, не больше. А колдуны шумят, дескать, мало, ещё давай. А у него больше нету. Откуда они у него появляются — мы не знаем, может, выращивает, но сразу чувствуем, когда новый кристалл в Замке. И вы теперь почувствуете. Вот как Марина и сказала — словно сонные станете.

— Не он их выращивает, — сказал маленький Коля.

— Погоди, — сказал Бобров. — Так эти кристаллы, что ли, силу в себя тянут?

— Выходит так.

— Это аккумуляторы, — сказал Окунь, — аккумуляторы магической энергии.

— Они не силу... — прошептала Марина. — Они душу из нас вытягивают.

— Н-да, — подумав, сказал Бобров, — а ведь тому, кто эту дрянью делает, хорошо бы шею свернуть.

— Жрец их делает, — уверенно сказал маленький Коля.

— Какой ещё Жрец? — спросил Окунь.

— Да, это же сказка! — засмеялся Серёжа. — Страшилка для маленьких.

— Коля, что за сказка? — быстро спросила Марина.

— Очень простая сказка: есть такой злой волшебник — Жрец. Он из детей, которые в

школу колдунов шли и не дошли, делает синие кристаллы.

Марина поёжилась, а Окунь сказал:

— Ага, а взрослых в болоте топит. Ну, бред же, вы что в это верите?

А Николаич, который оказывается всё это время стоял в дверях, сказал:

— Вообще-то Жрецом у нас зовут министра счастья.

После гибели молодого колдуна Максим постарался аккуратно выведать у коллег, кто отдал приказ на проведение в Заповеднике боевой операции. Естественно, все отмалчивались, уходили от прямого ответа. Наконец, ему прямо сказали, чтобы поменьше интересовался тем, что выходит за рамки его служебных обязанностей, и намекнули, что раз в акции не обошлось без военных, то инициатива, скорее всего, исходила напрямую от «самого». В крайнем случае, от инспектора. Тогда Максим стал как можно меньше времени бывать на службе. Почти всё время проводил или в зоне Игры, или у Ольги. Она жила теперь в общежитии при Министерстве. Каждый день ей приводили пару десятков перепуганных ребятишек, и Ольга водила их по унылым коридорам. Назначение на новую работу больше походило на арест — к домой Ольге вломился патруль Министерства и, не дав толком собраться, отконвоировал «к месту службы согласно полученному предписанию». Максим заходил по вечерам, старался поддержать её. Ольга была на грани отчаяния, но маскировала это демонстрацией независимости. Вот и сейчас она сидела в своей комнате, на краешке кровати, отвернувшись к окну.

— Не нравится мне эта работа, — сердито сказала Ольга.

— Вижу, что не нравится, — ответил Максим, присаживаясь рядом и обнимая её за плечи. — Все это видят, и это плохо. Ты бы хоть Жрецу не дерзила. У нас это не принято. У нас его все боятся.

— Я тоже боюсь. Это я от страха такая смелая. А почему он меня терпит?

— Я его давно знаю — он прагматик. Пока ты ему нужна, он многое будет позволять, но как только решит, что необходимость в тебе отпала, — уничтожит.

— А какая необходимость именно мне детишек по Министерству таскать? Я же не экскурсовод и не надсмотрщик! Я Модельер.

— Жрец решил, что с этим именно ты справишься лучше всего. А вот почему он так решил никто никогда не узнает. Его решения часто трудно понять. Иногда просто невозможно. Но он никогда не ошибается.

— Знаешь, мне очень не хочется, чтобы меня уничтожали. Когда отпадёт надобность.

— Мне тоже. И я кое-что придумал.

— Вертолёты, ракеты — всё это отменить, — сказал Жрец. — Никаких силовых акций. хватит! И так уже на шумели. Замок штурмовать — вы как вообще до этого додумались?

— Жрец, семь бед — один ответ. Вы сами сказали — мы уже изрядно на шумели.

— То, что вы предлагаете — война, — устало сказал Жрец. — Первая в истории война с использованием магии. А мы ещё от последней войны толком не очухались, а она — заметьте — была самой обычной. Если войны вообще бывают обычными, — совсем тихо добавил он.

— Так ведь в том и дело, — горячо заговорил инспектор, — мы колдунов терпели, потому что не знали, как с ними в магическом поле Заповедника бороться. А всё просто оказалось, не надо никакой магии, один ракетный залп — и от Замка камня на камне не

останется.

— Болван. Вы пульнули ракетой с вертолѐта по школе, а что толку? Развалили старую избу, но объект опять ушѐл, вдобавок получив и Силу, и Умение. Теперь к нему не подобраться.

— Именно поэтому я не предлагаю штурмовать Замок. Я предлагаю его уничтожить. Со всеми, кто в нём есть. На днях будет общее собрание колдунов. Мы можем разом решить проблему. Жрец, я не предлагаю с ними воевать, я предлагаю их убить. Вместе с мальчишкой.

Жрец долго смотрел на инспектора.

— Саша, а вы помните, как мы начинали? — наконец спросил он. — Как о счастье для человечества мечтали? Как министерство создавали, которое, я сам не заметил как, из научного института превратилось в тайную полицию... Вы же были детский доктор, а теперь предлагаете мне убийство ребёнка.

— Простите, Жрец, это демагогия.

— Идите с глаз моих, не доводите до греха. А то ведь принесу в жертву. Вы видели, как у меня это хорошо получается.

Побледнев, инспектор очень быстро вышел из кабинета. Жрец усмехнулся.

— Видишь, Лиза, какой у меня помощник горячий? Всё бы ему пострелять.

— Он злой, — сказала Лиза, выходя из-за ширмы в углу кабинета. — А дяденька Жрец добрый, он никого убивать не будет.

— Конечно, не буду, — заверил Жрец. — Это деточка, не рационально. Ты знаешь, что такое «рационально»?

— Владимир, а вы вообще из карцера выходите? — спросил Максим.

— А я особенно и не стремлюсь, — засмеялся Окунев. — Это ведь только называется карцером, а условия содержания почти курортные.

— Неужели? Вы преувеличиваете.

— Я не забываю, что исправительное учреждение, в котором меня содержат, официально считается санаторием. И курирует его ведомство, в котором вы служите.

— Я об этом и хотел с вами поговорить.

— Назначить курс лечения?

— Не язвите. Между прочим, мне стоило большого труда добиться свидания с вами. Я сильно рискую. В мои служебные обязанности не входят визиты к заключѐнным.

— А что входит в ваши служебные обязанности?

— Я оперативник.

— И чем я могу вам помочь?

— Не мне. Вашей жене.

— Бывшей жене, вы хотели сказать. Мы в разводе. И, как мне известно, вы с ней теперь коллеги.

— Ну и что? Ей угрожает опасность, и я знаю, что вы не сможете отказать ей в помощи, даже если больше не любите её и даже если она служит в ненавистной вам организации. Кстати, служит она там против своей воли.

— Почему это не смогу? Мне кажется, очень даже смогу.

— Не сможете. Вы Праведник.

— Откуда вам знать, что я считаю праведным? Она предала меня, так почему бы ей не

понести наказание?

— Вы так не думаете. Но это всё не важно. В конце концов, не хотите помочь жене, помогите сыну.

— Со мной слишком часто в последнее время говорят о моём сыне.

— Это не удивительно. Вы в шахматы играете?

— Немного.

— Ну, так вот он сейчас — как ферзь, закрытый своими же фигурами. Но стоит ему вырваться на простор, партия быстро перейдёт в эндшпиль.

— И кто двигает фигуры?

— Чёрными играет Жрец. Слышали про такого? Он затеял многоходовую комбинацию, цель которой — заполучить вашего сына для нужд Министерства счастья.

— Как он уже получил мою жену. Бывшую.

— Мне кажется, он держит её в качестве приманки, на случай если основной план не сработает. Он всегда имеет запасной вариант. И даже не один.

— А какой у него план?

— Подробностей я не знаю, но мне стало известно, что разрабатывается операция по физическому устранению вашего сына. Они хотят разбомбить Замок.

— Замок? Так это не сказка?

— Это не сказка, Замок колдунов существует, и Толик сейчас там.

— Вы всё врёте. Сами запутались. По вашим словам Жрец хочет получить его и по вашим же — хочет его убить.

— Владимир, — укоризненно покачал головой Максим. — Уж врать-то я отлично умею. Это как раз входит в мои служебные обязанности. Я не говорил, что Жрец хочет убить Толика. Я сказал, что Министерство разрабатывает такую операцию. А чего хочет Жрец, я могу лишь догадываться. В любом случае Толика надо предупредить. Он не должен оставаться в Замке, там скоро будет слишком опасно.

— Как ему передать? У вас есть связь с Замком?

— Конечно, нет. Предупредить его можно лишь одним способом — вы должны бежать и пробраться в Замок.

— Вот так просто?

— Это очень просто. Вы же Праведник. Скажите охранникам, чтобы выпустили вас, что это правильно и во благо. И всё.

— Я вообще-то здесь и сижу, потому что пытался им объяснить, что правильно, а что нет. Как видите, наши взгляды не совпали.

— Вот это поможет вам быть более убедительным. — Максим подал Владимиру синий кристалл.

— А как это работает? — спросил Владимир, разглядывая артефакт.

— Положите в карман и в нужный момент сожмите посильнее.

— Спасибо. Но почему я должен вам верить? Может, на самом деле вы хотите выманить Толика с моей помощью из безопасного места.

— Не верьте, — легко согласился Максим. — Как хотите. Можете оставаться здесь и ничего не делать. Я пойду, пожалуй, я всё уже сказал, что хотел.

Он встал и направился к выходу из камеры.

— Совсем забыл, — он развернулся уже в дверях. — Замок находится в десяти километрах к северу. Сначала по тропе через болото, но через пару километров выйдете на

прекрасное шоссе. Совсем новое. Желаю удачи.

— Вы ещё забыли, — усмехнулся Владимир. — Вы забыли сказать, кто играет белыми фигурами.

— Сила досталась тебе слишком легко, вот ты её и не можешь контролировать, не умеешь беречь, — брюзжал старый колдун. — Ты не копил её годами, не собирал по крупице. Ты отбросил драконов почти на границу Заповедника, потратив уйму энергии, а ведь достаточно было их просто заморозить.

Они стояли на огневом рубеже стрельбища. Огромный подвал Замка был оборудован для обучения боевой магии.

— Так я даже не знал, что их можно заморозить, — пробурчал Окунь.

— Так учись, — сердито сказал колдун. — Совершенно не обязательно применять основное Умение, когда можно обойтись обычным заклинанием. Давай ещё раз по мишеням файерболлом и на этот раз сделай его раз в десять поменьше.

Толик вздохнул и выстрелил. Файерболл получился не сильно большой — где-то метр в диаметре. Фанерная мишень вспыхнула.

— А теперь сразу потуши мишень! — закричал колдун.

— Как? — растерялся Толик.

— Заморозь там воздух, балбес, я же тебе показывал.

— Действие обратно пропорциональное возгоранию... — процитировал Окунь и аккуратно потушил мишень. Вернее — то, что от неё осталось.

— Молодец, — кисло похвалил колдун. — Всё получается, но соображать надо быстрее.

— Я же только учусь, — Окунь взглянул на обуглившуюся мишень, и она стала как новая.

— Очень хорошо, — оживился старый колдун. — Созидательная магия тебе даётся значительно лучше. Из тебя выйдет замечательный зодчий. Давай покажу, как свайный фундамент в скальной породе делать?

— Э, нет! У вас Серёжа есть и целых два Коли, им покажите.

— Они бездарны, — с горечью ответил колдун. — Ни капли фантазии. Нет, они прекрасно справляются со строительными работами, но им никогда не стать настоящими архитекторами. Так и останутся в подмастерьях.

— Вот бедные, — с чувством сказал Толик. — Не повезло вам с учениками.

Колдун нахмурился, размышляя, а не издеваются ли над ним. Окунь, как ни в чём не бывало, мастерил маленькие файерболлы, поджигал мишени одну за другой и тут же их тушил и чинил.

— Лучше, гораздо лучше, — благодушно сказал колдун. — Пожалуй, на сегодня достаточно. Пойдём обедать. Но тебе надо решить — в какой области магии ты будешь специализироваться. Не хочешь строить — пожалуйста, есть множество других замечательных профессий! Можешь, например, лечить людей... или, скажем... э... учить детей... Ты сам, чего хочешь?

Отодвигая тяжёлую дверь подвала, Окунь наобум брякнул:

— Я бы хотел синие кристаллы выращивать.

Старый колдун замер на пороге. От его взгляда Толик поёжился. Колдун мягко подтолкнул его за дверь и сказал:

— Ты иди. Я позже подойду. Мне тоже потренироваться надо.

— А обедать?

— Иди!

Колдун с лязгом захлопнул дверь. Окунь поднимался по винтовой лестнице и слышал, как в тире рвутся фэйерболлы. Не маленькие, судя по звуку.

— Видишь Володя, как удачно вышло, что я с тобой подорвался, — говорил вор сквозь одышку. — Один ты бы его не вытащил, а бросить человека подыхать в болоте, тебе бы совесть не позволила. Так бы и сидел с ним.

Владимир молчал. На самодельных носилках они тащили волшебника. Того самого, у которого Толик отнял силу. Волшебник был очень сильно измождён и страшно грязный. Его плащ превратился в лохмотья.

— Не бросайте, — едва слышно проговорил он. — Я дорогу знаю, без меня заплутаете.

— Не могу больше, — сказал вор. — Передохнём.

Они опустили носилки на мокрую траву и без сил повалились рядом.

— Не пойму я — дорогу ты знаешь, а сам чуть не околел, как же так? — отдышавшись, спросил вор.

— Я же говорил, я сначала к Замку не пошёл, к городу пошёл, думал, из Министерства вертолёт пришлёт, эвакуируют. Не сразу дошло, что списали меня. Потом уже к Замку повернул, но сил не осталось.

— Списали, за то, что задание не выполнил? — спросил Владимир. Волшебник промолчал.

— Строго у вас, — проговорил вор. — Звать хоть как тебя?

— Юра.

— Не ссы, Юра. Не бросим. Я бы бросил. Я бы вообще мимо прошёл. Но с ним, — он кивнул на Владимира, — тащить тебя буду, никуда не денусь. Он ведь так пристыдить умеет, что сразу на подвиги потянет. Он охранникам в Санатории так и сказал: «Как вам не стыдно?» Ты бы видел, что с ними сделалось. Автоматы побросали, плачут, ворота распахнули — выходите, говорят, люди добрые, нам стыдно вас насильно удерживать... Володя! А говорил по шоссе пойдём.

— Было шоссе, — сказал Юрий. — В болоте оно утопло. Я же его на скорую руку прокинул, гравием не отсыпал.

— Что же ты? — укоризненно сказал вор. — Технологию нарушаешь.

Затрещали кусты, и на полянку вышел человек в противогазе, бронежилете, с тяжёлым пистолетом на поясе. За спиной у него болталась СВД, а в руках он держал многозарядный автоматический дробовик. Человек стянул противогаз, и они увидели, что это подросток лет четырнадцати.

— Дяденьки, — жалобно сказал он, — вы тут дракончика маленького не видели?

Навстречу Окуню по лестнице ссыпался Бобров.

— Где колдун? — закричал он.

— Там, — махнул рукой Окунь. — Но ты к нему не ходи. Что-то он не в духе. Палец, наверное, прищемил.

— Там колдуны на собрание приезжать начали, — растерянно сказал Бобров. — Уже человек десять в большом зале сидят. Николаич уже бутылки всюю открывает.

— Ты не психуй, — спокойно сказал Окунь. — Ну, собираются они, тебе-то что?

— Ну, это... встречать, типа, надо.

— Тебе надо?

— Мне? Да, мне они по барабану.

— Вот и выдохни.

Бобров выдохнул.

— И что дальше? — спросил он.

— Вот, — довольно сказал Толик. — Правильно. Надо решать, что дальше. А то ты прямо как радушный хозяин. Я тебе напомнить хочу, что мы сами тут в гостях. Или ты уже прижился? Красивый замок, хорошая девушка — что ещё надо нормальному пацану?

— Ты, Окунь меня не зли, я ведь в лоб заеду, никакая магия не поможет. Говори, что задумал?

— Да всё тоже самое. Спасать мир от злых волшебников. Ты со мной?

И Толик не спеша потопал вверх по лестнице. Бобров пошёл следом.

— Правильно, Толян. Засиделись мы. Надо линять отсюда. — Бобров был сосредоточен. — Марина с девочками репетирует. Концерт они колдунам приготовили. Вот когда самодеятельность начнётся, можно будет незаметно её и Николаича выдернуть и под шумок сваливать. Можно ещё с собой Серёжу взять, толковый пацан.

— Ага, — согласился Окунь. — Серёжу, обоих Коль и ещё Наташу с собой прихватим. Ты ничего не понял. Пойдем ты и я. Вернее, пойду я. А ты со мной.

— Погоди, — Костян остановился. — А ребята? Ты их здесь бросить хочешь?

— Я хочу, чтобы они были в безопасности, — обернулся Толик. — Тебя одного я в случае чего сумею прикрыть. А вот двоих-троих? Не уверен. Пойдём?

Они вышли в просторный холл первого этажа. Возле лифта стоял человек в балахоне расшитом птичьими перьями. У него был посох и остроконечная шляпа на голове. Сразу видно — колдун. Ребята раскланялись.

— Где этот старый дурак? — надменно спросил колдун.

— Скоро будет, — вежливо ответил Толик. — Там у него колонна одна покосилась, вот подправит и сразу к вам.

— Я больше не потерплю увеличение квот на распределение артефактов, — заявил колдун, входя в кабину лифта. — Так можете ему и передать!

— Передадим, — заверил Окунь. Колдун уехал. На полу осталось лежать пёстрое пёрышко.

— Ишь ты, как они за кристаллы бьются, — сказал Бобров.

— Да, — задумчиво ответил Толик. — Серёжа говорил, что мы почувствуем, если в Замке появятся кристаллы. Ты чувствуешь?

— Нет.

— И я нет. Странно. Колдуны собираются за кристаллами, а их нет.

— Или они есть, но мы их не чувствуем.

— Или колдун их как-то теперь экранирует.

Бобров подумал и сказал:

— А знаешь, что самое странное? Выращивает кристаллы, говорят Жрец. А раздает их почему-то старый колдун.

Восьмая глава

Как гостям им уступили место за столиком, хотя Бар был так забит сталкерами, что многие сидели на полу. Почти все курили электронные сигареты и глушили энергетик из банок. Некоторые с отвращением давились тушёнкой. В основном это были подростки, но было несколько вполне взрослых парней, и даже один пожилой дядька в углу чистил АК-74.

— Тесновато у вас, — сказал вор.

— Волшебники подлюки, — ответил стр@nN1k. — Очень маленькую территорию нам отвели. Негде новые локации создавать. Зато мы сами себе хозяева — очень высокая концентрация магической энергии получилась. Поначалу волшебники пытались с инспекциями приезжать, так мы их под выброс засунули. Больше не пытаются.

— Какой выброс? — спросил Владимир.

— Самый настоящий, — заверил стр@nN1k. — Радиоактивный.

— Понятно, — озадаченно сказал Владимир, а стр@nN1k продолжил:

— Один смотрящий от волшебников у орков гостит частенько, но мы его не трогаем. За своего канает, — и он ткнул пальцем в сторону парней. В одном из них Владимир без особого удивления узнал Максима. Максим даже кивнул ему, как ни в чём не бывало.

Бармен принёс им на огромной сковороде что-то горячее, шкворчащее, исходящее паром. Юрий сразу набросился на еду, а вор с Владимиром удивлённо разглядывали содержимое сковородки.

— Кушайте, кушайте, — сказал стр@nN1k. — Глаз плоти. Деликатес.

— Спасибо, мы недавно перекусили, — сказал вор. — Правда, Володя?

— Да.

Стр@nN1k засмеялся и, выхватив вилкой кусок мяса из сковородки, кинул под стол дракончику. Дракончик лязгнул зубами и, довольный, выдул из ноздрей струйки огня.

— Очень я вам благодарен, что помогли дракошу моего разыскать. Он ещё маленький, бестолковый, пропал бы в болотах. А я к нему привязался, он у меня с прошлой игры ещё.

— Это было не сложно, — с набитым ртом ответил Юрий. — Заклинание, призывающее нежить, одно из простейших.

— Тогда вы с ним у нас поосторожнее, с заклинанием этим. А то патронов не хватит, — предупредил стр@nN1k.

— А как вы его потеряли? — вежливо спросил Владимир.

— Какой-то дурак в Замке вызвал драконов из нашей Зоны, а потом так по ним Силой ударил, что одному крыло сломал, пришлось эльфам его лечить, — сердито ответил стр@nN1k. — Но взрослые драконы привыкли стаяй держаться, их быстро нашли, а малыш испугался и спрятался. Мы с колдунами дружим, но за такие шутки ещё им предьявим. Понять не могу, кому у них Силу девать некуда, ведь на такой удар массу энергии пришлось потратить.

Вор с Владимиром переглянулись.

— Ты это, как тебя — Странник, что ли? — спросил вор. — Ты нас к Замку отведёшь?

— Можно просто Стёпа. Степан Николаев. К Замку я вас отведу, только вашему другу сил надо набраться. — стр@nN1k кивнул на Юрия, который, наевшись, тут же задремал.

— Знаете, Стёпа, — шёпотом сказал Владимир, перегнувшись через стол. — Не надо нас совать под выброс, но он ведь нам не совсем друг. Он ведь и вовсе, скажу вам по секрету,

волшебник. Бывший.

— Ага, — тоже шёпотом ответил стр@nN1k. — Но мы про это никому не скажем. А те — как бы его кровососам не скормили.

— А могут? — заинтересовался вор.

— Ну, я бы не стал проверять, у нас ведь Зона хоть и игровая, но людей жрут, случается, вполне натурально.

Ольга шла вслед за Лизой по длинному коридору. Плевать, думала Ольга. Хуже не будет. Ничего они мне сделают. Но в глубине души понимала — сделают. Ещё как сделают. Так сделают, что и Максим не поможет.

— Вы его очень разозлили, — сказала Лиза. Она сильно повзрослела. Теперь это была юная, но очень эффектная девушка. И Умение у неё проявилось как по заказу — Администратор. Жрец всегда знал, что и зачем он делает. — Не понимаю, что вас не устраивало, всего-то надо было — просто водить детей на экскурсию.

— Обалдевшие дети не моя специальность, — ответила Ольга.

Ольга и Лиза вошли в лабораторию. За длинными столами сидели люди в синих халатах и вертели в руках синие кристаллы. Лица у людей были счастливые. Лиза проводила Ольгу к свободному месту за столом и строго сказала:

— Теперь это ваше рабочее место.

Ольга уселась.

— Нажмите кнопку, — сказала Лиза.

Ольга нажала. Из трубки над столом выпали два маленьких кристаллика, сантиметра по полтора каждый.

— Теперь берите пинцетом и соединяйте их между собой гранями. Подержите, и они слипнутся. Слиплись?

— Да.

— Снова жмите кнопку.

— Ничего нет.

— Надо подождать. Немного. Вот, выпали. Снова соединяйте. Правильно. Когда перестанут слипаться, значит, кристалл готов, кладите в коробку. Это как пазл или тетрис собирать, ничего сложного. Жрец сказал, что вам понравится.

Лиза ушла. Ольга посмотрела на пожилую женщину справа от себя. Тётка так увлеклась работой, что казалось, не замечала ничего вокруг.

— Здравствуйте, я Ольга.

Женщина посмотрела на неё и радостно захохотала.

Николаич за стойкой открывал бутылки. Марина с девочками спела песенку.

На окошке кошка

Спит, поджавши ножки,

Подставляя спинку

Лунному лучу.

А над домом звезды —

Словно хлеба крошки:

Набирай в ладошки —

Ешь их — не хочу!

Почему-то ночью,
Только звездной ночью,
Трудятся на почте
Птицы доброты.
И того, кто чуда
Очень-очень хочет,
Награждают нежным
Даром красоты.
Ты лети скорее,
Почтальон небесный,
Я тебе, любезный,
Отплачу добром.
Пусть тебе послужит
Лунный луч чудесный
Путеводной нитью
В наш старинный дом.
Надо верить в чудо —
Чудо ниоткуда —
И оно прольется
Словно благодать.
Пусть счастливым будет
Только тот, кто любит,
Кто открыт душою,
Кто умеет ждать.

Марине похлопали. Маленькая Наташа очень мило показала танец живота.

— Не понимаю, откуда пошла мода на эту турецкую похабщину, — ворчал колдун в перьях.

— Из Турции, — сказал Николаич.

— Да, разврат, если вдуматься, — согласился старый колдун.

В большом зале Замка, собралось не меньше полусотни колдунов. Они расселись на деревянных скамейках напротив самой настоящей сцены и вяло хлопали в ладоши. Старый колдун возможно и был гениальным архитектором, как по крайней мере он сам полагал, но вот дизайнер из него явно не вышел. Помещение представляло собой дикий гибрид сельского клуба и салуна. За кулисами шептались Окунь с Бобровым.

— Что старик с волшебниками заодно я понял, когда ты сказал, что он мной совсем не интересуется. Это ты верно подметил, с чего бы такое равнодушие? И волшебники, после того как мы в Замок пришли уже никак не проявлялись, не пытались меня заполучить. А ведь школу из-за меня разбомбили.

— Может, они боятся просто. Теперь у тебя Сила.

— Которой я не умею толком пользоваться. Но ты опять прав. Ты помнишь, как волшебник сказал, когда я у него Силу забрал, что я не только из него выкачал всё?

— Да, верно, выходит у волшебников энергии сейчас мало, копят, поэтому и тебя пока оставили в покое.

— Ага, под присмотром старика. Так что, пока у меня Сила есть, а у них нет, надо быстро с ними разобраться.

— Толя, а как ты разбираться с ними хочешь?

— Я хочу папу вернуть, забрать маму и Лизу. И если какого-то Жреца надо для этого щёлкнуть, то он у меня будет синие кристаллы кушать и синими кристаллами какать. И директора наказать надо, я его отучу кровь у детей сосать. Он у меня вегетарианцем станет. А потом все вместе в Замок вернёмся, и я такую защиту поставлю, что никакие волшебники к нам близко не подойдут. И даже старика прогонять не будем. Пускай Замок в крепость переделывает.

— А я бы в игровой Заповедник перебрался. Серёжа рассказывал там у них интересно и волшебники не лезут.

— Можно и так. Видно будет.

— Снизу Замка не видно, он за скалами спрятан, надо по серпантину подняться и за последним поворотом: опаньки — Замок! Красивый. — Стёпа восхищенно руками показал, какой красивый Замок.

Они поднимались по серпантину.

— Юра, скажите, а если оперативный работник из вашего ведомства пойдёт на контакт с посторонним и в личных интересах откроет ему кое-какие служебные секреты, его строго накажут? — спросил Владимир.

— Это смотря какие секреты, — пробурчал Юрий. Ему было трудно идти, не успел восстановиться. — Я не оперативник, я перехватчик. Причём один из лучших. Меня для этого задания с больничного вызвали. Бронхит у меня был.

— Перехватчик?

— Детей ловил, которые к колдунам бежали, — зло пояснил Юрий.

— Над пропастью в болоте, — сказал вор.

— Что?

— Говорю, творческая работа, ответственная.

— Да. Очень ответственная. — Юрий остановился и повернулся к вору. — Кому попало, не доверят.

Вор одним быстрым движением переместился так, что сам оказался посередине тропы, а у Юрия за спиной была пропасть.

— Вы, Юра, не ответили на мой вопрос, — мягко напомнил Владимир.

— Как накажут? Да, в жертву принесут — и все дела.

— Кому? — заинтересовался Стёпа.

— Не кому, а зачем. Ради всеобщего счастья, само собой.

— Вы это серьёзно? — изумился Владимир.

— Не знаю! — выкрикнул Юрий. — Я теперь ничего не знаю.

Он сел на корточки и обхватил голову руками.

— Отстаньте вы от него, — тихонько сказал Стёпа. — Он с нами к колдунам идёт, а те ведь могут его самого это... пожертвовать.

Старый колдун говорил речь. Колдуны на лавках слушали невнимательно, шумели, передавали по рядам бутылки. Многие лузгали семечки.

— Толян, если сваливать, то самое время. Никто не заметит.

— А почему, собственно, мы должны незаметно уходить? — спросил Окунь. — Не вежливо. Надо попрощаться.

— Зачем? — удивился Костик.

— Интересно мне, как старик отреагирует.

— Это называется провокация, — значительно сказал Бобров. Толик с уважением похлопал его по плечу.

Засунув руки в карманы, прогулочным шагом Окунь вышел на сцену и пошёл к старому колдуну.

— И в заключение своей приветственной речи я бы хотел подчеркнуть значение нашего сегодняшнего форума, — дребезжал старик в микрофон. Его никто не слушал. Окунь подошёл сзади и подёргал его за рукав.

— Вот, — обрадовался старик, увидев Толика. — Очень кстати. Хочу вам представить наше пополнение. Это Анатолий Окунев, вы про него слышали.

Колдуны притихли. Из-за барной стойки Толику махнул рукой Николаич. Из первого ряда колдун в перьях показал посохом на Окуня:

— Так это и есть носитель Силы с Умением отрицания?

— Да, — продолжал радоваться старый колдун. — А роль бармена на сегодняшний вечер согласился взять на себя Сергей Николаевич — он Отражатель!

Колдуны повернулись к Николаичу. Он раскланялся. В задних рядах поднялся колдун в клетчатом пиджаке и закричал:

— Братва! Отражатель и Отрицание — это же Замок теперь неприступен станет!

Колдуны засвистели, зааплодировали.

— Рано радуетесь, — колдун в перьях заскочил на сцену. — Волшебники так просто это не оставят.

С другой стороны на сцену поднялся колдун в наряде шамана.

— А мы их раньше не спрашивали и теперь не спросим, — шаман говорил нараспев странным, как будто двойным голосом. — Мы долго терпели диктатуру волшебников. Глупо будет не воспользоваться благоприятной ситуацией и не заявить, наконец, о своих правах.

Окуню стало скучно. Он забрал у старого колдуна микрофон и сказал:

— И пользуясь благоприятной ситуацией, я хочу сказать всем спасибо. Мне и моим друзьям оказали самый радушный приём и оказали помощь. Я очень вам благодарен за уроки, — поклонился он старому колдуну, — но мне пора уходить. До свидания.

Колдуны молчали. Николаич за стойкой улыбался и одобрительно кивал. Марина подняла девочек и быстро повела их к выходу. Бобров вышел из кулис и потихоньку стал подходить к Окуню.

— Это куда ты уходить собрался? — грозно спросил шаман.

— А к волшебникам, — легко ответил Толик. — У вас погостил, теперь к ним сметаюсь, интересно мне поглядеть, откуда синие кристаллы берутся.

Колдуны вскочили, зашумели.

— Схватить сопляка! — крикнул колдун в клетчатом пиджаке. Но хватать никто не поспешил.

— А может и не плохо, у нас Отражатель, у них Отрицание — равновесие будет не нарушено, — пробормотал колдун в перьях. А старый колдун, сжимая в каждой руке по крупному кристаллу, приказал:

— Сидеть!

И все сели.

— Стоять, — улыбаясь, сказал Толик.

И все встали.

— Вас я помню, вы папа Толика, я вас у вертолѐта видела, а этого вы зачем привели? —

Марина с отвращением пальцем показала на Юрия.

— А он перевоспитался, — усмехнулся вор.

— Он нам помог, — сказал Владимир.

— Нет, мужик не плохой, дракона мне нашѐл, просто работа у него такая была, — поддакнул Стѐпа.

— Не знаю, как он вам помогал, но вашему сыну, кажется, действительно нужна помощь.

— Где он?

— Пойдѐмте, я вас проведу.

— Щенок, — укоризненно сказал старый колдун. Он раздавил в кулаках кристаллы и сыпанул синей пылью в Толика. Вокруг него за клубился едва заметный туман. Бобров успел отскочить. — Сидеть, — повторил колдун и добавил: — И ты пока посиди.

Толик плюхнулся на задницу, колдуны в зале тоже резко присели на лавки. А Бобров встал на четвереньки, подобрался ближе к Окуню и прошептал:

— Ты как? Это он Силу, что ли, у тебя отнял?

— Не отнял, — сквозь зубы процедил Толян. — Он меня блокирует. Я как в коконе.

— Ну, ты понял, почему мы кристаллы в Замке не чуяли? Это он их против тебя программировал!

Толик кивнул, а старый колдун достал из карманов новую пару кристаллов и, размахивая ими, заговорил.

— Экий ты, мальщ, капризный! Когда тебя добром в гости волшебники звали — не хотел, а теперь, когда колдуны в тебя вцепились, ты и от них сбежать хочешь. Ты не Окунь, ты колобок какой-то! — он захихикал.

— Ты сам-то кто?! — крикнули из зала. И сразу зашумели.

— Братва, колдун засланный!!

— Гнида старая, я ему никогда не доверял.

— Он же сейчас на себя все кристаллы разрядит, мы с чем останемся?

— Молчать! — крикнул старый колдун, и все замолчали. Лишь колдун в перьях попытался, что-то сказать, но губы у него не разлепились. Так он одним горлом прорычал:

— Я из тебя коврик сделаю, падло буду.

— Старик предатель!! — отчаянно закричал Толик.

Из зала в сторону сцены полетели с десятков файерболлов, но растаяли в воздухе. А старый колдун снова обратился к Окуню:

— Хочешь к волшебникам? Будут тебе волшебники.

Прямо на сцене начал открываться портал.

— Я забираю мальчишку, а вы будете продолжать получать кристаллы в соответствии с договором, — продолжил колдун. И снова Толику:

— К маме хотел? Будет тебе мама. Хотел узнать, откуда синие кристаллы берутся? Скоро узнаешь.

— Они в нашей Зоне в аномалиях растут, — сказал Стѐпа. Они стояли в проходе между рядами — Юрий, Стѐпа, Владимир и вор. Сзади пряталась Марина. — Так себе хабар, не

дорогой, распространённый, мы их «батареиками» называем. У меня как раз один такой с собой — барыге не донёс.

Стёпа расстегнул контейнер и вынул «батарейку». «Батарейка» была очень похожа на синий кристалл, но отличалась более пластичной структурой.

— Убери, — строго сказал старый колдун. А Юрий выхватил «батарейку» у Стёпы из рук и метнул её через весь зал. Старый колдун попытался сбить её молнией, но та не спеша преодолела кокон вокруг Окуня и очутилась у него в руках. Тогда колдун ударил молнией Юрия, и бывший волшебник свалился с посиневшим лицом.

— Ах, ты ж сука! — крикнул Стёпа и выхватил пистолет.

— Толик, беги! — крикнул Владимир.

— Пойдёшь со мной! — крикнул старый колдун.

— А вот фигушки, — сказал Окунь. Он с усмешкой процитировал: — Действие обратно пропорциональное возгоранию, — и размазал «батарейку» в воздухе вокруг себя.

Блокирующий кокон превратился в ледяной, и тут же растаял. Окунь кувыркнулся назад, обхватил за плечи Боброва, и они исчезли. Старый колдун страшно завыл и начал отходить в открытый портал. Тогда Стёпа выстрелил.

— Ольгу ты Жрецу сдал? — спросил Максим прямо в ухо инспектора. От неожиданности тот дёрнулся, пролил на себя кофе и резко развернулся от кофейного автомата лицом к Максиму. Максим корпусом подтолкнул инспектора и шагнул вперёд. Инспектор оказался прижатым к стене, а руки у него были заняты чашкой с остатками кофе. Максим двумя пальцами ткнул инспектора в печень.

— А, — сказал инспектор.

Они находились в большом светлом фойе Министерства счастья. Мимо сновало множество народа, но на двух людей у кофейного автомата никто не обращал внимания. Подумаешь, коллеги по работе обсуждают производственные проблемы. А то, что от одного из них идёт пар, так здесь и не такое видели.

— Ты? — снова спросил Максим.

— Бросьте! — отшатнулся инспектор. — Бросьте ваши костоломские замашки. Вы не в поле. Я сейчас охрану позову.

— Не позовёшь, — уверенно сказал Максим. — Печень проткну.

Не надо было быть психологом, чтобы понять — Максим не шутит. А инспектор был психологом.

— Я никого не сдавал! — шепотом закричал он. — Её не надо было сдавать. Она же сама всё время нарывалась!! Она ему хамила, дерзила... Пока вы были здесь ещё как-то держалась, а потом совсем распоясалась. Кстати, где вы были? Кто вам подписывал командировку?

— Начальник управления, — зло ответил Максим. — Она в лаборатории? Давно?

— Конечно, в лаборатории. Лепит кристаллики и уже очень счастлива.

— Давно? — снова спросил Максим и не удержался, наступил инспектору на ногу.

— Дня три... я не знаю... у Лизы спросите — она её отводила. Да слезьте вы с меня!

— Опять мы на болоте, — грустно сказала Наташа.

Они снова были на болоте, но уже никуда не шли, а просто сидели возле костра. Снова моросил мелкий дождь, и снова Бобров заматывал Наташу в свою куртку.

— Хоть бы одета нормально была, — с досадой сказал Костян.

— Я же танец показывала, — жалобно ответила Наташа. Она была в турецком костюме, лишь на ногах вместо туфель красовались кроссовки без шнурков.

— Наташа, да тебя никто не винит, — Толик подбросил в костер сухих веток. — Это я балбес! Как же я не заметил тебя за кулисами?

— Я же говорила — я переодеваться хотела, а кто-то из девчонок у меня на шнурки заклинание «ветхость ткани» навёл, пошутить кто-то хотел... Я их затягиваю, они рвутся, я затягиваю — рвутся... а потом я испугалась, когда огнём кидаться начали, и в шторе спряталась. Ты меня увидеть никак не мог.

— А ты даже не почувствовал, что не только меня за собой тянешь? — спросил Бобров.

— Да я с перепуга мог слона прихватить и не заметить. Кто рядом был, все бы переместились. Но я-то был уверен, что кроме тебя рядом никого нет.

— Забоялся, значит, когда тебя колдун в кокон взял? — ехидно спросил Костян.

— Чуть в штаны не наделал, — серьёзно ответил Окунь. — Я же думал, что самый сильный теперь. Оказывается, могут они меня остановить.

— И как теперь к Жрецу соваться? Он наверняка круче старика подлянку придумать сумеет.

— Не знаю.

Окунь был подавлен. Последние события разрушили чёткую, продуманную схему действий. Оказалось, что волшебники могут, да ещё как, ему противодействовать. А он уже поверил в собственную неуязвимость. Да что там неуязвимость, он себя возомнил всемогущим, а теперь получалось, что из-за него погиб человек. Почему погибший волшебник помог ему, Толик не понимал, но тот совершенно сознательно пожертвовал собой, чтобы они могли бежать. Толику было так стыдно, что хоть в интернат возвращайся. Собственно, он всегда этого лишь и хотел. Вернуться назад, к папе с мамой, отомстить всем, кто его обижал, наказать директора. А теперь получалось, что Бобров, которого он так ненавидел, стал его другом. Получалось, что возвращаться надо через схватку с неведомым и всемогущим Жрецом. Получалось, что и возвращаться вообще некуда. И главное — прямо сейчас, сию минуту, надо было как-то спасать Наташу, она долго не протянет в своём костюмчике, она же слабенькая совсем. И Наташа сама ему помогла. Она сказала, постукивая зубками от холода:

— Вы не думайте, что я замёрзну, я совсем не мёрзну. И канючить я не буду. Мне вообще на болоте больше всего нравится. Я люблю, если хотите знать, когда солнышка нет и дождь идёт. Только в Замок меня не отправляйте. Там старик противный. Я больше хочу на болоте жить.

Окунь усмехнулся. Всё получалось само собой. Оказывается, надо было просто принять решение. Из-за туч вышло солнце. Яркое и жаркое.

— Ой, — радостно сказала Наташа.

Болота больше не было. Во все стороны раскинулось бескрайнее поле ярких цветов. Гудели шмели и пели кузнечики.

— Красота, — одобрительно сказал Бобров. — Толик, да ты художник! Наташка, отдавай куртку.

— У Лизы фотоальбом видел, там на обложке такая картинка, — смущённо признался Окунь.

— И сколько же ты Силы сейчас потратил?

— Да, половину, примерно, — неуверенно ответил Толик.

— Чего? — выпучил глаза Костян.

— Знаешь, я понял, что Сила — не главное.

— Да ну? Правда, что ли? Ну и что же главное?

Толик промолчал. Ну, не мог же он сказать, что главное — это дружба там и прочая взаимовыручка. Не по пацански бы прозвучало. А Наташа испуганно спросила:

— Толя, а как же лягушечки, которые в болоте были? Они под землёй остались?

Пули из стёпиного пистолета вылетали с тихими хлопками и падали на пол, не пролетев и пары метров. Старый колдун обидно засмеялся и уже начал скрываться в портале, когда на него обрушилась прямо из воздуха над головой изрядная куча кирпичей. С грохотом по дощатой сцене они образовали мини-курган, из вершины которого торчала нога старика, обутая в жёванный тапок. Нога дёрнулась, и тапок слетел.

— Хороший кирпич, кондиционный, — с чувством гордости за качественно выполненную работу, сказал Коля большой. Всю заваруху оба Коли и Серёжа просидели под стойкой у Николаича. Зато теперь появились как нельзя вовремя. Колдуны, стряхивая чары, ставили вокруг себя защитные барьеры. Те, кто побойчее, сообразили, что в защите уже нет необходимости, и, выскочив на сцену, стали разбирать завал над предателем.

— Напрасно, — сказал Серёжа. — Лучше давайте я прямо сверху раствором залью.

— Кладка некрасивая получится, — поморщился Коля большой.

— Зато могилка прочная, — сказал Коля маленький.

— Погоди парень, — прогудел своим двойным голосом колдун-шаман. — Нам с ним побеседовать очень хочется.

— А в асфальт закатать мы его всегда успеем, — добавил колдун в перьях.

Стёпа плакал, сидя на корточках перед телом Юрия.

— Не переживай, — вор положил ему руку на плечо. — Ты сделал всё, что мог.

— Да что я мог! — всхлипнул Стёпа. — Оружие моё только в Зоне Игры действует.

— Ну, тем более. Куда ты со своей пукалкой?

Подошла Марина и строго сказала:

— А ну хватит. Как девчонка. Его перенести нужно. В ледник. Пойдёмте, я вам покажу.

Вор и Владимир подхватили тело бывшего волшебника, Стёпа тоже сунулся помогать.

— А живого когда тащили, кажись, легче был, — с натугой проговорил вор. Владимиру шутка не понравилась, но он промолчал.

А Николаич за стойкой потягивал прозрачную и думал, что вот уже второй раз на его глазах встреча отца с сыном была прервана, едва начавшись. И ещё старик про мать пацана говорил. Кто-то серьёзно занимается этой семьёй, думал Николаич. Кто-то и их, и меня разыгрывает в тёмную, и всё больше людей втягивается в эту игру, и это уже не шахматы. Это уже покер. Кто-то здесь блефует, понял Николаич.

Девятая глава

В Замке Окунь увидел отца лишь мельком, тот не успел, как в прошлый раз перед вертолётном, дать ему совет. И сейчас Толик мучительно пытался представить отца на своем месте.

— Как бы твой батя сейчас поступил? — переспросил Бобров. — Откуда ж мне знать? Я знаю, как бы поступил мой отчим. Он бы бутылку высосал и матери дюлей выписал. А вот как бы поступил Николаич, ты и сам знаешь. Как он волшебника не ссал, ты видел.

— Да... А почему волшебник нам помог?

— Спроси ещё, почему они вместе пришли?

— А почему молодой колдун, когда его убивали, отправил Николаича в лес с девчонками? Ведь он знал, что Николаич — Отражатель!

— Но ведь он не против ракет отражатель!

— Вот! А откуда он знал, что долбить будут не магией, а ракетами?

— Значит, знал.

— И остался?

— И остался.

Толик опять крепко задумался. Наташа собирала цветы. Не чихала, не кашляла — и то хорошо. Бобров снял кеды, лёг на спину и, задрвав ноги в небо, ступнями загораживал лицо от Солнца. А через пальцы лучики себе в глаз пускал. Шурился и улыбался. Толик вскочил. Решение опять пришло само собой, стоило лишь перестать думать о себе.

— Надо в Замок возвращаться, — твёрдо сказал он.

— О, как! — Костян перевернулся на живот и снизу вверх, подперев харю руками, уставился на Окуня. Вскокивать он явно не собирался. — А что так? Мы же драпанули оттуда, часа не прошло.

— Вот именно! Бросили всех. А там старик в одиночку всех колдунов скрутил. Может, он там ещё. Может, наша помощь нужна. — Толик помолчал и тихонько добавил: — И папа там.

— Кто-то в поход собирался, — задумчиво сказал Бобров, покусывая травинку. — Кто-то не хотел, типа, обузу с собой тащить. Всех, говорил, в Замке оставим, в безопасности...

— Ну, дурак был! — воскликнул Толик. — А ты не мог, что ли, по шее мне дать? Чтоб мозги встали на место?

— Так ты же такой целеустремлённый был, — проговорил Костик, медленно вставая, — такой весь энергией налитанный.

И он от всей души отвесил Окуню мощный подзатыльник.

— Ой, — сказал Окунь. — Правильно. Так мне и надо.

— Ты опять ни фига не понял, — печально сказал Бобров. — Это не за то, что в Замке было. Это за то, что опять задницей думаешь. Ты и её в Замок потащишь?

И он пальцем показал на Наташу, которая бежала к ним. На голову себе уже веночек сплела из цветов и в каждой руке по такому же. Она про друзей не забыла. И она напевала:

Трудно быть доброй и маленькой,

Но пусть не для всех благодать —

Счастье приходит по капельке.

Нужно лишь подождать.

Когда со старого колдуна осторожно сняли последний из кирпичей, которыми так щедро окатил его Коля большой, сразу стало ясно — не жилец. Грудь раздавлена так сильно, что никакая магия не поможет. И крови натекло прилично. Единственное, что можно было сделать, это поддерживать в нём сознание на время допроса. Вот только как допрашивать человека, который и так понимает, что дел на этом свете у него уже не осталось? Чем его напугаешь, не к совести же взывать? Но оказалось, старику самому есть что сказать.

— Мы все были сотрудниками секретной лаборатории по изучению паранормальных явлений. Лабораторию финансировали то щедро, то беднее, штат расширяли, потом сокращали, ведущей темой объявляли то НЛО, а то экстрасенсов, но лаборатория существовала всегда. Под разными вывесками, приписанная то к одному, а то к другому департаменту — она всегда была необходима тем, кто управлял государством. И её бессменным начальником в последние годы был тот, кто известен вам как Жрец. Я был его заместителем.

Он говорил быстро, захлёбываясь словами и собственной кровью. Колдун в перьях и колдун-шаман стояли перед ним на коленях, осторожно положив руки на покалеченную грудь старика, и между пальцев у них пробегали маленькие голубые молнии. Остальные колдуны стояли на сцене широким кругом, замерев, слушали. Некоторые так и держали в руках кирпичи.

— Когда началась свистопляска с магией, когда стали проявляться первые Умельцы, а это были, кстати, вампиры, мы единственные были хоть как-то готовы ориентироваться в новых условиях. У нас имелись наработки по тому, как использовать новые возможности. Вы бы хоть задумались — откуда появилась практическая магия? Откуда бы вы узнали текст элементарных заклинаний, технику пассов, способы управления потоками Силы? У нас всё это было. Естественно, очень быстро мы вросли в высшие эшелоны власти. Сначала консультантами, советниками, референтами, а когда Жрец подружился с нынешним президентом, наши просто сели в министерские кресла. Только не спрашивайте меня, как он сумел с ним подружиться, — старый колдун попытался засмеяться и потерял сознание.

— Складно лепит, надо дослушать, — сказал клетчатый колдун и протиснулся ближе. — А ну, дайте! — И он с силой сорвал с пиджака одну из многочисленных клеточек и швырнул в голову старого колдуна. Брызнул сноп искр, как от бенгальского огня.

— Осторожнее, Колючий! Ты ж из него зомби сделаешь, — поморщился колдун в перьях.

— Нормуль, нормуль — я ж самую малость, — пробормотал клетчатый, снова отодвигаясь.

А старый колдун глубоко вздохнул и открыл глаза.

— Подохнуть спокойно не дадите, — с тоской произнёс он. — Впрочем, вы правы — я должен сказать всё.

Сил у него заметно прибавилось, он продолжал гораздо бодрее.

— Политики сразу ухватились за новые возможности. У кого-то хватало мозгов или совести направить основные потоки Силы на восстановление хозяйства, накормить голодных, вылечить больных, отстроить разрушенное. Но большинство, как и всегда, думали, как лично себе урвать кусок пожирнее. Объединялись в группки, партии, коалиции... дело шло к новой войне — уже гражданской. А с применением Силы это была бы война на взаимное уничтожение.

— Ну да, а то до этого без всякой магии она была не на взаимное, — пробурчал клетчатый, но его сзади стукнули под рёбра, и он затих.

— Нам удалось установить контроль за подковёрной вознёй. Очень старым способом. Мы создали подпольную организацию, которая анонимно контролирует основные противоборствующие кланы — так называемых волшебников и так называемых колдунов. По сути дела, наша организация руководит теми и другими.

Он захрипел. Все потрясённо молчали. Колдун в перьях одобрительно ухмылялся. А вот клетчатый опять не удержался:

— Масоны, мать их, — сказал он. Но его даже бить не стали.

— Да, если угодно, — старик попытался сказать это с вызовом, но силы снова покидали его. — Но мы называли себя иначе. Жрец в шутку произнёс однажды — «Организация желаемого будущего». Название прижилось. Так и есть. Мы создаём будущее. Сейчас. И если хотите будущего, не допустите войны с использованием Силы. Мальчишка должен быть со Жрецом. Всё, не оживляйте меня больше, — и он умер.

Колдун в перьях и шаман осторожно убрали руки с груди старика.

— Организация желаемого будущего, — со вкусом пророкотал шаман.

— А как ловко этим прикидывался... архитектором, — сказал клетчатый.

— Архитектором он действительно был гениальным, — сказал Серёжа. С Колей большим они аккуратно накрыли старика снятой кулисой. — Всё же ты мог бы поменьше кирпича на него высыпать. Убивать было совсем не обязательно.

— Ты дурак, да? — на глазах у Коли большого выступили слёзы. — Ты думаешь, я нарочно, что ли? А сам бы смог рассчитать — тонну или полтонны вот так создать за секунду.

— Ничего я не думаю, — угрюмо ответил Серёжа, а Коля маленький смотрел на них, не понимая из-за чего сыр-бор, собственно.

— А ну-ка, парни, посторонитесь, — сказал вор, протискиваясь на сцену. — Давайте мы уж и его отволокем, раз мы навроде похоронной команды. Бери-ка его за ноги, Володя.

Наташу решили пока оставить в зоне Игры. Эльфы о ней позаботятся. Она с дракончиками играть любит, ей там будет хорошо. А потом, если всё хорошо закончится, они Наташу заберут. Или сами к ней жить переберутся. Так думал Окунь, хотя уже совершенно не представлял, как это всё должно закончиться. А пока они топали по цветущим полям в сторону игровой Зоны. Бобров опять ныл, что Толик не позаботился насчёт жратвы, когда совершал своё масштабное магическое воздействие. А теперь, когда все трое сильно хотели кушать, и Наташа, и Костян пытались убеждать Окуня, что совсем есть не хотят, чтобы он им назло еды наколдовал, неубедительно это у них получалось. И уже в окрестностях Бара их догнал бронетранспортер.

— Всё, Толик, — сказал Жрец, выглядывая из люка. — Подурил — и хватит. Три человека уже погибли, между прочим.

— Вы — Жрец, — сказал Окунь.

— Залезай, — устало сказал Жрец.

— Костян, отведи Наташу к эльфам, — Толик полез на броню. Костян молчал, обхватив Наташу за плечи. Та прижалась к нему, широко распахнутыми глазёнками разглядывая самого Жреца — ожившую страшилку. Люк захлопнулся, и, обдав их сизым выхлопом, БТР поехал в обратную сторону.

— Пойдем, Наташенька, — Бобров взял её за руку.

— Толик вернётся? — спросила Наташа.

— Ещё как, — уверенно ответил Бобров и ухмыльнулся. — А мы поможем.

Бывшего волшебника и старого колдуна похоронили в одной могиле. Как выразился вор — «мёртвые разборок не имеют». Речей не говорили, быстро разошлись. Стёпа замешкался было, но и его увела Марина. В Замке вор подошёл к Владимиру.

— Ухожу я, — просто сказал он. — В Столицу буду пробираться. Тебя с собой не зову.

Владимир молчал.

— Колдуны крутые разборки с волшебниками затевают, я слышал, — продолжал вор. — Только это не моя война. Ты, я так понимаю, с ними двинешь, у тебя выбора нет — до пацана твоего Жрец доберётся, если ему хвост не прижать. Это верно. Но вот чую я, Жрец не дворняга и ждать не будет, пока колдуны его за этот самый хвост ловить начнут. Он первый им в глотки рвать начнёт. Он не пёсик, он волк! И козыри сейчас у него на руках. Поэтому разумно считаю в сторонке временно отсидеться.

— У волков нет рук, — спокойно сказал Владимир.

— Что? — не понял вор.

— Ну, ты сказал: «он волк, и козыри у него на руках».

— Да.

— Я и говорю — у волков нет рук.

Владимир повернулся и зашагал к барной стойке, где Николаич уже не открывал бутылки, а раскинув крупномасштабную карту Заповедника, обсуждал с колдунами диспозицию предстоящего сражения. А то, что оно состоится в ближайшее время, даже не обсуждалось.

— Так это же образное выражение! — крикнул вор, но Владимир сделал вид, что не слышит.

Вор окинул взглядом колдунов, толпящихся возле карты, Серёжу с двумя Колями, складывающих на поддон кирпичи со сцены, Марину, которая говорила что-то утешительное Стёпе, одиноко сидящему на лавке... Вор закинул на плечо рюкзак и быстро вышел.

— Если основные силы разместить между зоной Игры и Замком, то правый фланг у нас сможет подпитываться энергией от Зоны, а левый — от хранилища в Замке. Поэтому синие кристаллы, которые остались, лучше в Замке и оставить, не тащить с собой, — говорил Николаич. Само собой получилось, что он взял на себя стратегическое руководство. Колдуны не возражали. — Прямо сейчас надо организовать боевое патрулирование, выслать арьергард. Чтобы не застали врасплох, пока мы формирование закончим.

— Его начать ещё надо, — прогудел колдун-шаман.

— Вот и начинайте! — жёстко сказал Николаич. — Вот ты шаман и начинай. Будешь у меня начальником штаба. Собирай свой сброд в батальон, через час доложишь численный состав.

Колдуны замерли. Никто не помнил, чтобы шаману кто-нибудь давал распоряжения. Колдун в перьях усмехнулся. Обстановку разрядил клетчатый:

— Опа, — сказал он, — если у нас уже есть штаб, назначьте меня замом по тыловому обеспечению. Братва, не подведу!!

Колдуны заржали, видимо хорошо зная, как клетчатый умеет обеспечивать тылы. А шаман своим странным двойным голосом скомандовал:

— Выходи строиться.

Строиться ещё не разучились, большинство прошли через последнюю войну, потянулись к выходу. Владимир перехватил колдуна в перьях, тихонько спросил:

— Старик сказал «кристаллы будете получать в соответствии с договором». Что за договор такой?

— О ненападении, — просто ответил колдун. — Ты не шепчи, наши все про это знают. Мы лишних секретов не разводим, не как у волшебников.

— То есть, они вам кристаллы, а вы сидите в Заповеднике и не лезете на большую землю? Так?

— Сечёшь. Именно так.

— А почему напрямую из Зоны игры нельзя забирать?

— Там полуфабрикат. До кондиции может только Жрец доводить в своей лаборатории. Монополия у него, понимаешь? Ну, ты же слышал, они ещё до войны наработки имели.

— А старик, типа, посредником был?

— Нет, про то, что старик со Жрецом корефан, и про Организацию эту, «желаемого будущего», я впервые слышу. А, типа, посредником был Макс Кочетов, он в Зоне постоянно ошивался, через него и с волшебниками связь держали. Сдаётся мне, его в тёмную использовали.

— А, как думаешь, сам он это понимает?

— Если узнает про старика — поймёт, — сказал колдун и внимательно посмотрел на Владимира. Они думали об одном и том же. Жрец и старый колдун придумали «Организацию желаемого будущего». Или один Жрец придумал — не важно. Одно дурацкое название уже наводило на размышление. У людей, которые для подпольной организации придумывают такое погоняло, явно не все дома. Однако длительное время им удавалось, дёргая за ниточки, держать ситуацию под контролем. А значит, не могли «организаторы» обойтись без статистов, подставных фигур, исполнителей, не понимающих конечных целей своей деятельности. Обычно такие исполнители сильно обижаются, когда им становится известно об истинных мотивах кукловодов.

— Надо ему рассказать, — сказал Владимир.

— Надо ему позвонить, — сказал колдун.

— А ты можешь отсюда позвонить?

— Я могу.

Жрец водил Толика по Министерству и с увлечением выдавал пацану государственные секреты. Он тщательно продумал стиль общения с носителем умения Отрицания. Всё просто — главное не высказывать в открытой форме своих желаний, чтобы этот сопляк не мог сделать наоборот. И тогда он вообще ничего не сможет сделать. Следом, позёвывая, шагала Лиза. На высоченных каблуках и в мини-юбке. У неё как-то получалось зевать и одновременно жевать резинку.

— Да с чего ты взял, что энергию только у детей забирают? — восклицал он и взмахивал руками. — У всех, просто дети эмоциональнее, вот им и приходится больше отдавать. Так мы о вас и заботимся лучше, чем в любой стране мира! В интернате кормили хорошо?

— Хорошо.

— Компьютер у тебя был?

— Был.

— Сериал по телевизору смотрели?

— Смотрели.

— Чего тебе ещё? Лизу обидели? Спроси у неё — она уже про это и не помнит. Смеяться тебе запрещали? Но ведь не били же, когда смеялся! Просто замечание делали. Вот там отдел биологов...

— Где Лизу взрослой сделали?

— Да. Захочешь, и тебя сделаем. Там оперативное управление, за ним дверь — там криминалисты, которые жуликов ловят... Если хочешь знать, во все времена детям ржать попусту не позволяли. Воспитанный ребёнок это называлось.

Они подошли к окну.

— Вон то здание, — показал Жрец. — Это один из Банков, где магическая энергия аккумулируется. И когда её будет достаточно, мы начнём её равномерно и дозированно транслировать на каждого жителя нашей страны, делая его счастливым.

— А колдуны в кристаллах Силу накапливают?

— Колдуны... это, знаешь ли, колдуны. Мы их терпели до поры, а сейчас будем искоренять. Время пришло. Кстати, ты нам в этом поможешь.

— Да ну?

— Ещё как. Что ещё? Директор интерната тебе плохой? Кого скажешь вместо него, того и назначу. Ты пойми самое главное!

Жрец остановился, положил Окуню руку на плечо, заглянул в глаза.

— Всё, что я делаю, — это не для себя. Для вас. Достаточно давно был такой популярный лозунг — «Дети — наше будущее». Вот всё это я делаю для нашего будущего. Для детей. Потому что завтра вы станете взрослыми. И вам жить в этом мире. А чтобы вы были в этом мире счастливы, я обязан сегодня правильно его организовать.

Жрец был очень убедителен. Толик уже почти ему верил. Жрец почувствовал это «почти» и решил подстраховаться. В этом была его ошибка. Он открыл дверь, напротив которой они стояли.

— А это наша главная тайна, — просто сказал Жрец. — Лаборатория по обработке синих кристаллов. Ты, кажется, очень хотел здесь побывать. Смотри — кто это там сидит?

— Мама! — крикнул Толик и подбежал к Ольге.

— Рыба моя, — рассеянно сказала Ольга. Лицо у неё было счастливое. Она собирала синий кристалл.

— Мама, — повторил Толик.

— Мама, занята, — сказала Ольга с лёгкой досадой.

— Мама, — повторил Толик в третий раз, совсем тихо.

— Уведите его! — крикнула Ольга в бешенстве.

Тогда Лиза взяла Окуню за руку, как маленького, и повела вон из лаборатории. Толика трясло. Жрец, глядя на Ольгу, укоризненно качал головой. И едва заметно улыбался.

Вор без труда пересёк Заповедник. Теперь, когда вместо болота вокруг зоны Игры образовался созданный Окунем оазис, половину пути можно было пройти играючи, как на прогулке. Также легко он проник в Столицу, несмотря на то, что волшебники ввели усиленное патрулирование. Но когда он пришёл на «хазу», его уже ждали.

— Пусти, краснопёрый, — хрипя, сказал вор, когда Максим с порога взял его в

удушающий захват.

— А ты шалить не будешь?

— Я тебя помню, ты к Володьке на кичу приезжал.

— О как! — удивился оперативник. — А ведь не должен ты был меня видеть.

— Это как посмотреть. Я так считаю, что непременно был должен. Я ж в авторитете.

Никак я не мог тебя проглядеть. Работа такая — смотреть да подмечать.

— Ладно, — Максим ослабил захват, и вор выскользнул, перекатился, не вставая, к дивану, зашарил рукой в тайнике. Максим укоризненно покачал головой.

— Забрал я стволы, ты за кого меня принимаешь?

Вор шумно выдохнул, сел на диван, устало взглянул на противника.

— Ты один. Не вязать пришёл. Что надо?

— Есть работа. По твоей специальности.

— По специальности или по Умению? — уточнил вор.

— По Умению, — согласился Максим, — суп сварить я сам могу.

— Суп, — презрительно скривился вор. — Я по французской кухне специализировался.

— А как насчёт вооружённого ограбления?

— Тоже не по Умению, не по специальности, — вор прищурился. — Я вор. Но налётчики есть, конечно, в нашей деревне. А ты кого грабануть собрался? У бабы своей портки позабыл, а она не возвращает?

— У баб портки сам лямзи. А я тебе предлагаю Министерство счастья пощупать.

— Да ты на службе свихнулся от усиленных умственных занятий. Даже если ты нас проведёшь незаметно и отход обеспечишь, даже если всё гладко пройдёт — нас же потом волшебники из под земли достанут. И, главное, чего мы там возьмём — офисной оргтехники кусков на двадцать? Никто из деловых на такое не подпишется.

— А мешков пять синих кристаллов? Подпишутся?

— Это ты лабораторию предлагаешь взять.

— Знаешь про неё?

— Слышал...

— Собери своих человек семь-восемь. Охраны в Министерстве почти не осталось — всех на разборки с колдунами мобилизовали. Я проведу — всего-то делов, прийти и взять.

— Твоя доля какая.

— Всё себе заберите. Мой интерес, чтобы Министерство без артефактов осталось.

— Хороший куш, но мне с волшебниками ссориться не с руки, я в политику не лезу. Я и от Володьки потому ушёл из Замка, что они там войну затевают, а мне это не интересно. Ты ведь поди тоже этот... организатор будущего? Вот и организуйте. Без меня.

— Они друга моего убили, женщину мою наркоманкой сделали — какое на хрен будущее? Нам сегодня жить надо, сейчас! Будущее это не когда-нибудь, оно каждую секунду начинается. Тебе самому не противно всё, что у нас происходит?

— Не агитируй.

В глубине души вор был с Максимом согласен. Он готов был идти штурмовать Министерство и нашёл бы доводы поднять своих людей на это дело. Всю дорогу от Замка он проклинал себя за то, что бросил Владимира. Хотелось тогда, чтобы друг Володя поугovarивал его остаться, а тот не стал — Праведник хренов. Вот и пришлось уходить, а получилось — сбежал, предал. И сейчас, он понимал, не будет его Максим больше убеждать. Развернётся и уйдёт и пойдёт один штурмовать своё Министерство и погибнет там.

А он опять будет обтекать, потому что, по сути, получается — струсил.

— Ладно, — сказал вор. — Какая у нас диспозиция?

Лиза отвела Толика к себе в комнату, поила чаем и пыталась утешить. Как умела.

— Жрец один заботится обо всех. Он для себя ничего не хочет, работает по двенадцать часов в день, совсем не отдыхает. Он очень умный. И добрый. Он же сказал тебе — он для детей старается, для будущего. Поверь, он не врёт.

— Не врёт, — согласился Толик. Он поставил чашку на стол, а то зубы стучали об краешек, когда пытался отхлебнуть. — Я бы почувствовал, если врёт, и наоборот сделал. Но он, правда, верит в то, что говорит.

— Ты ничего ему сделать не сможешь, уж поверь, даже и не пытайся.

«Даже не пытайся» было не чётко сформулированное, но всё же желание. Толик сконцентрировался.

— А если бы я смог? — спросил он Лизу.

— Ой, ну что бы ты смог?

— Подожди, просто представь, если бы у меня получилось, вернуть всё, как раньше сделать?

— Как? — раздражённо спросила Лиза.

— Как раньше, когда всем было хорошо.

— Да, когда такое было?! Мне только со Жрецом хорошо и стало. Не смейся, — Лиза смотрела на него с жалостью.

— Было хорошо, когда папа и мама были дома, и я жил дома, и не было директора...

При упоминании директора Лиза закатила глаза и выдула пузырь из жевательной резинки. Пузырь не лопнул, а медленно сдулся, прилипнув к губам. Лиза рукой собрала жёву и отправила опять в рот — дожёвывать.

— Хорошо, — сказал Толик. — Тогда просто скажи, что они с мамой сделали.

— Понимаешь, — осторожно начала Лиза, — твоя мама... она была очень непочтительна. А ведь ей предложили хорошую, ответственную работу. Вот и пришлось её отправить в лабораторию. Вообще там работают взрослые, которые детей к колдунам отводили. Ты не подумай, это тоже очень важная работа, необходимая сейчас для организации будущего, — Лиза явно процитировала. — И им там очень хорошо.

— Так хорошо, что больше ничего уже и не надо, — прошептал Окунь.

Лиза снова выдула пузырь. Пузырь лопнул, звонко щёлкнув. Лиза улыбнулась.

— На них так кристаллы эти действуют, да? — спросил Толик. Лиза стала серьёзной. А Толик сделал простой вывод. — Значит, надо, чтобы синих кристаллов не стало.

— Даже не думай! — крикнула Лиза. — Ты не понимаешь! Без кристаллов теперь твоя мама навсегда несчастной станет.

— Но надо же что-то делать!

— Ничего делать не-на-до, — по слогам произнесла Лиза. — Ты можешь только всё испортить, просто ничего не делай — и всё будет хорошо.

— Ну, ты бы вообще, наверное, хотела, чтобы я тоже там сидел и в синие кристаллики игрался, — спровоцировал Окунь.

— Да, — купилась Лиза, — так было бы лучше для всех.

— Спасибо, — сказал Толик и исчез.

Они подъехали к Министерству на небольшом грузовике, и когда Максим увидел, как работает вор, то сильно усомнился в эффективности работы управления, в котором он работал несколько лет. Неизвестно, действительно ли вор был когда-то мастером французской кухни, но сейчас, как налётчик, он был безупречен. Банда из восьми человек, помахивая пистолетами, прошла в Министерство совершенно спокойно, в начале рабочего дня, никто не обратил на них внимания. Максим не знал, какие заклинания использует вор и использует ли вообще, но у них не спросили удостоверений, а один из охранников даже кивнул вору, как старому знакомому. Явно красуясь, вор подошёл к кофе-автомату, к которому совсем недавно Максим прижимал инспектора и не спеша выпил стаканчик кофе.

— Какой этаж? — спросил вор, с удовольствием наблюдая изумление Максима.

— Шестой, — ответил Максим и добавил: — Главное, не забудь — паковать кристаллы надо в специальные мешки для транспортировки. Они заговорённые, изолируют Силу. Иначе Жрец из любого места потянуть сможет.

— Где их взять?

— Я же говорил, — воскликнул Максим, — в углу свалены, тоже синие, я покажу.

— Покажешь, — согласился вор. Он отлично помнил про изолирующие мешки, но ему нравилось дразнить Максима.

В двух лифтах они поднялись на шестой и вывалились в коридор.

— Теперь бегом, — крикнул Максим, — здесь магия блокируется.

Они ворвались в лабораторию. Максим с ходу уложил вялого охранника. Просто стукнул в челюсть. А работники, погружённые в обработку кристаллов, были так счастливы, что даже не обратили внимания на группу вооружённых людей. Налётчики фомками принялись взламывать трубопроводы, по которым полуфабрикат поступал в лабораторию, сам вор вскрыл огромный контейнер с готовой продукцией и прямо на кафельный пол хлынул поток синих кристаллов. Воздух задрожал, заискрился, насыщаясь магической Силой. Уголовники принялись набивать мешки артефактами, а Максим метался вдоль столов, разыскивая Ольгу.

Но Ольги нигде не было.

А вот сотрудники лаборатории резко почувствовали себя несчастными. Кто-то заплакал, лысый худой мужик обиженно содрал с себя синий халат, очумело огляделся и, наконец, обратил внимание на грабителей.

— Бей, — заорал он, тыча пальцем в налётчиков. И они кинулись бить.

Уголовники открыли пальбу из пистолетов. Нападавших это не остановило. Перешагивая через трупы, «счастливчики» напирали, тянули руки к мешкам с кристаллами.

— Уходите! — крикнул Максим и встал на пути толпы. Он не стрелял, бил короткими апперкотами, отправляя противников в нокаут. Но их было много, слишком много.

Вор, когда его банда, похватав мешки, уже грузилась в лифт, обернулся с порога лаборатории. Обезумевшие работники лаборатории повалили Максима на пол и сосредоточенно топтали его ногами.

— Прости, братан, — сказал вор и аккуратно катнул по кафелю гранату. Ф-1.

А в это время у себя в кабинете Жрец лениво бил по щекам Лизу и приговаривал:

— Упустила? Дура! Я ведь тебе сто раз объяснял, как с ним разговаривать. Вот тебе!

Он открыл портал и сказал:

— Пойдём сейчас с колдунами подерёмся, а когда победим, ещё получишь.

Они шагнули из Министерства прямо в Заповедник. И тогда в лаборатории рванула граната.

Толик вывалился из портала в том же месте, где его захватил Жрец. И оказался прямо перед готовящейся к битве армией колдунов. Ну, как армией? Батальон где-то их собралось... Ну и взвод колдуний. Но не девочек, их с Колей маленьким оставили в Замке, а вполне взрослых ведьм, злых и умелых, давно прошедших обучение. Марина среди них выглядела как принцесса на шабаше. Шаман сразу увидел Окуня и кивнул ему, как ни в чём не бывало. Дескать, так и надо, давно тебя ждём. Николаич с колдуном в перьях что-то оживлённо обсуждали перед строем. А со стороны Зоны игры двигалось подкрепление во главе со Стёпой. Он вёл за собой сталкеров, среди которых Окунь сразу заметил и Боброва. Старый друг обвешался оружием, как новогодняя ёлка гирляндами, и вид имел очень довольный. За сталкерами шли орки, кентавры, небольшой отряд зомби, какие-то совсем неведомые чудища из полузабытых игр, следом эльфы вели драконов. На шее самого здорового зверя сидела Наташа. Дракону, похоже, это нравилось. А к Окуню подошёл Владимир. Толик серьёзно посмотрел на отца и спросил, как будто продолжая не оконченный разговор:

— Ты сказал — «Делай, что должен, и будь, что будет». Но ты не успел сказать, что я должен.

— Я сказал не так, — Владимир улыбнулся, — я сказал — «делай, что должно». Это совсем другое значит, ты понимаешь?

— Нет, — Толик нахмурился.

— А ведь это совсем просто. Если «должен», значит кому-то. И делать будешь тогда то, что надо этому самому «кому-то». А если «должно», то ты делаешь то, что сам считаешь правильным. Что ты сам считаешь необходимым. И никому ничего не должен.

— А как же я узнаю, что правильно, а что не правильно?

— Ты опять невнимательно слушаешь. Я сказал, не то, что правильно, а то, что ты считаешь правильным.

— А если я ошибаюсь?

— Все иногда ошибаются. И бывает, очень жестоко ошибаются.

— Как мама?

— Она не ошиблась, она выбрала. Это немного разные вещи.

— Как Лиза?

— А Лизу, просто обманули.

— Как я?

— Да, как ты. Но ты уже исправил свои ошибки. Пойми — из этого и состоит жизнь, мы делаем ошибки и исправляем их, делаем и исправляем.

— А если не получается исправить, тогда платим...

— Что ж, иногда приходится платить.

— А ты платил?

— Знаешь, я как-то не совершал ошибок. А теперь жалею.

— Как же так?

— А вот так. Не ошибался, потому что ничего не делал. Боялся ошибиться. Жил сам по

себе, весь такой правильный, что сейчас самому противно. Поэтому я не предостерегаю тебя от ошибок. Совершай их. Но не повтори мою — не бойся жить!

— Я понял. Это ты хорошо придумал — делать, что должно.

— Это придумал совсем не я, — засмеялся Владимир. — Это давным-давно придумали другие люди и даже сделали своим девизом.

— Хорошие люди?

— Разные. И у них часто был разный взгляд на то, что «должно», а что нет. Из-за этого они, бывало, дрались на шпагах и даже убивали друг друга.

— На шпагах? Так это, значит, совсем давно, — разочарованно протянул Толик.

— А ничего не изменилось. Или ты думаешь, с приходом магии люди стали другими?

Подумай сам — ведь дружба осталась дружбой, любовь — любовью...

— А предательство — предательством, — зло сказал Окунь.

— Ты обижен, ты думаешь, с тобой поступили несправедливо, и хочешь отомстить обидчикам. Но подумай — принесёт ли тебе счастье эта месть? Ведь все они действовали из лучших побуждений, и никто не хотел тебе зла преднамеренно.

— Почему же то, что они считали благом, для меня обернулось злом?

— Так устроен мир, — довольно жёстко ответил Владимир.

— Это из-за магии?

— Магия здесь не при чём. Так было всегда. У людей слишком разное представление о счастье. Жрец попытался осчастливить всех, и ты видишь, что из этого получилось.

— Всё это слишком сложно, — задумчиво сказал Толик. — Одно я знаю точно — моё представление о счастье другое, чем у Жреца. И я знаю, что надо делать.

Он повернулся и пошёл на поле битвы. Собственно, битвы ещё никакой не было. Но ей уже пора было начинаться.

— Поехали, что ли? — сказал Николач шаману. Тот лишь кивнул.

И началась Великая Битва волшебников с колдунами.

Инспектор, наблюдая в бинокль за полем сражения, значительно произнёс:

— Началось, Жрец. Теперь уже не остановить. Ибо турнирное правило гласит — «Тронул — ходи»!

Жрец, недовольный тем, что у него перехватили инициативу, сказал:

— Дурак ты, Саша. Это не турнирное, а шахматное правило.

Инспектор разницы не заметил, но спорить не стал.

Стёпа, явно копируя тактику Александра Македонского, повёл кентавров вдоль линии БТРов противника. БТРы открыли огонь, но пули вязли в защитном поле, оставляя на шкурах кентавров лишь царапины с кровоподтёками. Кентавры хрипло матерились. БТРы, невольно повторяя ошибку войск Дария, начали растягивать центр, отползая к своему левому флангу.

Колдун в перьях, величественно взмахнув посохом, начал атаку по центру. Он вышагивал впереди толпы колдунов, которые поначалу пытались соблюдать подобие линейного построения, но волшебники давили сплошным силовым полем, и ряды колдунов смешались. Вперёд понемногу продвигались те, кто обладал большей массой тела. Они огрызались очередями файерболлов, которые не долетали до противника, размазывались о защиту волшебников. Более лёгкие просто откатывались назад. Им оставалось лишь подпитывать энергией устоявших на ногах.

— Класс! — восторженно сказал Жрец. Глаза у него горели. — С детства мечтал

войсками покомандовать. Танки вперёд, — кивнул он инспектору. — Только пусть холостыми стреляют, чтоб без смертоубийства, по возможности.

— Как скажете, Жрец, — ответил инспектор. В отличие от Жреца он был настроен серьёзно. Видел, что колдуны шутить не намерены. Ему не нравилось игривость Жреца. С чего бы — такой всегда солидный человек? Но Жрец, как всегда, знал, что делал. Накануне битвы он выкачал всю энергию из банков и теперь был так заряжён Силой, что мог в одиночку противостоять всем колдунам сразу, у которых запас был ограничен. К тому же он рассчитывал на подпитку из лаборатории, где, как надеялся министр, продолжалась обработка кристаллов. Жрец просто забавлялся, делясь энергией со своими войсками.

Разбрызгивая болотную жижу навстречу колдунам, не спеша, двинулась шеренга танков. Десятка два, не больше. С бронетехникой после войны было туго. Между танками как на прогулке шагали патрульные Министерства счастья, транслируя впереди себя силовой барьер. Колдуны попятились, а потом и вовсе побежали. Замешкавшихся вминало в раскисший грунт, и все силы у них уходили на то, чтобы, ворочаясь в грязи, иногда хлебнуть воздуху. Клетчатый, которому видно так и не доверили тыловое обеспечение, выпростав из вязкой глины одну руку, метал в противника свои пиджачные клетки. Если попадал, волшебник начинал вертеться на месте, потеряв ориентацию в пространстве. Колдун в перьях тоже отступал, роняя птичьи пёрышки из одеяния. Перья превращались в гудящие огнём столбы пламени высокотемпературной плазмы. Но танки их просто объезжали без всякого для себя ущерба.

Тогда Николаич ввёл в бой главный резерв — с воздуха началась атака драконов. Они пикировали на танки, а оседлавшие их эльфы, из луков стреляли по броне. Заговорённые стрелы хоть и не подкалиберные снаряды, но всё же танки пробивали. Экипажам урона они не наносили, просто приводя технику в негодность. БТРа, растянувшимся по флангу, тоже досталось, и тогда Стёпа круто развернул кентавров, атакуя центр. БТРы попытались вернуться на исходную, но не успевали, к тому же Серёжа и Коля большой, оставаясь за линией боевого контакта, успешно возводили у них на пути бетонные надолбы. Патрули волшебников побежали. И тогда на левом фланге Николаич пошёл вперёд, увлекая за собой отряд орков, усиленный сталкерами. Орки махали топорами и секирами, сталкеры из автоматов стреляли в воздух. Но войско это решало задачу, скорее, декоративную. Главное, что Николаич своим Умением отражал силовое поле волшебников, давил на них же.

— Ах, молодцы! — восхитился Жрец. Он попытался ударить Силой, но с удивлением понял, что из лаборатории подпитка не идёт. Энергия банков тоже была на исходе. Сила у волшебников закончилась. Но и у колдунов её тоже почти не осталось. Николаич остановился. На танки, хоть и коцаные, с секирами не попрёшь.

— Ну, всё, — сказал Жрец. — У наших партнёров цугцванг. Пришло время секретного оружия.

Инспектор с тревогой поглядел на него — не свихнулся ли старик? Нет, не свихнулся.

— Оля, — сказал Жрец. — А вы можете смоделировать смирительные рубашки? Вот сразу на всех на этих, — он махнул рукой в сторону атакующих колдунов. — Силой я вас, разумеется, обеспечу, — он достал синий кристалл необычайно большого размера. — Это ведь вы его собрали?

— А меня вернут опять в лабораторию? — сердито спросила Ольга.

— Сразу же, — Жрец даже руки на груди сложил, — но вы уж, пожалуйста, на всех — и драконов, и кентавров, и сыночка своего не забудьте.

— Что с ним будет? — спросила Ольга.

— Да, ничего особенного! — заверил Жрец. — Рядом с вами будет в лаборатории сидеть, кристаллы собирать. Ну, иногда может просьбу мою какую-нибудь выполнит. Мелкую.

— Ну, хорошо, — раздражённо ответила Ольга и сделала пасс. И битва закончилось. Армия колдунов ворочалась в болотной жиже, стреноженная в смирительные рубашки. Ольга была талантливым Модельером, и рубашки сделала красивые — с кружевами и рюшами.

Инспектор, не веря себе, начал понимать, что, скорее всего, именно Ольга со своим Умением и была конечной целью многоходовой интриги, блестяще проведённой Жрецом. А мальчишка был приманкой и охота на него — отвлекающим манёвром. И он же спровоцировал колдунов на выступление. Теперь Жрец одним ударом покончил с колдунами и заполучил мальчишку, его отца и его учителя. Это было гениально. Жрец тоже понимал, что это гениально. Он был очень доволен собой. Лиза смотрела на него с обожанием. А Ольга с ожиданием. А Толик, как и все, валялся в грязи, упакованный в самую нарядную смирительную рубашечку.

А высоко в небе, сидя на самом маленьком дракончике, за всем этим безобразием наблюдала Наташа. Ей строго настрого запретили близко подлетать к месту битвы, и волшебство Ольги прошло стороной. Маленькой колдунье было очень жалко большого красивого дракона, на котором ей сегодня позволили прокатиться. А теперь он, замотанный в тряпье, изумлённо крутил головой на длинной шее, не понимая, что с ним произошло. Наташа очень хотела ему помочь, но друзья были важнее. Она собрала все свои невеликие запасы Магии и наколдовала «ветхость одежды», шуточное заклинание. И ударила им в Толика.

Окунь встал, стряхнул с себя лохмотья. Он не участвовал в битве, и весь запас Силы остался у него не растраченным. Он поднял руки, чтобы применить своё странное Умение, которым так долго учился пользоваться и про которое так и не понял — зачем оно вообще нужно. Его увидели. Колдуны ждали, что сейчас он их освободит, и они продолжат драку. Волшебники испугались, что он ударит по ним, и попятились. И совсем рядом стоял Жрец, смотрел удивлённо, не понимал, как Окунь освободился и медленно поднимал руки для волшебства. Жрец пытался собрать себе хоть немного Силы. Толик понял, что не сможет ему долго противостоять, ещё секунда-две, и министр вытянет из него всю магическую энергию. Больше всего Окунь хотел со всей своей Силы закинуть Жреца куда-нибудь далеко-далеко... в Антарктиду, к пингвинам. Но он сделал не то, что хотел. Он сделал то, чего не хотел никто на этом поле. Ему не нужно было, чтобы они высказывали своё желание — все они жаждали Магии. Хоть немного. Хоть чуть-чуть. Хоть капельку. И он сделал наоборот. Магии не стало. Вообще. Нигде. Навсегда.

— Что ты наделал?! — закричал Жрец. Он пошатнулся и упал бы, но Лиза и инспектор поддержали его с двух сторон. — Ты же всё испортил. Угробил результаты работы множества людей за долгие годы.

Он уже не кричал, а хрипел, оттолкнул инспектора. Начали подходить колдуны, освобождая друг друга из смирительных рубашек. Владимир весело спросил:

— Кому-то придётся переквалифицироваться в управдомы?

— Вы же взрослый человек, — горько ответил инспектор. — Вы должны понимать, что завтра голод в стране начнётся? Что мы без медицины остались, без энергетики? Ваш сын в

секунду нас всех в средневековье отправил! Вы без инета и мобильной связи себе жизнь представляете?

— Проживём, как-нибудь, — ответил уже Николаич и спросил у Толика: — А ты ведь давно это задумал?

— Не очень, — туманно ответил Окунь. — Николаич, ты куда теперь?

— В посёлок вернусь, у меня там ученики остались, если помнишь. Я им буду физкультуру преподавать.

— А мы в Замок. Да, папа? — спросил он у отца.

— Можно и в Замок, — согласился Владимир. Он смотрел на Ольгу. Она очень плохо выглядела.

— Лиза, пойдём с нами, — позвал Толик.

— Не-а, жалко его, — она кивнула на Жреца и выплюнула жвачку.

— Средневековье, ребята, — менторским тоном произнёс Жрец, — это не только мечи и шпаги вместо автоматов. И не только кровопускание вместо клинической терапии. Это тупая сила вместо закона. Это мракобесие и ежечасный страх за свою шкуру, это обесценивание жизни индивидуума и рабство. Это конец образованию и академической науке... Вот вы, — он ткнул пальцем в Николаича. — Вы кому физкультуру преподавать собрались? Ваши ученики завтра побегут. Девочки в проститутки, а мальчики в бандиты. И скажите спасибо, если вас по дороге не прирежут. Просто так, забавы ради. Или ваши же сегодняшние соратники удавят вас по приговору какого-нибудь опереточного трибунала. Потому что завтра вас придут грабить, а вам это не понравится, и вы начнёте наводить порядок, потому что больше некому, потому что нынешнее правительство, я думаю, уже сейчас вешают на фонарях. И вы начнёте брать власть, и бороться за власть, и убивать друг друга за власть. Эх, вы! Жалко, что вы учитель физкультуры, а не истории.

— А ещё с юга придут орды кочевников, а пиндосы закидают нас ядрёными бомбами, — сказал Владимир.

Жрец махнул рукой, развернулся и устало пошёл в сторону города. Стало заметно, что он уже, в сущности, сильно старый человек. Следом за ним семенила Лиза. Инспектор собирал патрули Министерства и строил их в походную колонну. Технику бросили, без магии она не работала. Глядя Жрецу вслед, Николаич пробормотал:

Ты с детства делал всё не так,

Хотел чего-нибудь большого,

Ты мир хотел объять душою,

Да расстегнуть забыл пиджак.

— Ну, а мы в Зону вернёмся, — подошёл Стёпа, — нам там привычней.

— А она не исчезла? — удивился Толик.

— Зона, брат, — веско сказал Стёпа, — была, есть и будет. Смотри — зомби, кентавры, драконы — все порождения Зоны никуда не делись. Наша Зона будет всегда.

Подумал и добавил:

— Хотя теперь, конечно, кое-что изменится.

— Мама, — сказал Толик.

— Я пока с ними. В Зону эту, — ответила Ольга. Её трясло, она стояла, обхватив себя за плечи. — Я приду к вам. Позже.

— Так будет лучше, там найдём, чем ей подлечиться на первых порах, — согласился Стёпа и свистнул, подзывая кентавра.

Владимир кивнул. Ольгу усадили на кентавра. Подошла Марина, она вела за руку Наташу.

— Пойдёмте домой, — сказала Марина.

А Бобров сказал:

— Интересно всё-таки, какое у меня было бы Умение. Жалко, что теперь никогда не узнаем.

— Может, ещё и узнаем когда-нибудь, — ответил Толик. И подмигнул Костяну.

Вор задумчиво взвесил в руке синий кристалл. Обвёл взглядом комнату, до потолка заваленную мешками. Швырнул артефакт в угол. От удара из кристалла выплеснулось немного Силы, воздух задрожал. Вор достал телефон, набрал номер.

— Колючий? — спросил он. — Узнай у своих, никто подзарядиться не желает? Не дорого.

Вторая часть

ВЫСШЕЕ ВОЛШЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ

Когда Заратустре исполнилось тридцать лет, покинул он свою родину и озеро своей родины и пошёл в горы. Здесь наслаждался он своим духом и своим одиночеством и в течение десяти лет не утомлялся этим. Но наконец изменилось сердце его.

Фридрих Ницше

Первая глава

Идет бомж по помойкам новосибирского Академгородка. Видит — женщина голая лежит. Он подходит к ней и спрашивает: «Второй закон термодинамики?» Она отвечает: «Энтропия изолированной системы не может уменьшаться». Бомж идет дальше и думает: «Нормальная баба! И чего выбросили?»

Анекдот

Николаич вызвал к себе в самом начале урока фехтования. Матюгнувшись, я оставил вместо себя старшим Колю маленького и начал восхождение на седьмой этаж по винтовой лестнице. Николаич оборудовал себе кабинет в самой высокой башне Замка и гонял нас вниз-вверх по несколько раз на дню. А лифты после отмены магии не работали.

— Запыхался? — заботливо спросил он, когда я открыл дверь в его берлогу. — Присаживайся, отдохни.

Я присел на краешек кресла, покрытого медвежьей шкурой, и стало мне грустно. Нет, к тому, что он шпынял меня при каждом удобном случае за отсутствие Магии, я давно привык. А вот его ласковый тон не предвещал ничего хорошего. После того как Николаич стал руководителем реформированного Министерства счастья, он очень быстро научился разговаривать другим тоном. Я ждал.

— Тебе надо будет посетить с инспекцией одно учебное заведение, — слова «учебное заведение» он произнёс с явной неприязнью.

— Где?

— В графстве Оторвановка.

Блин, подумал я. Не хочу. Это далеко и скучно. И там ни с кем толком не подерёшься. А у меня, между прочим, турнир скоро, мне команду готовить надо. Ведь наваляют нам опять сталкеры, как в прошлом году, он же первый недоволен будет.

— Я давно уже не инспектировал интернаты, — начал отмазываться я.

— Зато в своё время ты это делал блестяще.

— Пойми, Николаич, я сам интернатовский, я знал, где какие нарушения могут быть. Но я уже не тот пацан, что сбежал когда-то в школу колдунов. И интернаты уже давно не те. Ну, ты же сам меня в оперативный отдел перевёл.

— Когда выяснилось, как ловко ты, оказывается, можешь шпагой махать, глупо было оставлять тебя на рутинных проверках. Ты хороший инструктор по рукопашному бою. Но за пределами Замка, пока ещё мало кто об этом знает.

Он встал со своего кресла, обитого волчьей шкурой. Обошёл стол и встал передо мной. Я тоже поднялся. Николаич глянул на меня снизу вверх и положил руку на плечо, снова усаживая. Глядя в глаза, произнёс:

— Нам понадобится твоя репутация неподкупного инспектора, грозы проворовавшихся завхозов. И ещё, возможно, пригодится твоё умение хорошо драться. Это опасное дело, Окунев.

— Да, что там такое с этим интернатом в Оторвановке?! — воскликнул я, окончательно сбитый с толку.

— Я не говорил слова «интернат», — возразил Николаич.

— Ты сказал «учебное заведение».

— Вот именно.

Николаич спокойно опять прошёл к своему креслу, уселся и сказал:

— По поступившим ко мне агентурным сведениям в графстве Оторвановка уже достаточно давно действует школа волшебников.

— Этого не может быть, — сказал я.

А что я ещё мог сказать?

— Какая ты в жопу графиня, шалава подзаборная? — сказал вор и плюнул в Лизу сквозь решётку. Не попал, но Лиза отпрянула от входа в камеру, отступила подальше в коридор. Вор вцепился в стальные прутья, потрянул зарешёченную дверь. — Надо было тебя ещё десять лет назад удавить, когда мы Министерство на уши ставили.

— Кто бы кого тогда удавил, ещё вопрос, — спокойно ответила Лиза. — Тогда Жрец в силе был, ты бы с ним так не разговаривал. А сейчас — я всё же графиня, какая ни есть. И ты будешь в подвале гнить, пока не признаешься: где аккумуляторы, которые вы из лаборатории украли.

— А мне не привыкать на киче чалиться.

— Это ты врёшь. Ты привык в санаториях срок мотать. А я тебе устрою настоящую тюрьму, без толерантности и политкорректности. Недельку без жратвы посидишь и по-другому запоёшь. А не поможет — я сама с тебя шкуру сдеру и солью посыплю. Всё скажешь.

— Кабы не дети, сказал бы я тебе, что, как, сколько раз и в какой позе я с тобой сделаю.

— Это не дети, — строго сказала Лиза, — это волшебники. Пойдёмте, ребята.

Она резко повернулась и, цокая каблуками по каменному полу, направилась к выходу. Полтора десятка подростков, девочек и мальчиков, потянулись за ней следом. Вор, провожая взглядом процессию, заметил, как одна юная волшебница замешкалась на выходе и обернулась, встретилась с воров глазами. Вор усмехнулся и подмигнул. Девочка покраснела, сделала сердитое лицо и выскользнула из подвала. Лязгнула тяжёлая дверь.

Всё ещё усмехаясь, вор уселся на нары и сделал рукой простенький пасс. Из воздуха перед ним появился свежий батон. Ещё движение — и рядом лежал кусок колбасы. Докторской. Вор поморщился, махнул рукой более энергично и «докторскую» сменила «любительская». Вот так. Он с аппетитом зачавкал. Голодом она его морить собралась.

Вор бодрился, но настроение было у него поганое. Больше всего досадовал сам на себя — позволил заманить в ловушку, доверился, а ведь знал, что верить никому нельзя. Слишком расслабила его возможность использовать магическую Силу в мире, где её почти не осталось. А беспечность, как известно, губит фраеров не меньше жадности. Он поковырял пальцем в зубах, выплюнул кусочек колбасной шкурки и вспомнил про угрозу Лизы ему самому шкуру содрать. И ведь сдерёт, мрачно подумал вор и услышал едва различимый шорох. Огляделся.

Перед решёткой, отделяющей камеру от коридора, стояла та самая девочка-подросток, что разглядывала его от дверей.

— Здравствуйте, — вежливо сказала девочка, — меня зовут Ярославна.

— Так вот по отчеству и зовут?

— По отчеству я Трояновна. Ярославна Трояновна Шуйская. Папа с мамой были не очень образованы, но чокнутые на русской старине. Ну и вот... Можете называть меня Яра.

Девочка была очень серьёзна, но вор после её слов захохотал.

— Тогда ты можешь называть меня дядя Гена, но по секрету я тебе признаюсь, что моё

полное имя — Гэндальф, мои папа с мамой были чокнутые на фэнтези, — сказал вор отсмеявшись. — Мы с тобой хорошо друг друга понимаем. Что же тебе надо, сестра по несчастью?

— Нам надо, чтобы спрятанный вами запас синих кристаллов ни в коем случае не достался графине Оторвановской. Лучше всего будет, если вы, дядя Гена, сразу передадите его нам.

— А позвольте поинтересоваться, кому это «вам»?

— «Нам» — это Организации. Организации желаемого будущего.

Десять лет мы занимались тем, что выкорчёвывали из мира остатки магии. Артефакты, заряженные Силой, всплывали то здесь, то там, Зона игры продолжала генерировать внутри себя слабое аномальное поле, с которым предстояло ещё разобраться, у многих людей в стрессовой ситуации кратковременно проявлялись прежние Умения. Забот хватало, Николаич разрывался со своей службой в попытках стабилизировать экономическую и политическую ситуацию в стране, которая и была-то небольшим осколком могучей некогда державы, а после моего успешного выступления с отменой магии и вовсе раскололась на самозванные княжества, графства и султанаты. Собственно, похожая ситуация была во всём мире. И вот теперь школа волшебников!

Я укладывал в седельную сумку пистолеты, когда в комнату вошла Наташа.

— Командировка? — сразу поняла она.

— Да, милая.

— Тебя давно никуда не посылали. Значит, это важно. И опасно.

Вот что ты с ней будешь делать, если она не дура? И врать бесполезно. Теперь она будет переживать из-за меня, а я буду переживать из-за неё. Хорошо Боброву — он Маринке, что ни наврёт, она всему верит. Или делает вид, что верит. Я подошёл к жене, обнял.

— Я буду очень осторожен. И я скоро вернусь.

— Скажи хоть — куда? Или это секрет?

— Какие у меня от тебя секреты? Как обычно, к чёрту на куличики. В графство Оторвановка.

— К Лизе? — удивилась Наташа. Теперь ещё и ревновать будет. Хотя не должна, пожалуй. — Это не к чёрту, это к ведьме.

— Ну, не к самой Лизе, конечно. Надо проверить там... одно учебное заведение. Но и с ней придётся встретиться, раз она там себя графиней объявила.

— А я слышала, что это ещё Жрец заявил о суверенитете Оторвановки. Потом он женился на Лизе, а потом умер. Пусти, я тебе поесть соберу. Коня хотя бы тебе Николаич даст?

— Броневик обещал, — похвастался я и тут же прикусил язык, дурак. Единственный работающий броневик в Замке берегли и выводили из гаража лишь в исключительных случаях. Теперь Наташка точно не успокоится.

— Я с собой Боброва возьму.

— Это хорошо, с Константином надёжнее. И вот ещё, — она замерла с куском копчёной свинины в руках. — Обязательно возьми с собой Стёпу.

Я промолчал. Очень не хотелось заезжать в зону Игры, встречаться с папой и мамой, но если Наташка говорит, что Стёпу надо взять «обязательно», это не шутки. У неё бывали очень чёткие предвиденья. Я так и не сумел понять интуиция это или так проявлялось её

нереализованное Умение. Сама она на этот счёт не заморачивалась. Куда больше Наташу занимали бытовые проблемы.

У неё оказалась феноменальная приспособляемость. Когда я накрыл медным тазом Умения, многие растерялись до такой степени, что не могли сообразить, как развести костёр, чтобы приготовить горячую пищу. Ведь даже зажигалки у нас тогда тоже работали от Магии. А Наталья уже через неделю открыла торговлю самодельными свечами, которые делала из натурального воска. И, по-моему, она единственная в округе, кто мог выпекать настоящий хлеб. Она «заводила квашню». Вы знаете, что такое «квашня»? Я тоже не знал.

— Пять пачек патронов для дробовика, тушёнки пять банок, два батона. И водки ещё дай, — сказала Ольга, — три бутылки.

— Не таскала бы ты ему водку, — сказал барыга, но бутылки на прилавок выставил. — Он же и так не просыхает. Допьётся до цирроза и подохнет.

— А может он хочет подохнуть? — зло спросила Ольга, стгребая в рюкзак покупки.

— Не моё дело, — пожал плечами бармен и стал сортировать артефакты, проданные Ольгой. Больше всего было «батареек», а на них в последнее время резко вырос спрос.

— Пьёт? — спросил Стёпа, когда Ольга присела к нему за столик. Они были не то чтобы напарники, но в Зону за хабаром частенько ходили вместе. И Стёпа не раз говорил ветеранам, что более правильного сталкера он не встречал.

— Пьёт, — устало подтвердила Ольга. — Как вынули из него это Умение, так и начал. Сначала понемногу, потом больше, а последний год уже точно — не просыхает.

— Трудно ему наверно — из праведников в алкаши...

— Мне не легче было!

— Да. Помню я, как тебя первое время кумарило.

— Не поверишь, бывает и сейчас иногда как накроет... такая тоска, хоть в петлю.

— Поверю. Я же всё вижу. Просто не говорю.

— Что, сильно заметно?

— Мне — да. Ты ведь поэтому в Зоне и осталась? Полегче тебе здесь?

— Я не хочу об этом...

Стёпа кивнул и замолчал. Кроме них в баре никого не было. Бармен, закончив с подсчётом доходов, нацедил себе кружку пива и, выйдя из-за стойки, тоже подсел за столик. Рубаха у него была расстёгнута почти до пояса, чтобы все видели массивную золотую цепуху на волосатой груди.

— Интересные дела, сталкеры, — сказал он. — Синие кристаллы до последнего времени всплывали на чёрном рынке и пользовались неизменным спросом. Хоть и по баснословной цене. А вот в последнее время как отрезало. Нету их. Мне, конечно, горевать не приходится — народ кинулся полуфабрикат скупать, на «батарейки» цены подскочили. И вам, и мне это прибыль. Но ситуация согласитесь, странная.

— А что странного? — удивилась Ольга. — Лаборатория давно не работает, кристаллы делать некому. Кончились они, вот и всё.

— Это ты законов рынка не знаешь, — прищурился барыга. — Никакой товар так сразу не исчезает. Сначала он переходит в разряд дефицита, поднимается в цене, а потом ему уже альтернатива находится. И процесс это постепенный. А вот если товар разом исчез, это я вижу два варианта.

Бармен замолчал.

— Ну, первый — это спекуляция, — сказал Стёпа. — Кто-то скупил все кристаллы и решил их придержать, пока поднимутся в цене, а потом небольшими партиями пустить в продажу. А второй?

— А вот второй гораздо интересней. И, я бы сказал, опасней.

Бармен снова собрался держать паузу, но Ольга рявкнула:

— Да, говори уже, что ты душу тянешь?!!

— Я и говорю, — обиженно сказал бармен. — Говорю что, судя по всему, кто-то собирается собрать все кристаллы в одном месте и пустить их разом, так сказать, в производство.

— В производство? Все? — ошарашено переспросил Стёпа. — Это же магическое воздействие планетарного масштаба!

— Не думаю, что планетарного, — усомнился бармен. — Я от нечего делать прикидывал, сколько должно ещё заряженных кристаллов остаться. Общий запас Энергии в них, если грубо прикинуть, будет достаточным, чтобы накрыть континент.

— Всего-то континент? Это меняет дело, — бодро отозвался Стёпа.

— Мне твой сарказм, Стёпа, до одного места, — сказал бармен. — Но вы бы при случае Окуню про это дело шепнули. А он уже пускай министру расскажет.

— А вот и случай, — сказала Ольга. — Здравствуй, рыба моя.

— Здравствуй мама, — сказал Анатолий, входя в Бар.

Графство Оторвановское раскинулось на территории бывшей военной части и граничило с Посёлком, в свою очередь располовиненным княжествами Центральным и Великим Свободным. Лиза не раз с благодарностью вспоминала Жреца, так удачно выбравшего место резиденции.

— К нам добираться дольше всего от Замка, через территории, на которых постоянно боевые столкновения идут. Поэтому нас до сих пор никакие инспекции не беспокоили. Один раз только под видом посольского визита навещали, но вас тогда ещё никого здесь не было, — объясняла Лиза классу.

— Тоже мне, боевые действия, — фыркнул мальчик за передней партой. — Центровые со «свободными» сойдутся раз в неделю на площади кулаками помахать, вот и вся война.

— Антон, как всегда, всё знает лучше всех, — ядовито похвалила Лиза. В классе захихикали. Антон насупился.

— Сколько раз повторять — нельзя недооценивать потенциального противника, — в голосе Лизы зазвенел металл. — Между собой они дерутся на кулаках. Но никто не знает, сколько огнестрельного оружия припрятано в Посёлке. Оружия и боеприпасов, оставшихся ещё с большой войны. Ведь здесь военные квартировали! А когда разбежались, арсенал растащили местные — автоматы, гранатомёты, пехотные мины... Автоматам не нужна никакая магия, порох в патронах воспламеняется без всяких заклинаний!

В классе притихли. Эти дети никогда даже в кино не видели, как стреляет автомат. И как летает самолет. Про электричество знали только по рассказам старших. Как и про кино, собственно. Обычные средневековые дети. А Лиза продолжила:

— Поэтому Антон пойдёт к доске и напишет нам заклинание, останавливающее пулю. И химическую формулу пироксилина заодно. И не подсказывать!

Но Антону не понадобились подсказки. Куском мела он резво нацарапал и заклинание, и формулу, и даже векторы приложения магической Силы. Довольный собой он положил

мел и спросил:

— Ваша светлость, а когда у нас снова будут практические занятия?

— Садись, — сказала Лиза. Дети любили практические занятия, когда Лиза вливала в них по капле магической Силы. И они, пусть ненадолго, могли себя почувствовать самыми настоящими волшебниками. Но Силы было накоплено пока мало, очень мало. Вор упрявился, не хотел выдавать, где спрятан клад с артефактами, а без них цель была недостижима. Великая цель, завещанная Великим Жрецом.

— Послушайте меня, — голос графини Оторвановской зазвучал торжественно. — Очень скоро у вас всех будет много практики. И много Силы. Вам придётся продемонстрировать всё, чему я вас учила в непосредственном столкновении с противником, может быть, даже в бою. И когда мы победим, а в нашей победе я не сомневаюсь, вас можно будет смело назвать настоящими волшебниками. Считайте это экзаменом. И сделайте всё, чтобы наш Великий Учитель мог гордиться вами! — и она указала на большой портрет Жреца, висевший над классной доской. Дети, как это было принято при упоминании имени Учителя, встали. В торжественной тишине в дверь постучали, и вошла Яра.

— Можно? — спросила она.

— Где ты была? — зло спросила Лиза.

— Писила, — ответила Яра.

Я давно не выбирался из Замка и оказалось, что в то время как я учил парней правильно махать, ситуация в стране не просто изменилась, а грозила выйти из-под контроля. Куда смотрел Николаич?! Барыга в Зоне осведомлён о последних событиях лучше, чем шеф тайной полиции. Странно...

— Мы рассчитывали, что запасы синих кристаллов закончатся сами собой и на этом остаточная магия просто рассеется, — сказал я.

— Кто-то рассчитал по-другому, — ответил Стёпа. — Скажи, а ты не знаешь, как много кристаллов было украдено из лаборатории?

— Около пятисот штук. Отборные экземпляры, высшего качества.

— У меня такая же информация, но где-то половина израсходована, — вставил бармен.

— У тебя-то откуда? — не выдержал я.

— Имеем каналы, — бармен встал и ушёл за стойку, стал протирать стаканы. Он не хотел сотрудничать, это мне было понятно. Надо было сворачивать эту дурацкую инспекцию и ехать обратно в Замок. И прихватить с собой бармена, в Замке его как следует допросить. Николаич умеет допрашивать.

Я взглянул на мать, и мне стало не по себе. Даже разговор о синих кристаллах ввёл её в подобие транса. Взгляд затуманился, она явно мыслями была снова в лаборатории, где ей было так хорошо. Где она была по-настоящему счастлива. Чтобы встряхнулась, я спросил об отце. Она ответила невнятно, и Стёпа сделал мне знак — не трогай, дескать, пусть так посидит. Надо было вставать и уходить.

— Надо вора искать, — сказал Стёпа.

— Его десять лет по всей стране ищут, — усмехнулся я. — И мы, и колдуны, и уголовники. Он же тогда поделиться забыл. Но Николаич считает, что он весь запас ещё тогда толкнул по дешёвке и за бугор свалил.

Можно было добавить, что сам я как раз в эту версию не верю. Вор должен был где-то у нас под носом ошиваться. Но сильно откровенничать со Стёпой мне не хотелось. Друзьями

мы так и не стали. Вот Бобров нашёл бы с ним общий язык. Но Бобров ехать со мной наотрез отказался. Ему Маринка оказывается, ультиматум поставила — или служба, или дружба. В смысле семья. Так что отгулялся друг Коська. Сидит дома, близнецов нянчит. А что, Марина лучший врач в округе, на жизнь им хватает. Это я паёк в Министерстве обрабатываю.

А Стёпа так мне и не простил, что из-за меня Зона уже никогда не будет называться «игровой». Гибли здесь теперь по-настоящему. Но не уходили, вот в чём парадокс. А мне не нравилась его очень тёплая дружба с моей мамой. Что называется, при живом-то муже. Он же по возрасту ей в сыновья годился. Братишка, блин!

— Кстати, а никто не знает, куда делись сотрудники лаборатории по переработке синих кристаллов? — спросил вдруг Стёпа.

Гарнизон замка был смят атакой зомби в несколько минут. Никто не ожидал такого внезапного, стремительного и свирепого нападения. Все меры предосторожности были рассчитаны на людей. Людей остановили бы ещё на подходе, на узком горном серпантине. Хватило бы нескольких очередей из пулемёта. Но оживших мертвецов пули хоть и дырявили, но останавливали ненадолго. Часовые только впустую потратили весь боезапас, а когда схватились в рукопашную, зомби уже всю хозяйничали внутри Замка. Защитники Замка были отброшены, затоптаны, разорваны...

Марину и Наташу спасло то, что они вышли погулять с детьми на террасу. Когда раздались первые выстрелы, они подхватили близнецов на руки и по винтовой лестнице побежали в кабинет к Николаичу. Сам он на нижней галерее, вместе с Бобровым, отстреливался от наседавших мертвяков. Костян лупил из «Сайги», и заряды утиной дробы в упор разносили зомбаков в пыль. Тяжёлый удушливый запах тлена вперемешку с пороховой гарью заполнял Замок.

Николаич вбил в автомат последний магазин с патронами, сунул АК-74 Боброву, сказал:

— Прикроешь меня. Продержись минуту и отходи.

— Минуту? У меня в дробовике три патрона!

— Прикладом бей. По башкам, — сказал Николаич и скрылся за углом коридора.

Он бережно вынул из внутреннего кармана куртки пробирку с крошечным осколком синего кристалла. Даже такой крохи хватило бы для создания небольшого портала. Но Николаич уже принял другое решение. Он вытряхнул на ладонь кристаллик, сжал и произнёс заклинание дальней связи.

— Окунь, слышишь меня? — спросил он.

— Слышу, — удивлённо отозвался Толик.

— Где ты?

— В БТРе еду. Со Стёпой. В Замок.

— Почему в Замок? — зло спросил Николаич.

— Есть информация...

— Я примерно догадываюсь — какая, — перебил шеф тайной полиции, бывший физрук и бывший Отражатель и заговорил медленно и чётко. — Слушай меня! В Замок не возвращайся. Замок атакован зомби.

— Откуда зомби...

— Не перебивай! — заорал Николаич. — Через пять минут здесь будет сплошная аномалия, Марину с детьми и Наташу вытащит Бобров, а ты должен выполнять задание! Это очень важно. В Оторвановке тебе необходимо найти девочку по имени Яра. Ты понял? Яра,

Ярослава или Ярославна, точнее установить не удалось.

— Да зачем сейчас нужна какая-то девчонка? Когда зомби прорвали периметр Зоны? Разве такое вообще возможно? Надо сталкеров в ружьё поднимать, — кричал в ответ Окунев, и голос его уже начал затухать.

— Эта девчонка, — устало ответил Николаич, — она мне чем-то напоминает одного мальчишку, за которым десять лет назад гонялись по всему болоту волшебники с колдунами.

Окунев молчал.

— Найди её и постарайся с ней договориться.

— О чём?

— Если бы я знал... Просто договориться. И не теряй времени!

Кристаллик на ладони растаял, связь оборвалась. Николаич вытащил из-за пояса пистолет, взвёл курок. Бегом вернулся к Костяну, которого уже одолевали зомби. Прицельными выстрелами отогнал мертвяков, крикнул:

— Беги наверх, спасай детей!

Бобров хотел что-то сказать, но Николаич со всех сил толкнул его в спину, и Костян понёсся по лестнице.

В кабинете министра он застал картину почти идиллическую. Марина с Наташей, содрав шкуры с кресел, резали их на ремни и связывали в длинную верёвку. Семилетние близнецы, Вадик и Вовик, сняли со стены луки, Вадик подтягивал тетиву, Вовик перебирал стрелы.

— А как же Николаич? — спросила Наташа. Бобров молча прошёл к окну, рванул створки.

— Давайте верёвку, — сказал он.

Зомби пёрли по лестнице, а Николаич стрелял. Когда в пистолете остался последний патрон Николаич сказал:

Прощайте, наши принципы.

Пишите похоронки.

Мы не смогли стать принцами.

Простите нас, девчонки.

И выстрелил себе в висок.

Я нёсся по болоту на БТРе, хотя понимал, что не успею. Но не вернуться в Замок я не мог, чтобы там ни приказывал Николаич. Стёпа высунулся в открытый люк и держал автомат наготове. Это единственное, что ему нравилось после отмены магии, — автомат у него вне Зоны стрелял теперь так же исправно, как и в Зоне. И таких, как он, к моему удивлению, оказалось большинство. Тех, кому старый режим со Жрецом, с магией, с санаториями для эмоционалов был милее нового мира. И я их понимал. Когда люди хотят досыта кушать — их легко понять. А сейчас со жратвой было туго. Картошку выращивать разучились с этой долбаной магией!

— Смотри! — крикнул Стёпа, тыча стволом правее курса.

Я остановился, взял бинокль, тоже вылез в люк. То, что я увидел, не могло быть. По болоту шествовала толпа зомби, а за ними вышагивали мутанты Зоны. Они шли строем,

колонной по четыре в ряд, и создавалось чёткое убеждение, что кто-то ими управляет. Слишком слаженно они двигались, в бинокль было хорошо видно, как у зомби синхронно разеваются гнилые рты. Да они же строевую поют!

— Раньше случались такие прорывы периметра Зоны? — спросил я.

— Это не прорыв периметра, — не задумываясь, ответил Стёпа. — Во всей Зоне нет такого количества нежити.

— Так откуда они?

— Кто-то поднял мертвяков здесь, в Посёлке, в Городе... я не знаю.

— А мутанты откуда?

Стёпа молчал. Я выматерился, вернулся за руль и погнал броневик прямо на колонну нежити.

— Что ты задумал? — спросил Стёпа, но я сделал вид, что не слышу его за рёвом двигателя. — Стой!

Я врезался в толпу нежити и, не снижая скорости, принялся уютить зомби, мутантов, всех, кто попадал под колёса. Мертвяки, со своей замедленной реакцией, не успевали среагировать на опасность, и я перемалывал их в труху многотонной машиной, вминал в мокрую от утренней росы траву. Мутанты оказались резвее, они разбежались. Я снова остановился, вылез на броню и принялся поливать мутантов длинными очередями из РПК.

— Боезапас не трать, — хмуро сказал Стёпа, когда я опорожнил магазин.

— Ты чем не доволен?

— Ты слишком любишь совершать необратимые поступки.

— Да что не так? Ты же слышал — зомби напали на Замок. Это подкрепление к ним шло.

— Откуда ты знаешь? Может быть, они шли защищать Замок?

У меня глаза на лоб полезли. Очумел он, что ли?

— Ты где и когда видел, чтоб зомби кого-нибудь защищали? Они же безмозглые и агрессивные. Они же только убивают.

— Не все и не всегда. И я их всяких повидал. Чтоб защищали, врать не буду — не видел. А вот одного интеллектуала зомби, начисто лишённого агрессии, я знал. Как-нибудь расскажу, если интересно.

И он полез внутрь машины. Шёл бы ты со своими рассказами, подумал я. Осмотрел БТР и тоже полез под броню. А ведь это тот самый БТР, на котором меня когда-то Жрец в Город отвозил, вспомнил я, включая зажигание.

— Так что это за зомби у тебя знакомый был? Миротлюбивый.

— Да вот был такой. Бывший министр пропаганды, между прочим.

— Это было глупо, — сказал вор. — Зачем ей понадобилось уничтожать Замок?

— Во-первых, графиня Оторвановская вообще умом не блещет, — ответила Яра. Она сидела на нарах, болтая ножками. — Во-вторых, там были её враги. Ну и, в-третьих, а это самое важное, она практикуется. Она же очень неопытный волшебник. Как и её ученики, она больше знакома с теоретической магией.

— Но ты говоришь, она подняла отряд нежити, перебила гарнизон Замка... Она же Силы потратила немеряно!

— Не так уж и много энергии надо для оживления мертвецов. И есть ещё один аспект — она дестабилизировала обстановку. Сейчас и сталкеры, и поселковые княжества

переполошатся, будут готовиться к отражению нашествия нежити. А она под шумок добьётся главной цели. Так что провести такой отвлекающий манёвр, может, не так уж и глупо.

— А какая у неё главная цель?

— Власть. С вашими кристаллами, дядя Гена, она сможет контролировать всю территорию бывшей империи. И начнёт делать людей счастливыми. Как завещал великий Жрец. Она же на него буквально молится. А то, что кристаллы вы ей передадите со дня на день, она уверена. И передали бы, если бы не я. Выбраться отсюда без помощи Организации вы не сможете — на решётках очень мощное заклятие.

— Как-то ты, деточка, очень по-взрослому рассуждаешь, — с подозрением сказал вор. Яра засмеялась.

— Мне двадцать пять лет, моё физическое взросление остановили ещё при старом Министерстве.

— Зачем? — удивился вор.

— Затем, что кое-кому в прежнем руководстве очень нравились опытные малолетки.

Вор замолчал. Прошёлся по камере, взглянул на Яру. Он понимал, что надо соглашаться, но хотел гарантий.

— Отдам, — наконец сказал он. — Всё отдам организации вашей. Но только после того, как вытащите меня отсюда.

— Вытащим, — ответила Яра. — И заплатим. Не так много, как вам графиня наобещала, но зато золотом.

— Хорошо. Согласен. Скажи вот ещё — Лизка, ты говоришь, власти хочет. А вы? Не того же самого?

— Вам не всё равно, дядя Гена? — удивилась Яра.

— Представь себе, что мне просто интересно.

— Мы тоже хотим власти. И всеобщего счастья. Но другими методами.

Вор обидно засмеялся, захлопал себя ладонями по ляжкам.

— Я, блин, так и думал. Всем одно подавай. Благодетели! Знаю я эти методы, посмотрелся. Сначала они всех осчастливить обещают, а потом вон — девок себе в гаремы выращивают, на любой формат! — он ткнул пальцем в Яру. Она совершенно спокойно ответила ему:

— А вот про это вам, дядя Гена, лучше не рассуждать. А то я могу передумать помогать Организации желаемого будущего и начать помогать графине Оторвановской. И тогда плохо тебе будет, дядя Гена. Очень.

Вторая глава

Впереди БТРа по серпантину, ведущему к Замку, топал Стёпа. Если на дороге будут аномалии, он разглядит, у него глаз намётанный. Поэтому я не спеша рулил за ним следом, хотя хотелось лететь вперёд на максимальной скорости. Как там Наташа, жива ли? Если с ней что-то случилось, я ведь найду этого шутника, который мертвяков воскрешать научился, я ведь с ним такое сделаю, что из него уже зомби не получится, не из чего собирать будет...

Наташа вышла из-за поворота прогулочным шагом и приветливо помахала рукой Стёпе. За плечами у неё был вместительный рюкзак наверняка набитый хавчиком. Практичная мне жена досталась, грех жаловаться. Я заглушил двигатель, вылез на дорогу. Следом за Наташей показались Бобровы, всем семейством. Впереди вышагивали близнецы с луками наготове. Увидев меня, жена скинула рюкзак прямо на асфальт и кинулась ко мне мимо Стёпы. А Стёпа ловко поставил ей подножку, и она очень неудачно, коленями, лицом упала на дорожное покрытие. Даже звук такой влажный раздался, от которого у меня в животе похолодело. Я остолбенел от стёпиной выходки, и он успел, прежде чем я бросился ему морду бить, бросить на асфальт перед растянувшейся Наташей, гайку. Гайка, хлопнув, вошла в асфальт как в мокрую глину.

— Гравиконцентрат, сила тяжести внутри него в десятки раз превышает норму, — пояснил Стёпа. — На месте гибели зомби часто образуются аномалии. Вы теперь здесь не бегайте, здесь теперь Зона.

Наташка уже сидела на заднице и размазывала кровь по лицу.

— Я же говорила, что Стёпу надо взять с собой, — улыбнулась она сквозь слёзы. Я, обогнув аномалию, подошёл к ней, встал на колени, хотел обнять, но меня отстранила Марина. «Потом, всё потом», — сказала она и занялась разбитым Наташкиным лицом.

— Такое дело, — сказал Бобров. — Когда мы уже через окно драпали... Ну, то есть я девок на верёвке спускал... Вломились зомбаки, короче, дверь сломали, а у меня в руках верёвка, не отпустишь. Я думаю, вот сейчас меня заживо и сожрут. А они раз — и все вспыхнули. За пару секунд сгорели, и пепла не осталось. Ну, я смотреть не стал, что там как, тоже по верёвке, короче...

Он всё пытался свернуть самокрутку, но руки у него тряслись и табак просыпался. И ладони у него были стёрты до мяса. Я прикурил сигарету, отдал ему.

— Николаич? — спросил я.

— Вряд ли. Был бы жив, уже бы объявился.

— Может, ранен. Надо идти, посмотреть.

— Ну, пошли.

— Нет, — сказал Стёпа. — Ты не ходи. Ты с детьми и женщинами лезь-ка в БТР и присматривай за ними. А мы с Окунем ходим.

Костян не стал спорить, и я понял, что досталось ему крепко.

Не так много энергии у Лизы ушло на оживление мертвецов, как на управление ими. Без постоянного дистанционного контроля они не желали идти на штурм Замка, постоянно разбредались, норовили затеять драку с мутантами, которых пригнать, а после удерживать вне Зоны тоже было нелегко. Под конец, когда Лиза совсем выдохлась, остатки воинства повели себя и вовсе странно — они построились в колонну и с песней пошли в сторону

Посёлка. Было похоже, что кто-то перехватил управление над ними. Это сильно озадачило графиню. Но сейчас ей надо было срочно восстановить запас Силы, и она спустилась в подвал.

— Выходи, — сказала Лиза, снимая заклятие с двери камеры. С ней пришли пятеро мальчиков, вооружённых банальными электрошокерами. Вор выругался про себя. Он мог бы поставить слабый силовой барьер, но прорваться через свиту графини, если они начнут долбить его разрядами, у него бы не получилось.

Он вышел, графиня достала наручники и сама сковала ему руки за спиной. Ощущение было хорошо знакомое, но порядком подзабытое.

— А чем вы шокеры заряжаете? — спросил вор.

— У нас генератор, — с гордостью ответил Антон и получил подзатыльник от графини. Вор незаметно попытался сложить руки для простейшего пасса — не получилось.

— Пойдем, — ласково сказала Лиза. — Я тебе кое-что обещала.

Вору стало не по себе. Он видел, что Лиза не шутит. Ему вдруг очень захотелось увидеть девочку Яру.

Его вывели на плац, толчками в спину погнали к пересохшему фонтану в центре. Фонтан украшала конструкция из баскетбольного мяча и модели реактивного истребителя, по проволочной орбите несущегося вокруг мяча. Вор догадался, что когда-то мяч был раскрашен под земной шар. Странно, какая хрень в голову лезет, подумал он. Его сильно пнули ниже спины и, зацепившись ногами за невысокий бордюр, он свалился на сухое бетонное дно бассейна.

— Вы бы поосторожнее, — зло сказал вор, ворочаясь в пыли. — Я же головой ударился. У меня же амнезия сейчас случится.

— Вылечим, — сказала Лиза и спрыгнула к вору. Наступила ему ногой на грудь, прижала. — Сейчас мы с тобой в доктора поиграем. Дай! — она протянула руку, и один из мальчиков вложил в неё разрядник. — Где?! — крикнула она и ногой ударила вора по рёбрам. Глаза у Лизы стали бешеные.

— Туфельки попортишь, — прошипел вор и решил — скажу, всё скажу, ну её на хрен...

— Ваше сиятельство, — раздался голос Яры. — На КПП БТР. Человек в форме Министерства счастья, сказал, что хочет вас видеть. Говорит, они прибыли с инспекцией. Это полиция.

— Не смей называть эту шайку бандитов полицией! — заорала Лиза. — Не смей говорить о них, что они имеют отношение к Министерству счастья! Они присвоили и замарали это светлое имя.

— Простите, Ваше сиятельство, — прошептала Яра.

— Проводите инспекцию в главную казарму, броневик в бокс, пускай ходят, где хотят и смотрят, что хотят.

— Они вас требуют, — почтительно, но настойчиво повторила шпионка.

— Блин! А этого куда? — Лиза заметалась.

— Мы его быстренько обратно в подвал оттащим и свяжем.

— Давайте, — после секундного раздумья решила Лиза. — Свяжите как следует. Ты Ярославна и проследи. Дверь в подвал дровами завалите. Бегом.

— Значит Николаич погиб? — снова спросила Ольга.

— Скорее всего, — ответила Наташа. Нос у неё был затампонирован, и голос звучал

гнусаво. — Тело парни не видели, они так и не смогли пробраться внутрь Замка, там теперь сплошные аномалии. Но шансов, что кто-то уцелел, нет совершенно.

Они сидели за столиком в тесной комнатухе Окуневых, за занавеской пьяно бормотал и ворочался Владимир. Марина делала ему то ли капельницу, то ли клизму. Ольга поправила воск на оплывающей свече.

— Хорошие свечи ты делаешь, — сказала она, — дольше горят, чем те, что барыга продаёт.

— После того, что они увидели в Замке, — продолжила Наташа. — Они рванули в Оторвановку. Это было последнее задание Анатолия, и он уверен, что это как-то связано с нападением на Замок. Нас завезли в Бар, купили патронов и поехали дальше. Всё как десять лет назад, когда меня Костя от Жреца у эльфов прятал.

— Только теперь нет ни Жреца, ни эльфов.

— А кем эльфы стали после... ну, после того как Анатолий с магией покончил?

— Сталкерами. Теперь в Зоне все сталкерят понемногу. Артефакты на продажу собирают и гибнут в аномалиях, но уже по-настоящему. Драконы в мутантов переродились, злобных и тупых тварей...

— Жалко драконов, — загрустила Наташа.

— Людей тебе не жалко?

— Ещё как. Мне всех жалко, кому плохо, — Наташа вздохнула, и Ольга погладила её по плечу. — А как Зона вообще без магии может существовать?

— Никто не знает. А некоторые думают, что это не Зона возникла, потому что магия проявилась, а возникновение аномальной Зоны привело к появлению магии.

— Ольга, вы почему молчали, что у вас всё так запущено? — сердито спросила Марина, выходя из-за занавески. Она протёрла руки водкой и стала освобождать нос Наташи от ватных тампонов. — Не ёрзай!

— Ты сможешь ему помочь? — спросила Ольга.

— Смогу, — не задумываясь, ответила Марина. — Но никакой гарантии, что снова не начнёт. На, кровохлёбку пей, — она поставила перед Наташей чашку с отваром. Уселась за стол, и устало сложила руки перед собой, как школьница.

— А теперь скажите мне бабы, что за херня происходит?

Бывший колдун в перьях, а ныне руководитель тайной Организации Желаемого Будущего Леонид Сергеевич Тюленичев аккуратно прошёл между двух аномалий, перешагнул через тело Николаича и стал подниматься по винтовой лестнице. В руках он держал распоротую по шву подушку и перед каждым шагом бросал перед собой горсть куриных перьев. Птичьи пёрышки чутко реагировали на присутствие аномалий, обозначали их правильным контуром.

Сначала он пробрался в кабинет Николаича, оглядел царивший там разгром, покачал головой. Аномалий здесь было особенно много, видимо, все уцелевшие на тот момент мертвяки собрались именно тут, перед тем как сгореть в аннигиляционном пламени. Тюленичев пробрался к сейфу и стал перебирать папки с бумагами.

— Нигде нет, нигде нет, — бормотал он. Отбросил бумаги, задумчиво ещё раз внимательно огляделся. Взгляд его привлекло поваленное набок кресло с ободранной обивкой. Он подошёл к нему и выудил небольшой кусок картона, затолканный между сиденьем и спинкой. Усмехнулся.

— О как, — сказал Тюленичев. — Под задницей прятал! Молодец, правильно.

Он бережно завернул картон в носовой платок, положил во внутренний карман пиджака. Снова осторожно теперь уже спустился по лестнице к телу Николаича, присел перед ним.

— Здравствуй, старый друг, здравствуй, старый враг, — сказал он и положил Николаичу руку на простреленную голову. Николаич дёрнулся и застонал. Открыл глаза.

— Ты как?

— Ну, с вышибленным мозгом как-то знаешь, не очень, — довольно бодро ответил Николаич.

— Минутку потерпишь?

— Где схема не скажу.

— А я нашёл.

— Вот сука.

— Скажи где ключ, и я Окуню шепну, где девчонку искать.

— Нет.

— Всем же лучше будет.

— Нет!

Тюленичев помолчал.

— Отпусти меня, — сказал Николаич.

— Прощай, брат, — сказал тогда Тюленичев и убрал руку.

Я очень удивился, когда Лиза вышла нас встречать. Последний раз я её видел десять лет назад, и она была ослепительно красива. Сейчас она не то, чтобы подурнела, она была по-прежнему очень красива, но это была красота зрелой женщины. Весьма зрелой. Лиза выглядела сильно старше своих лет, даже с учётом того, что когда-то Жрец искусственно сделал её старше.

— Здравствуй, Толик, — радушно произнесла Лиза.

— Здравствуй.

— Можно мне тебя так называть по старой дружбе? Или ты теперь «господин инспектор»?

— Можно. Но и мне позволь не обращаться к тебе «Ваше сиятельство».

— Я никогда серьёзно к титулу не относилась, — засмеялась Лиза. — Вот Жрец был достоин носить высокое звание. Гораздо более высокое.

При упоминании Жреца она преобразилась, глаза засверкали, голос зазвенел. Да она же фанатичка, подумал я. Неужели до сих пор она носится с идеями старого маразматика о принудительном «осчастливлении»? Тогда многое становится понятнее. И проще. Я понял как себя вести.

— Лиза, — сказал я, напуская на себя деловой вид. — Знаешь, всё же дружба дружбой, но я при исполнении. Нам надо всё осмотреть... и нужен твой формальный отчёт. А начнём мы, если ты не против, с пищеблока, — я сделал паузу и твёрдо закончил: — И мест общего пользования.

— Я понимаю, служба, — сказала Лиза. — Я тебе всё покажу, пойдём, — она повернулась, увлекая меня за собой, и добавила: — Хотя не понимаю, какая может быть у тебя служба после атаки на Замок.

Она проговорила! Откуда бы ей знать, что Замок был атакован? Или нарочно дала

понять, что знает больше, чем я могу подумать. В любом случае надо было срочно сменить тему беседы. С некоторым напряжением я сказал:

— А ты прекрасно выглядишь.

Ох и фальшиво у меня это прозвучало! Я добавил:

— И, как и раньше, очень мне нравишься.

Вышло ещё хуже.

Но Лиза ничего не ответила, она вела меня вдоль плаца, на котором в каре были построены десятка три подростков. В одинаковых костюмчиках. Примерно половина — девочки. И как среди них найти некую Яру? Знать бы ещё, зачем мне её надо найти.

— Мои ученики, — с гордостью сказала Лиза. — Будущие волшебники.

— Прекрасно, — сказал я. — Мне надо ознакомиться с поимёнными списками.

— Их имена? — удивилась Лиза. — Зачем тебе?

— Так положено, — туманно ответил я.

— Пойдём в канцелярию, я покажу тебе бумаги, — сказала Лиза. — Можно подумать, ты здесь кого-то ищешь.

— Если только тебя, — пришлось мне опять сфальшивить. Но в этом уже не было необходимости. Я видел, что она мне не верит и знает гораздо больше, чем хотелось бы. И не особенно это скрывает. Ну-ну.

— А почему они у тебя как солдатики построены? Мне сказали у тебя здесь школа волшебников, но это больше напоминает кадетский корпус.

— Я придаю большое значение дисциплине. Мне не нужна вольница, как у колдунов на болотах была. Пусть уже с этого возраста приучаются к служению своему главному предназначению.

Мы зашли в ободранный кабинет, она достала из ящика стола свиток бересты, передала мне.

— С бумагой совсем плохо, — пожаловалась она. — Присаживайся. Мы уселись на стульях оставшихся, похоже, ещё от военных. На интерьеры графине Оторвановской было явно наплевать.

— Лиза, — сказал я, просматривая длинный перечень имен и фамилий. — Давай попробуем поговорить откровенно. Ты же сама сказала, мы старые друзья, а старым друзьям можно иногда пооткровенничать. Ты о каком предназначении говоришь? Ты бредишь, что ли? Какая на хрен, школа волшебников? Магии больше нет, настоящую Силу они никогда не получают. Артефактов из Зоны хватает для минимальных локальных воздействий. Ты же из детей, в лучшем случае, умелых знахарей сделаешь, в худшем — ловких шарлатанов. Или это ты весь запас синих кристаллов прикарманила?

И я сразу посмотрел ей в глаза. И увидел, что она смотрит на меня с жалостью.

— Пока ещё нет, — сказала Лиза. — Но это вопрос времени. Не в этом дело.

— А в чём? — как дурак спросил я.

Она встала, подошла ко мне и положила руку на плечо. Теперь уже она заглядывала мне в глаза.

— Так ты ничего не знаешь. Неужели Николаич тебе ничего не сказал? Или он сам не догадался? Вот это номер! — она захохотала. Я вскочил, отбросил свиток.

— Да чего я не знаю?!

— Того, что Магия никуда не исчезала, — сказала Лиза и распахнула дверь. Вошли четверо довольно крепких парнишек вооружённых пистолетами. А я оружие оставил в

броневике. И Стёпу с Бобровым. И это хорошо. Я поднял руки. И ещё я подумал — она точно рехнулась.

— Сдаюсь, — сказал я. Снова сел, демонстративно развалился. Я легко мог обезоружить ребят, но было интересно узнать, что Лиза задумала.

— Кто с ним узнали? — спросила она у пацанов.

— Двое. С автоматами. Возле броневика трутся на КПП.

— Я же приказала броневик в бокс загнать!

— Они отказались проехать.

Лиза задумалась. Прошла к столу, достала из ящика пистолет-парализатор. Я знал такие, их в Кузедеевке недавно начали делать. Иглы из него обездвиживали хоть и не мгновенно, зато качественно.

— Чего ты добиваешься? — как можно спокойнее спросил я.

— От тебя? Уже ничего. Хотела за нос поводить, понять, что тебе известно. А ты совсем глупый, ничего не знаешь. Ты совсем не повзрослел, Толик. Такой же дурачок.

Она приняла решение. Шагнула к двери, парни расступились, а я, пользуясь паузой, незаметно сместился, перенося центр тяжести. Теперь надо попытаться её разозлить.

— Этого держать на прицеле, пока я не приду. Дёрнется — стреляйте по ногам, убивать не надо.

— Лиза, про Магию, что она не исчезла, — ты правда так думаешь? Но тогда тебе психиатр нужен. Ты дура, что ли?

Она улыбнулась и вышла.

Третья глава

— Я всегда думала, что Зону создали те, у кого проявилось умение Геймер, — сказала Наташа.

— Тогда бы с исчезновением магии исчезла Зона, — ответила Ольга. — А она, как видишь, не просто существует, но и вырабатывает магические артефакты. Слабенькие, много слабее прежних, но всё же наделённые магией. Нет, что-то здесь не так.

— Не такие уж и слабенькие, — вставила Марина. — Например, одной «батарейки» хватает, чтобы человека от «синьки» вылечить. А кроме этого есть «баранки» и «грозди гвоздей», «кроличьи яйца». Они ещё сильнее, но очень дорогие.

— Потому что очень редко попадаются, — объяснила Ольга, — бывают артефакты, которые настолько редкие, что и названия не имеют.

— А у меня из памяти не идут слова Стёпы: «Зона была, есть и будет», — Наташа нахмурилась, вспоминая. — Что он хотел сказать? Или он что-то знает?

— Очевидно, он знает истоки возникновения легенды о Зоне, — сказал Владимир, выбираясь из-за занавески. Он доковылял до стола, со стоном уселся и попросил: — Дайте попить.

— Тебе бы ещё полежать, — сказала Марина и нацедила ему отвара.

— стакан налей — лягу.

— Вот! — Марина сунула ему под нос кулак.

— Ага, я так и думал, — вздохнул Владимир. — Тогда слушайте. Первое упоминание о Зоне было сделано в небольшой повести около ста лет назад. Чуть меньше даже. Не важно. Потом по книге сняли фильм. А ещё позже сделали компьютерную игру, получившую бешеную популярность. Такую популярность, что ещё позже по мотивам игры понаписали кучу книжек.

— Я что-то такое читала, — сказала Наташа. — Но я думала, это про нашу Зону и написано.

— Возможно, сейчас уже пишут и сочиняют истории про реальную Зону. Если, конечно, всё, что вокруг нас происходит, является реальностью, а не моим бредом.

— Не отвлекайся, — печально сказала Ольга. Видимо, про реальность, равноценную бреду, она слышала уже не первый раз.

— Так, собственно, всё, — Владимир отхлебнул отвара. — Стёпа считает, как, кстати, и я, что Зона сформировалась в результате ментального неосознанного воздействия миллионов людей, знакомых с легендой о Зоне в той или иной форме. Так сказать — эхо ноосферы. Поэтому она так мало похожа на каноническую версию. У каждого своё представление о чуде, кто-то не мыслит сказочный мир без драконов — вот тебе и драконы, кому-то хочется эльфом пожить — на тебе эльфы...

— А как было в канонической версии? — спросила Наташа.

— Ну, если коротко, там всё вертелось вокруг исполнителя желаний или Золотого шара. Или Монолита. Не важно — главное, что будто бы в центре Зоны есть место, где исполняются заветные желания.

На кушетке посапывали Вадик и Вовик, трещала свечка. Владимир прихлёбывал отвар, а Ольга, Марина и Наташа молча смотрели на него.

— Девки, вы чего? — наконец сказал Владимир. — Это ж легенда.

Даже зная настоящий возраст агента Организации, вор всё равно воспринимал Яру как ребёнка. Поэтому ему было немного дико видеть, с каким хладнокровием она вырубилась четверых пацанов, которые только что затащили его обратно в камеру. Воспользовавшись тем, что они отвлеклись, обматывая его верёвками, она рубанула тонкой ручкой по шее одного, выхватила у него шокер и молниеносно оглушила разрядами ещё двоих. Последний, оставшийся на ногах паренёк, изумлённо крикнул:

— Ярка, зачем?! — она и его долбанула. Развернулась к вору, спросила:

— Договор в силе?

— Да.

Она освободила его от верёвок, долго возилась с наручниками, открывая их шпилькой для волос. Справилась.

— Говори где, и я тебя выведу.

— Где-где. В Министерстве.

— В бывшем здании Министерства? — с весёлым изумлением переспросила Яра. — Ну ты наглец.

— Так а чё? Там же всё пожгли и разграбили. И загадили так, что туда даже бомжи не суются. А сейфы экранированные в лаборатории так и остались стоять. Я туда всё опять и перетаскал, замок кодовый повесил, там печать в коридоре валялась, так я и опечатал.

— Ловко. Тогда сейчас туда портал провесим, ты мне замок откроешь — и разойдёмся.

— Как это разойдёмся? А золото?

— Извини, — Яра дурашливо хихикнула, — чуть не забыла.

Она вскинула руки в пассе и крикнула:

— Леонид Сергеевич! Слышишь меня?

— Слышу, Яра, — голос Тюленичева раздавался как будто со всех сторон сразу.

— Нам нужен портал из армейских казарм в лабораторию Министерства. Туда же группу поддержки. Туда же золото для Гэндальфа.

— Золото? Я б ему не золота, я б ему скипидара в одно место!

— Лёня, я обещала.

— Ладно-ладно. Лаборатория, значит? А я думал, он в Зоне кристаллы притырил.

— На это и был расчёт, — заржал вор.

— Шибко не радуйся, мне ведь ничего не стоит сначала с тобой расплатиться, а потом всё же скипидару!

— Он уже не радуется, Леонид Сергеевич, он задумался, — сказала Яра. — Нам бь побыстрее отсюда ноги сделать.

— Открываю портал, подкрепление через десять минут, эвакуация из лаборатории ещё через десять. Так что время там не теряйте.

— Не будем, — пообещала Яра. В углу камеры дрогнул воздух, засветился открывающийся портал.

— Пошире откроется, и валим отсюда, — предупредила Яра.

— Я тебе свалю, мерзавка, — сказала Лиза, входя в камеру. С ходу выстрелила иглой девочке в шею. Яра медленно осела на пол. Вор успел её придержать и, когда та стала заваливаться, ещё и ладонь под голову подставил, чтобы об каменный пол не разбила.

— Подслушивала? — весело спросил он у Лизы и тоже улёгся на пол. — Стреляй, чего уж.

— Подслушивала, — сказала Лиза. — Код замка?

— 1385, — сразу ответил вор. Лиза выстрелила в него и, не дожидаясь когда вор отключится, шагнула в открывшийся портал.

Когда на улице началась пальба, мальчишки никак не отреагировали. Двое по-прежнему держали меня на прицеле, стоя возле дверей, двое расположились за столом на стульях. В принципе, грамотно. Мне же, чтобы начать действовать, необходимо было спровоцировать их на нападение. Так уж у меня остаток Умения проявлялся — в противостоянии непосредственному физическому воздействию. Лучше всего в рукопашной драке, но и когда стреляли по мне, тоже неплохо получалось вертеться.

— А всё-таки дура у вас начальница, — сказал я. Парни молчали. — Это же надо такое придумать — Магия никуда не делась! Ну и где она? Нет, долгое общение со Жрецом явно повредило ей психику. Он же сам был ненормальный.

Вот тут они задёргались. Двое у дверей перевели стволы с моих ног в лицо, один из тех, что сидели за столом, встал.

— Не надо так говорить, — сказал он угрожающе. Голос был не окрепший, совсем мальчишка.

— А то что? — насмешливо спросил я. — Пристрелите меня? Так вам же приказано не убивать!

— Убивать не будем, просто рот заткнём. Твоими же носками.

Ах ты, паршивец, подумал я. Мешало, что они всё же оставались относительно спокойны, не нападали. Перестрелка за окном не утихала. Я сгруппировался для рывка. И тут очень кстати в коридоре, громыхая берцами, показался Бобров. Парни у дверей растерялись, повернулись на шум, а я перекатился низом к тем, что были за столом, встал на колени и одним движением вырвал у них пистолеты. Вскочил. В Боброва стреляли. В ноги. Он скакал, изображая весёлый танец. Я шагнул и в два удара по затылкам прекратил пальбу. Мальчишки упали.

— Зачем ты так? — укоризненно сказал Бобров, указывая на брызги крови. — Ты же их покалечил.

Он подхватил за плечи одного пострадавшего, затащил его в кабинет, уложил поудобнее.

— Бинт есть? — спросил он. Парнишка у него в руках начал приходить в себя, застонал. Второй лежал без сознания, но и крови на нём заметно не было.

— Вот, — сказал тот, что грозил мне рот носками заткнуть, и протянул носовой платок.

— Что там? — спросил я.

— Ничего страшного, просто кожа содрана, надо перевязать, скоро оклемается, в крайнем случае, лёгкое сотрясение, — ответил Бобров, перетягивая рану парнишке.

— Я спрашиваю, кто там стреляет, — пришлось мне уточнить. — И в кого.

— А, — дошло до Боброва. — Это Стёпа нападение отбивает. Из пулемёта. Детишки нападают, а он в воздух стреляет, они какаются. Что встали? — прикрикнул он на моих бывших охранников. — Этого на стол уложите, второго на стулья.

— Может, Стёпе помощь нужна? — решил я поинтересоваться.

— Ну, сначала я тоже подумал, что нам помощь понадобится. Когда они в атаку пошли. Грамотно так, с двух сторон, на четвёрки разбиты, с пистолетами наперевес. Вот только стреляют они из тех пистолетов, похоже, первый раз в жизни. Глаза закрывают. Они же

дети, а ты их железякой по затылку!

Тюленичев промахнулся и открыл портал не в самой лаборатории, а в фойе бывшего Министерства счастья. Лизу поразила разруха, которая здесь царилла. Ей было больно видеть чёрные от копоти стены, выбитые окна и двери, загаженные коридоры. Интеллектуальный, научный и политический центр страны превратился в руины. Воняло гарью и кошачьим дерьмом, со стен и потолка свисали вырванные провода, сквозняк гнал по коридору обрывок обоев.

Лиза легко нашла лабораторию на шестом этаже, она хорошо помнила, как когда-то здесь кипела работа, создавался фундамент Счастливого Организованного Будущего. Она прошла вдоль беспорядочно сдвинутых длинных столов, приблизилась к сейфу, сразу сорвала печать, стала набирать код на замке.

— А я код поменял, — сказал инспектор. Лиза испуганно повернулась. — Я ждал тебя. Как только узнал, что вор тебе весь запас загнать решил, так и жду с тех пор.

Он стоял в проходе старый, грязный и оборванный, как будто все эти годы находился здесь и ветшал вместе со зданием.

— Александр, — узнала Лиза. — Вы сильно изменились.

— Ну, ты тоже не похорошела.

У Лизы дёрнулось лицо. Она направила игломёт на инспектора. Он сделал шаг назад, но потом усмехнулся.

— Код, — напомнил инспектор, наслаждаясь ситуацией. Лиза опустила оружие.

— Как ты его узнал, чтобы поменять?

— Следил за вором. Долго. Подглядывал. У меня было много времени, надо же было чем-то заняться.

— Почему себе всё не забрал?

— Я ими пользоваться не умею, — признался инспектор.

— Чего ты хочешь? Долю? Сколько? Говори быстрее, сейчас здесь будет отряд колдунов, они из тебя инфу просто выбьют.

— Мне ничего не надо. Только наказать тех, кто разрушил созданное Организацией. Созданное Жрецом. Ты ведь тоже этого хочешь? Мы союзники.

— Так открывай! — закричала Лиза.

— Но ты возьмёшь меня с собой? Не бросишь, как Жрец?

Лиза молчала, и инспектор подошёл к сейфу, задумался на мгновение и, а была — не была, быстро открыл замок. Лиза оттолкнула его и стала выхватывать синие кристаллы, размазывая их по себе и вокруг себя, прямо по воздуху, насыщая всё энергией. Инспектор с умилением любовался, как она играет с Магией, купается в ней, обретая Силу. Точно так же и Жрец когда-то любил плескаться в энергии принесённых им в жертву. Славное, достойное было время! Время интереснейшей, кропотливой, творческой работы. Время служения великой цели, великой Организации. Теперь всё будет как раньше, вот перед ним достойная смена Учителю. Умна и талантлива, его ученица. Как она прекрасна!

Окончательно потеряв контроль над собой, инспектор бухнулся на колени перед хохочущей Лизой и угодил прямо на крошево битого кирпича. Острая боль вспышкой вернула сознание. Её же торкнуло, подумал он, и меня тоже.

— Лиза! — крикнул он. Вскочил и с размаха отвесил графине оплеуху. Она сразу пришла в себя.

— Называй меня «ваше сиятельство». Бери мешки, пакуй кристаллы. Мы уходим. Что застыл?

— Сейчас, ваше сиятельство. Одну минуту, — сказал инспектор. — Мне надо прийти в себя. Я, видите ли, давно не испытывал такого счастья.

Детишек мы согнали в спортзал. Ну как согнали? У них было по три патрона. И дожде пошёл. И они не знали, что им дальше делать. Так что я предложил всем собраться в спортзале. Они не возражали. Складывалось ощущение, что Лиза просто бросила своих воспитанников, сбежала. Ребята растерялись, были подавлены. А когда увидели парня, которому я голову разбил, и вовсе приуныли. Мы не стали объяснять, что у него под повязкой кожа просто содрана. Зато вся одежда в кровище. Хорошо, пускай полюбуются, как на войне бывает, может, задумаются. Стёпа остался дежурить в БТРе, а Бобров встал на выходе из спортзала. На всякий случай.

— Так значит вы все волшебники? — спросил я издевательским тоном. Сидя на разложенных матах, они молчали, глядели настороженно, некоторые со злобой.

— Мы пока только учимся, — ответил паренёк лет пятнадцати.

— Плохо учитесь! — строго сказал я. — Зачем вы с пистолетами атаковали бронетранспортёр, когда можно было его заморозить элементарным заклинанием? Почему под пулями бегали, не закрываясь силовым полем?

Они молчали. Не могли же они признаться, что у них всех вместе взятых Силы не хватит на элементарное заклинание. С детьми это прекрасно действует — задать идиотский вопрос, ответ на который очевиден, но произнести его им стыдно. Вот, кстати, сейчас так и надо будет сказать — как вам, дескать, не стыдно. Но я обратил внимание на портрет Жреца в золочёной раме.

— Вот Учитель никогда бы не совершил подобной глупости! — кивнул я на портрет. Ого, это подействовало. Они опускали глаза, краснели, им действительно стало стыдно. Надо было дожимать.

— Да, великий был человек, умнейший, — я печально глядел на портрет. — А вы знаете, ребята, я ведь его видел вот как вас, общался с ним.

Они затаили дыхание, они ловили каждое моё слово, они порастопырили глазёнки и рассматривали меня как счастливца, приобщившегося к святыне. Они мне уже почти доверяли.

— Когда-то он катал меня на БТРе, как раз том самом, на котором мы приехали. Он говорил мне, — я запнулся, не придумав сходу, что соврать. — Он говорил — учись, Толик, учись Магии настоящим образом. Чтобы не было потом стыдно, за бесцельно потраченную Магию. А вы что же? Как вы учитесь? Плохо! И главное чему? Вы учитесь Магии в мире, где её не осталось. Вам же математику надо учить, физику, химию. У нас почти не осталось образованных людей. Нам нужны медики и агрономы, чёрт возьми, у нас же, геологов не осталось! Нет, милые мои, лафа с волшебством закончилась, надо думать, как нам вместе жить в новом мире, без заклинаний и ворожбы.

Меня несло, и я не сразу заметил, что Бобров от дверей делает мне какие-то знаки, типа «рот закрой». Я замолчал и, наконец, соизволил обратить внимание на аудиторию. Аудитория потешалась. Они хихикали, закрываясь ладошками, они прыскали и хмыкали.

— В чём дело? — спросил я. Хотел грозно, но получилось растерянно. И тогда встал тот же парнишка. И он мне выдал. Речь его была гладкой и стилистически выверенной, как

заученный урок. Собственно, это, скорее всего, и был урок, который ему и всем им преподали в этой школе. А я, видимо, пропустил занятия.

— Магия никуда не делась, — сказал он. — Она по-прежнему присутствует в нашем мире. Десять лет назад ренегат Анатолий Окунев попытался вернуть всех к первобытному состоянию. Он воспользовался случаем и при большом скоплении колдунов и волшебников, жаждущих Энергии, применил своё умение Негативиста. Пожелал избавить мир от Магии. Но, так как он был крайне неопытным магом, его Умение сработало буквально — люди потеряли способность к накоплению Магической Энергии, но сама Энергия никуда не исчезла. Она и поныне с нами.

Кажется, я стоял с открытым ртом. Бобров смотрел на меня печально, а мальчишка решил меня добить.

— Анатолий Владимирович, вы всего лишь лишили людей возможности накапливать Силу, сделали их магическими импотентами.

В мозгу у меня щёлкнуло, и загорелся свет.

— Где графиня? — спросил я.

И тут в спортзал, пошатываясь, как пьяная, вошла девочка, и я понял, что это вот и есть наверняка та самая Яра.

— Графиня сейчас прибирает к рукам весь имеющийся в мире запас синих кристаллов. И это будет такая виагра, что она нас трахать не устанет, — сказала девочка.

Владимир не понимал, как женщины смогли уговорить его на эту авантюру. Хорошо хоть догадался в качестве компенсации выторговать себе бутылку в день на время всего похода. И чтоб не воспитывали. Дорога туда-обратно должна была занять дней примерно пять, и в целом время он планировал провести, отдыхая душой. Телом отдохнуть не получится, это он хорошо знал. Зона — это всё-таки Зона, дорогие товарищи. Вот и сейчас Ольга снова остановила группу и тщательно обкидывала гайками аномалию, определяя её границы. Аномалия, когда в неё попадали гайки, вспыхивала красивым фиолетовым сиянием.

— Таким темпом мы и за неделю не дойдём, — проворчал Владимир.

— Дойдём, — сказала Ольга. — Дальше места пойдут спокойные. Ни аномалий, ни мутантов. Это все знают, чем ближе к Центру Зоны, тем спокойней. Поэтому туда и не ходят, артефактов там нет, нечего делать.

— Но это же странно, — сказала Наташа. — В самом центре — и ничего нет. И если туда никто не ходил, откуда известно, что там ничего нет?

— Почему никто не ходил? Ходили. Справа обходим. Медленно. За мной.

Они обошли аномалию и снова медленно побрели по растрескавшемуся асфальту древней шоссейки. Ольга впереди, за ней Наташа, Владимир замыкающим. Хорошо, что хоть Марина с нами не попёрлась, снова подумал он. А ведь вначале собиралась. Близнецов хотела в Баре оставить и тоже, ура, вперёд к исполнителю желаний, дура. Владимир в который раз пожалел, что рассказал легенду Зоны жене и невестке. Не ожидал он такой реакции. У них и тени сомнения не возникло, что легенда она легенда и есть.

— Стёпа с Чакрой ходили к центру. Когда карту Зоны составляли. И этот, как его, Лахтадрель ходил, но он малахольный, вечно шарился там, куда нормальные люди не сунутся. Бывает ещё там проходят, когда основные маршруты аномалиями перекрыты. Так что я не говорила «не ходили», я сказала — специально, за хабаром, туда не идут.

— Ну а эти, Чакры, Лахтадрели, что они видели? — продолжала допытываться Наташа.

— Поле.

— И всё?

— Всё. Поле, километр на километр примерно, как на карте и обозначено. С одной стороны — овраг, ручей, с другой — Бумажный лес начинается. Изба ещё старая, там переночевать можно.

Ольга резко остановилась и рванула за рукав куртки Наташу, которая разговаривая, догнала Ольгу и поравнялась с ней.

— Сказано тебе сзади идти?

— Ой! Да.

— Вот так и иди. А то ойкнуть не успеешь.

Четвёртая глава

— Какие брутальненькие, — сказала Лиза, когда из открывшегося портала стали выпрыгивать боевики Тюленичева. Она смотрела как две четвёрки спецназа заняли позицию. Прикрывая друг друга, они расположились полукругом, навели на неё стволы автоматов. В касках с закрытым забралом, в тяжёлых брониках они действительно выглядели очень серьёзно. Вперёд вышел командир.

— Я хочу предупредить, — сказал он. — Мы не из Министерства счастья. Мы находимся вне закона и действуем незаконными методами. Поэтому мы не будем пытаться вас арестовать. Просто пристрелим.

— Стреляйте, — сказала Лиза.

— Не глупите, отдайте то, что вам не принадлежит, и разойдёмся.

— Вам это тоже не принадлежит, — сказала Лиза и повторила: — Стреляйте.

Сидя на мешках с артефактами инспектор забавлялся. Он просто улыбнулся, когда стволы автоматов нападавших скрутились немислимыми спиралями, но когда с боевиков разом спали штаны, не выдержал и засмеялся. Лиза развлекалась. Как умела. Взмахнула рукой, и шлемы спецназовцев украсились живыми цветами, а бронежилеты оказались обмотаны ёлочными гирляндами. Путаясь в штанах и весело мигая огоньками, очумевшие боевики стали отходить. При этом изуродованные автоматы не бросили. Командир, которому досталось больше всего, его Лиза ещё конфетти осыпала, швырнул свето-шумовую гранату. Граната лопнула заварным кремом и уделала с ног до головы самого командира и его отряд. Было непонятно откуда столько крема в такой маленькой железке.

— А теперь уходите, шутки кончились, — сказала Лиза.

Но уходить отряду было некуда, портал закрылся. Пытаясь очиститься от крема, залепившего забрала шлемов, парни топтались на месте. Тогда Лиза передумала.

— Нет. Стойте. Мне же нужна эта, как её? Гвардия! Вы будете моей личной охраной. Отныне вы — мушкетёры графини! — она снова махнула рукой, и многострадальные автоматы в руках у бойцов превратились в винтажные мушкеты. С позолотой и стразиками. Ещё пасс, и перед графиней стоял отряд чистеньких, одетых по форме семнадцатого века мушкетёрчиков.

— К вашим услугам, ваше сиятельство, — сказал командир и галантно помахал шляпой.

— Задачу знаете?

— Охранять! — чётко ответил командир. — Разрешите приступить к несению караульной службы? Враг не дремлет!

— Приступайте.

— Есть!

И новоявленные мушкетёры разбежались обеспечивать безопасность.

— Ты бы лучше, ваше сиятельство, их в отряд грузчиков превратила, — проворчал инспектор, взваливая на спину мешок с кристаллами. — Один я всё это добро не перетащу.

— Никуда таскать не надо, мы остаёмся здесь. Будем восстанавливать Министерство. В прежнем виде. И в прежнем качестве.

— Тогда было бы разумнее гвардию вооружить не допотопными поджигами, а теми же автоматами.

— А это не поджиги. Это у них боевые лазеры, — ответила Лиза. — Я в кино такие

видела.

— Я понимаю, муж всегда узнаёт последним, — сказал я. — Но ты мог мне сказать.

— Я и сам не знал наверняка. Догадывался, — продолжал оправдываться Бобров, а я делал вид, что с интересом разглядываю искорёженный БТР. Броневи́к был сплюснен и разорван в нескольких местах. — Вот Николаич, тот наверняка знал, что Магия существует. Не мог не знать. Но он же никому не говорил.

— Никому не говорил, потому что все догадывались, — сказал я. — Ты ведь Стёпа, тоже догадывался?

— Нет, у меня была другая версия.

— Какая?

— Сейчас это не важно.

— А что важно?

— Вот, — Стёпа показал рукой на БТР.

— Это конечно, — согласился я. — Сдуреть можно какая у Лизы силища, если она смогла так машину изуродовать и на такое расстояние закинуть.

Прихрамывая, я ещё раз обошёл машину, огляделся. Вдалеке виднелся Посёлок. До него было километра полтора. Значит, Лиза играючи, переместила железную громадину на такое расстояние. А сначала ещё и нас переместила. Ведь могла в лепёшку размазать, но вместо этого закинула на болото, несильно, правда, церемонясь, я при приземлении всю задницу отбил. И не успели мы очухаться, следом с неба рядом с нами плюхнулся БТР. Плюхнулся так, что земля задрожала. И плюхался он уже вот в таком раскуроченном виде. Я заметил.

— Меня беспокоит не то, что она легко произвела магическое воздействие такой мощности, — продолжил Стёпа. — Понятно, Силы у неё сейчас очень много, она не экономит. Она просто развлекается. Швырнуть вслед нам изуродованный броневик — это же просто насмешка.

— А что тебя беспокоит? — спросил Бобров.

— Она нас не задержала, не попыталась допросить, мы ей неинтересны. Просто выпнула и посмеялась вслед.

— Ни хрена себе, «просто»! Меня как железным катком долбануло, подбросило и — лечу... Да я чуть не обгадился со страху.

— Но потом достаточно аккуратно приземлился, ничего себе не сломал, да?

— Да.

— Ну вот. Я и говорю, она с нами как с детишками поступила, спасибо в угол не поставила!

— Стёпа, ты хочешь сказать, что Лиза взяла столько Силы, что ничего теперь не боится? — спросил я.

— Ты очень чётко сформулировал. Функционально.

Стёпа словно показывая, что разговор закончен, принялся разгуливать среди болотных кочек, пытаясь набрать сухих веток для костра.

— Ей теперь и нечего бояться, — продолжил я. — У неё вся Сила мира. Её никто не остановит.

И тогда прямо из воздуха в болотную жижу шагнул Тюленичев и сказал мне:

— Ты можешь её остановить. Если захочешь.

Владимиру приснились счастливые люди в подземелье. Их было немного, и они очень боялись потерять своё счастье. Они его прятали за пазуху и, прижав руки к груди, бродили по длинным тёмным затхлым коридорам. Они могли выйти наружу к солнцу и ветру, но там кто-нибудь мог увидеть, что у них есть счастье и попросить поделиться. А делиться им было очень жалко. И кто-нибудь мог позавидовать, даже попытаться отнять, и тогда бы им пришлось бороться за своё счастье, а оно было такое маленькое и у каждого своё. У кого-то грязненькое, у кого-то подленькое, но родное, тёплое, прижатое к самому сердцу. Но сердцу не становилось теплее от спрятанного счастья, и люди, спотыкаясь, всё ходили в темноте и холоде и мраке и не знали, что прямо сразу за толстой бронированной дверью, за которой они спрятались, их ждёт большое светлое счастье. Одно для всех.

А когда он проснулся, в голове вертелось: «Шуйский». Кто такой Шуйский? Царь. Или не царь? Боярин, короче. Что к чему? Владимир потряс головой и полез в рюкзак за бутылкой. Наташа промолчала. Она дежурила у костра вторую половину ночи, не выспалась и клевала носом. Владимир глотнул из горлышка и стал открывать консервы. Он вывалил в котелок и перемешал банку фарша, банку рассольника и банку тушёнки. Поставил на огонь. Наташа наблюдала с лёгким изумлением.

— Водки выпьешь? — спросил он.

— Нет. Это как блюдо называется?

— Никак. Старинный сталкерский рецепт. В одной древней книжке вычитал.

— А книжка как называется? — недоверчиво спросила Наташа.

— «Территория», — не задумываясь ответил Владимир и усмехнулся. — Буди Ольгу.

Владимиру всё меньше нравился этот поход. Он не верил в Исполнитель Желаний, и ему было непонятно, как это в него сразу поверили женщины, да ещё и так загорелись идеей сходить к нему, что в один момент сорвались с места и отправились в путь. Видно, он чего-то не знал про жену и невестку. Он ещё раз, уже основательно, приложился к бутылке и ложкой прямо из котелка стал выхватывать парящие куски тушёнки и пихать в рот. Жир стёк по подбородку, и Владимир рукавом утёрся, негромко рыгнул. Ольга с Наташей терпеливо накладывали себе аппетитно пахнущее варево в пластиковые тарелочки.

— Вы мне скажите всё-таки, чего такого невероятного вам понадобилось? — спросил захмелевший Владимир. — Вот тебе, Наташка, чего в жизни не хватает?

— Детей, — сразу ответила Наташа. Владимир смутился.

— Ну, это конечно, — сказал он. — Только для этого другой способ есть. Или Толик не справляется?

— Справляется. Пошутила я.

— А ты без шуток ответь! Вот представь, дошли мы, вот он — Исполнитель, чего ты пожелаешь?

— Я пока ещё не решила, — задумчиво ответила Наташа. — Или пожелать, чтобы всё как раньше было, или чтобы ничего, что раньше было, не было.

— Не понял, — пьяно замотал головой Владимир.

— Ну и не парься.

— Ну а ты? — не успокаивался Владимир. — Оля, ты чего пожелать решила?

— Чтобы ты, сволочь, пить бросил, — сказала Ольга и заплакала.

— Отбить Яру у Лизы? А как ты это себе представляешь? — спросил я.

— А ты представляешь, что она с ней сделает? — жёстко спросил Тюленичев.

— Не надо было ребёнка к ведьме в зубы посылать! — заорал я. — Не надо было из девочки агента делать!!

— Она не ребёнок, я же тебе говорил. А то, что она стала агентом, мне нравится не больше твоего. Но так сложились обстоятельства. Давно, ещё при старом режиме. Нам нужен был свой человек в Министерстве, а ей удалось втереться в доверие.

— Я представляю, как она втиралась в доверие.

— Я тебе сейчас по морде дам, — предупредил Тюленичев. — Она мне, если хочешь знать, как дочь была. Это я её ребёнком в Зоне нашёл.

Я молчал. Мы стояли возле покалеченного броневика, а Стёпа с Бобровым, рассевшись возле костерка, швыркали чай из помятых кружек. Я представил, что вот так же где-то в Зоне сейчас возле костра пьют чай отец с мамой, Наташа... Хотя чтобы отец пил чай, это вряд ли. Наверняка с чекушкой в обнимку. Господи, они-то куда попёрлись?! Зачем? Как их Марина отпустила? И не нравилось мне, что Тюленичев слишком много знал. Мои, оказывается, сейчас в Зоне — он в курсе, где Яру искать — он снова в курсе, Замок атакован — он уже и там успел побывать. Я его недолюбливал, а с Николаичем они и вовсе враждовали. Но Николаич хотел, чтобы я Яру нашёл, и Тюленичев сейчас того же от меня требует. А мне бы к своим, в Зону, у папы бутылку отнять и этой же бутылкой ему по морде. И Наташке врезал бы от души.

— Я же, если ты помнишь, на службе, вообще-то, — попытался я сменить тему. — Мне же доложить надо про все эти дела. Что в Столице сейчас, кого назначили вместо Николаича?

— Не смейся. В Столице бардак, почти паника. Правительство эвакуируется, Министерства больше не существует. Некому тебе докладывать.

— Тебя послушать, так мне к тебе на жалованье в пору устраиваться, — сказал я, уже не скрывая раздражения.

— Не самый худший для тебя вариант, между прочим, — надменно ответил Тюленичев. — Не пойму я тебя, трусишь что ли? Ты же такой лихой боец был, с Бобровым по всем провинциям ездили, новый порядок устанавливали. Про вас же легенды ходили! Как это у вас называлось — посольская миссия?

— Тогда мы гопоту гоняли, — хмуро ответил я. — С Лизой эти методы не пройдут.

— Так ты вспомни, наконец, что у тебя уникальное Умение когда-то было. Я же тебя Магией накачаю, Лиза это сразу почувствует. Не станет она с тобой связываться, побоится. Она же не забыла твоё выступление, когда ты самого Жреца подмял. А я пока за твоими в Зоне пригляжу, чтобы ничего не случилось.

— Если с ними что-нибудь! — я попытался схватить его за грудки, но он неожиданно проворно отступил и я смешно сгрёб руками воздух.

— Не психуй! Всё честно. Ты мне Яру, я тебе Силу. И с семьёй твоей всё в порядке будет.

И я согласился. Я бы сразу согласился, если бы он сказал, что Силу мне даст. Никому я никогда не признавался, что всё бы отдал, чтобы опять, как когда-то, почувствовать это чудо — переполняющую тебя Магическую Энергию. Десять лет я бился насмерть, чтобы никто никогда этого не мог больше почувствовать. И десять лет мечтал, что когда-нибудь, вдруг, хоть немного, мне...

Разделять мутанта Владимиру ещё не приходилось. Как и не мутанта. Он и рыбу

раньше никогда в жизни не разделявал. А сейчас вот довольно ловко, хоть и с лёгким омерзением, вырезал у плоти большой глаз. Деликатесами, да ещё и в полевых условиях, не разбрасываются.

— А ловко ты его подстрелила, — сказал он Ольге, ещё раз с интересом разглядывая тушку мутанта. Массивную, но на тонких ножках, с головой, упрятанной в туловище.

— А я очень испугалась, когда это чудовище из травы выскочило, — сказала Наташа.

— Чудовищ ты ещё не видела, — усмехнулась Ольга.

— Так, ну я заслужил? — спросил Владимир.

— Выдай ему, — вздохнула Ольга. Наташа скинула рюкзак и достала из-под клапана бутылку, передала Владимиру.

— Далеко ещё? — спросила Наташа.

— Пришли, — равнодушно сказала Ольга. — Вот это и есть центр Зоны.

— Эта поляна? — спросил Владимир отхлёбывая.

— Да. Вон изба. Пойдёмте туда, пообедаем и передохнём.

Они пошли по высокой траве. Наташа озиралась, надеясь увидеть что-нибудь необычное. Владимир неуверенно шагал, держа в одной руке бутылку, в другой наколотый на нож глаз плоти. С глаза капало. Из бутылки расплёскивалось. Он невольно стал притормаживать, но Ольга сразу прикрикнула:

— Не отставать!

Тогда Наташа, вздохнув, на ходу забрала у Владимира бутылку, засунула в карман куртки. Он не возражал. Они подошли к небольшому полуразвалившемуся бревенчатому домику. Ольга, дёрнув ветхую дверцу, заглянула внутрь.

— Знаете что? — сказала она. — Давайте лучше во дворе располагаться. Там как будто трупакон воняет. А здесь вон и кострище готовое есть.

Они скинули рюкзаки, Ольга развела костёр из остатков забора, Владимир из тех же щепок пытался создать шампуры. Получалось не очень. Наташа просто сидела на рюкзаке, отдыхала. Она первая и заметила зомби. Показала пальцем и сказала:

— Ой.

— Не «ой», а Владимир Петрович, — раздражённо прошамкал зомби. Он стоял на крыльце и чесался. — Это мной воняет, — добавил он ехидно.

— Тёзка, значит, — сказал Владимир и потянулся к автомату. А Ольга уже целилась в мертвяка.

— Только не надо в меня стрелять!

— Почему? — спросила Ольга.

— Я хороший. Я не нападаю. Я умный.

— Чем докажешь? — спросил Владимир.

— Субстантивация, — подумав, сказал зомби. Ещё подумал и с выражением добавил: — Трансцендентальность. Пробабилитность.

— Твою ж мать, — восхищённо сказал Владимир. — Выпить хочешь?

— Не откажусь. Но прошу без фамильярности. Я между прочим, министр пропаганды. Хоть и бывший.

Впервые за последние дни у меня была чёткая программа действий, и я понимал, как следует поступать. Возможно, основой уверенности послужила изрядная порция Силы, вкачанная мне Тюленичевым. Но кроме этого я наконец-то получил информацию и смог

хотя бы немного разобраться в происходящем.

— Сначала вернёмся туда, откуда она нас вышвырнула, — сказал я. Парни не возражали. Они уже большие мальчики, им тоже не нравится, когда их в угол ставят.

— Там шороху наведём, потом в столицу двинем, — подтвердил Бобров.

— Давайте определимся, — вставил Стёпа. — Наша цель — навести шороху или спасти девочку Ярославну, которая не девочка, а агент подпольной организации с непонятными для нас пока задачами?

— Чё? — спросил Бобров.

— Чтобы понять, какие задачи у Тюленичева, нам и надо освободить Яру. И навести шороху. Считай, что это разведка боем, — сказал я.

— Ты надеешься, что Яра будет с тобой откровенней, чем Лёня? — с сомнением спросил Стёпа.

— Там увидим, — сказал я.

Ехали мы на броневике. Только двигался он теперь бесшумно, на чистой Магии. Тюленичев доказал, что обладает значительным запасом Энергии, вернув броневик в рабочее состояние. Бывший колдун не стал со мной до конца откровенничать и не рассказал о том, что все эти годы создавал свою организацию. И главное, — свою школу колдунов, где лучшие из бывших по крупице с помощью артефактов накапливали Магию в амулетах. И готовили новое поколение колдунов, которым предстояло... а что им, собственно, предстояло? Об этом у Яры были весьма смутные предположения. Мы успели с ней переговорить до того как Лиза вышибла нас из Посёлка. Только я, в свою очередь, не стал откровенничать с Тюленичевым и не рассказал ему об этом разговоре. А по словам Яры получалось, что новая Организация Желанного Будущего была готова к захвату власти в стране и, видимо, только Николаич со своим упорством мог сдерживать Тюленичева от радикальных действий. А теперь, когда Николаича не стало, Тюленичев и Лиза сцепятся в борьбе за власть. В борьбе за синие кристаллы. В борьбе за мир с Магией. А я не мог этого допустить. Хотя бы в память о Николаиче.

— Движение прямо по курсу, — крикнул Стёпа, сидевший на броне. Бобров остановил машину. Я с биноклем высунулся наружу.

— Что там? — спросил Стёпа.

— Отряд, человек пятнадцать, — ответил я, разглядывая в бинокль баррикаду на въезде в Посёлок. — Вооружены кто чем. Ружья, автоматы.

— Дети? Я с детьми больше воевать не буду, — сказал Бобров.

— Нет, это местные.

— Они-то чего всполошились?

— Сейчас все переполошатся. В Столице паника, ты же сам слышал.

— Поражаюсь я, — воскликнул Бобров. — Радио нет, телефонов нет, а новости молнией разлетаются.

— Ты знаешь что, — прервал я лирическое отступление. — Ты из пулемёта дай короткую очередь. В воздух. И потихоньку поехали.

И мы поехали. А я думал: с чего это Яра мне, человеку которого видела первый раз в жизни, выложила всё и про Организацию, и про себя, и про Лизу, и про школу колдунов, организованную Тюленичевым?

Пятая глава

Бывший министр пропаганды оказался интеллигентнейшим собеседником и прекрасным собутыльником для Владимира. Пьянел он с двух глотков, но беседу поддерживал исправно, а главное — умел слушать. Более того, и сам был прекрасным рассказчиком. Владимир за короткое время узнал многие подробности из жизни Жреца, который вызывал у него интерес как личность, безусловно, патологическая. Не менее познавательны были рассказы зомби о функционировании бывшего Министерства счастья. Новые друзья, хоть и оба пострадали при старом режиме, находили множество положительных аспектов в прежнем государственном устройстве и сходились во мнении, что Жрец, хоть и был приличной сволочью, мало кто из нынешнего руководства мог с ним сравниться масштабом замыслов и организаторскими способностями. Сейчас, расположившись на крыльце избышки, они коснулись международной обстановки.

— Пиндосы, тьфу, — сказал Владимир. — Нам с юга подлянки ждать надо.

— Не соглашусь, — вежливо, но с апломбом ответил зомби. — Подлянки у нас всегда из центра случаются. Этому учит история.

— Из какого ещё центра? Мы же сами в центре! Два дня шли.

— Я не про центр Зоны, — уже раздражаясь, пояснил бывший министр.

— А, так ты про? — и Владимир задрал палец в небо. Зомби кивнул. Владимир усмехнулся.

— Рано или поздно в Столице начнут наводить порядок и тогда многим не поздоровится. Потому что о том, какой это должен быть порядок, у всех слишком разные представления. На этом Жрец и погорел в своё время.

— Тёзка, а ты случаем не либерал? — вкрадчиво спросил Владимир.

— Что ты, что ты, как можно, я же на государственной службе состоял.

Они засмеялись и выпили. Наташа с Ольгой тем временем уже не в первый раз прочёсывали поле центра Зоны, надеясь отыскать хоть что-нибудь указывающее на мифический Исполнитель Желаний. Путаясь ногами в высокой траве, они вышли к Бумажному лесу. Двухмерные деревья шелестели под слабым ветром.

— Не понимаю, как такое возможно, — сказала Наташа. — Почему они не падают, если толщиной как бумажный лист?

— Никто не понимает. Их с ребра топором надо рубить, а спереди и сзади, действительно не прочнее бумажного листа.

— Давай ближе подойдём, я посмотреть хочу.

— Мы же собирались овраг проверить.

— А потом овраг. Нет, овраг завтра. Я почему-то совсем не хочу сегодня идти в овраг, — сказала Наташа.

— Ну, пойдём в лес, — пожалала плечами Ольга.

И они уже подходили к опушке Бумажного леса, когда из оврага вылетела стая слепых псов и атаковала их. Ольга сорвала с плеча автомат и ударила по стае длинной очередью. Псы отпрянули, и это дало возможность Ольге сменить магазин в калаше. Она стала прицельно бить одиночными и быстро подстрелила двух собак. Остальные начали беспорядочно метаться вокруг женщин, не нападая, но постепенно подбираясь ближе для смертельного броска. Наташа растерялась и никак не могла выдернуть пистолет из кобуры.

— Беги к избе, — крикнула Ольга.

— Нет, — сказала Наташа. Она справилась, наконец, с кобурой и передёрнула затворную раму старенького «макарова». В этот момент собаки бросились. Ольга успела завалить ещё двух и в одного пса удачно попала Наташа, но следующий нырнул под ствол, пуля прошла мимо, и он снизу вцепился ей в запястье. Наташа закричала, на неё кинулись сразу несколько собак, повалили. Ольга подскочила, стала бить прикладом, тогда здоровенный пёс атаковал её сзади, вцепился зубами в ворот штормовки.

Наташа, зажмурившись и закрыв голову руками, визжала от боли и ужаса, пока не кончилось дыхание. Вдруг она поняла, что уже никто не пытается порвать её на части. Она открыла глаза и увидела некрупного тиранозавра, который перекусывал хребет последней собаке. Остальные валялись кровавыми тряпками. Ольга трясущимися руками вставила в автомат новый магазин, передёрнула затвор и навела ствол на ящера.

— Не стреляй, — сказала Наташа. — Это же мой дракоша.

Она с трудом встала, зажимая прокушенную руку, подошла к мутанту. Тот заскулил, сунулся к ней страшной мордой. Он приплясывал когтистыми лапами и тряс хвостом. Наташа погладила его по уродливым шипам между глаз и сказала:

— Хороший мой. Какой же ты стал... Вырос. А где твои крылышки?

Мутант заскулил, громоздко повернулся и побрёл в сторону леса. А из высокой травы выскочил Владимир с автоматом наперевес. За ним шустро ковылял зомби, сжимая в каждой высохшей руке по гранате.

— Покажи, — сказала Ольга. Наташа протянула ей руку, а сама, полными слёз глазами, смотрела вслед тиранозавру, который когда-то был очень милым сказочным дракончиком. — Пошли в избу, опять лечить тебя буду.

А Владимир, борясь с одышкой, сказал:

— Всё, завтра уходим. Больше никаких Исполнителей Желаний.

— Ха, — проскрипел зомби. — Так вы Исполнитель ищете? Так чего же сразу не сказали?

Умирать смертью храбрых на баррикаде никто не собирался. После того как Бобров маленько пострелял, мужики попрятались и сидели не высовываясь, пока мы не подъехали вплотную. Да и не ожидал я от них серьёзного сопротивления. Слишком хорошо помнил, из какой швали набирали себе силы самообороны все эти князья Великого княжества Свободного и Центрального независимого княжества. Понты с этих «бойцов» слетали после первой же хорошей плюхи. Драться с ними было весело и не страшно, потому что в самих в них прочно сидел страх перед своими паханами. С теми уже приходилось разбираться по понятиям. А тут главное сразу дать прочувствовать, что понятия их для меня были пустым звуком. Поэтому мы не просто подъехали к баррикаде, собранной из строительного мусора и старых автомобильных покрышек, но и передними колёсами буквально наехали на их укрепление. Наезжать всегда надо буквально.

Я вылез из броневика. Очень хотелось ощутить угрозу, сопротивление, испытать в деле Силу, которая опять бурлила во мне как десять лет назад. Но вместо этого я услышал полный радушия и фальшивого дружелюбия возглас:

— Да это же Толян! Это Окунь, парни, расслабьтесь, я же его знаю.

Навстречу мне вышел пыльный мужичёк со смутно знакомым лицом. Он широко улыбался скверным прикусом и тянул руку издалека. Я пожал. Я его вспомнил, это был

Лахтадрель, бывший неплохой сталкер, а теперь князь Свободный. То, что он не провозгласил себя «великим» князем, говорило о зачатках интеллекта.

— Что это вы, в войнушку играете? — спросил я, всем видом показывая, что мне это и не интересно вовсе.

— Не до игр, — сразу став серьёзным, ответил князь. — Сначала зомби атаковали. Но они какие-то квёлые были, мы их быстро перебили. А после детишки из лизкиной школы маршем прошли. Вооружённые все, злые. Чего дальше ждать — не знаем.

— Куда дети шли?

— На Столицу.

— Странного ничего не заметил?

— А как же. Они пленных вели. Мужика пожилого и девчонку. Ну, дело не наше, связываться не стали.

— А если бы они их на площади вешать стали, вы бы тоже сказали «не наше дело».

— Ещё чего? Площадь — территория княжества, там мы вешаем, они пускай к себе в графство идут и там хоть на кол сажают. Порядок должен быть. Во всём.

Я услышал, как заржал Бобров. А мне, собственно, возразить было нечего. Он прав порядок должен быть. Мы же сами этого добивались, когда с инспекциями своими к ним приезжали.

— Мой тебе совет, собирай людей и перебирайтесь в Зону. Это единственное место, где можно будет временно от порядка спрятаться. От нового порядка графини Оторвановской, — сказал я.

— Ага. Значит, продал ей всё-таки вор те кристаллы?

— Они у неё, — не стал я уточнять. — А ты откуда знаешь про продажу.

— А как же? Через меня о встрече договаривались.

— Вот и договорились.

— Спасибо тебе за предупреждение, но я с графиней не ссорился. Авось пронесёт. Место хорошее, жалко бросать. У нас здесь под боком складик продовольственный, года на два ещё жратвы хватит.

— Дело твоё, — сказал я и полез в БТР. Что я, в самом деле? Мне Лахтадрель не сват, не брат, пусть сидят и склад свой караулят. Ведь что, в принципе, человеку надо? Банку тушёнки, пачку печенья. Больше, такому как он, для счастья ничего не требуется. В поле свёкла растёт, самогонки наварят. Лафа.

— Слышь, Окунь! — окликнул меня Лахтадрель. — Я вора давно знаю. Он не станет все яйца в одной корзине хранить. Где-то есть у него ещё тайничок.

— Поищем, — равнодушно сказал я. Такая мысль и мне приходила в голову.

— Как найдёшь, не забудь, кто наводку дал! — он говорил нагло и одновременно заискивающе. Ухмылялся, а глаза трусливо бегали. Мне стало противно.

— Я про тебя не забуду, — пообещал я, поправляя автомат. — Никогда.

— Счастье можно рассматривать как бытийствующее сущее, приводящее всё в движение относительно себя, и частная воля оказывается здесь этим сущим. В другом случае счастье является свободным состоянием воли, а не Богом. Таким образом, фактичность личностного стремления к благу, актуализирует проблему не только существования личной воли, а также существования самого счастья[1], — зомби прервал чтение и требовательно обвёл взглядом очумевших зрителей. Они сидели на крошечном чердаке избушки вокруг

оружейного ящика, в котором зомби хранил свой научный труд. Сидели, тесно прижавшись друг к другу плечами, и слушали. Чтение трактата продолжалось второй час.

— Ты хочешь сказать, что исполнение заветного желания не всегда может сделать человека счастливым? — спросила Наташа.

— Это даже крыслану понятно, — разозлился зомби. — Дело не в ваших желаниях, а в том, что личный нравственный закон, являющийся принципом счастья, оказывается довлеющим над любыми сколь угодно достоверными формально-содержательными знаниями.

— Так бы сразу и говорил, — сказал Владимир. — Теперь всё?

— Нет, теперь самое интересное, — зомби снова уткнулся носом в свой манускрипт и продолжил чтение. — Можно ли определить эмпирические случаи счастья как вечное метафизическое счастье и сказать наверняка, что тот или другой случай блаженства имеет сверхчувственную природу?

Слух у зомби был скверный, и Владимир позволил себе тихонечко застонать. Ольга, которая сидела рядом с философом, незаметно показала мужу кулак. Владимир закатил глаза и пожал плечами. Для него откровения зомби казались набором банальностей, но женщины, как ни странно, слушали с неподдельным интересом. Девчонкам всегда интересно про счастье и про любовь, подумал Владимир. Ему было скучно. Он про счастье знал всё. Он слишком долго был Праведником. Но приходилось слушать. Зомби пообещал указать путь к Исполнителю Желаний лишь после того, как они приобщатся к плодам его многолетних размышлений. О смысле. Владимир тихонечко приложился к фляге.

— Авторитет науки или высоких образцов морали, искусства остаются важными ориентирами для нравственности, законов личной свободы, — продолжал бубнить зомби.

По неопытности мальчишки стянули верёвки слишком туго, и Яра совсем не чувствовала рук. Поэтому, когда напали мутанты, ей понадобилось время, чтобы сначала простеньким заклинанием сбросить путы, а после ещё и восстановить кровообращение. За эти пару минут зверьё разогнало отряд юных волшебников по железнодорожной насыпи, вдоль которой проходил отряд. Ребята пытались отстреливаться, но получалось у них это плохо. Девочки побросали стволы и с визгом убежали от слепых псов и крысланов, а парни кто как пытались их прикрыть. Всем повезло, что нападали мутанты вяло, были они как будто полусонные, плохо ориентировались.

— Развяжи! — крикнул вор, поворачиваясь к Яре спиной.

Она хлестнула по верёвкам ребром ладони, и они разлетелись как от удара отточенной сталью. Вор подхватил валявшийся на земле пистолет, открыл огонь. На него сразу кинулся здоровенный кровосос. Вор успел выстрелить один раз, и в обойме закончились патроны. Яра в прыжке загородила его, схватила кровососа за щупальца, свисавшие у того с морды, рванула, ломая шейные позвонки. Кровосос повалился, подминая под собой слепого пса готового к прыжку. А Яра понеслась вдоль насыпи, калеча мутантов. От пинков маленьких ножек звери отлетали на несколько метров и с визгом разбегались. А когда вор увидел, что Яра ухватила за хвост крыслана и стала им долбить замешкавшихся псов, он понял, что помощь ей как-то и не нужна. Он засунул пистолет в карман и огляделся.

Помощь была нужна волшебникам. Многие подростки сильно пострадали. Искусаны, порваны когтями, они были испуганы и растеряны.

— Все хоть живы? — спросил вор у паренька, который стянул с себя майку и пытался

остановить кровь у девочки-волшебницы. Нога у неё ниже колена была залита кровью, прокушена, она громко стонала.

— Кажись, да... — слегка заикаясь, ответил Антон. — Блин, как кровь унять?!

— Дай-ка, — вор отодвинул Антона и, вытянув у себя поясной ремень, стал накладывать жгут. Девочка застонала ещё громче, но при этом старательно придерживала короткую юбочку, которая всё норовила задраться.

Яра, тяжело дыша, раскрутила за хвост полудохлого крыслана и запустила его вслед последнему улепётывающему мутанту.

— Спасибо, Лёня, — сказала она.

— Шамана благодари, — раздался голос Тюленичева. — Это он тебе своё Умение транслировал.

— И ему спасибо. А теперь пускай мне кто-нибудь транслирует Умение лекаря. Здесь много пострадавших. Полсотни ребятишек. Рвано-резанные раны.

— А у меня запасы Силы не безграничны, — недовольно сказал Тюленичев. — С чего это я лизкиным выкормышам помогать должен, Энергию на них тратить?

— Значит так. Если ты, старый дурак, не поможешь детям, — с ненавистью прошептала Яра, — я на тебя больше не работаю. Можешь тогда считать, что я уволилась. Явочным порядком.

— Ладно, не кипятись! Просто если бы кое-кто не провалил задание и кристаллы были у меня...

— Тюленичев, не зли меня!!

— Ладно-ладно, сейчас тебе помогут. И осторожнее там. Мутанты по всей Зоне активизировались.

— Почему?

— Я откуда знаю? Вот ты дойди до графини и выясни. И ещё. Там тебя Окунь спасать будет. Ты ему подыграй, он тебе пригодится.

Лиза работала на износ. Часами она вертелась перед зеркалом, решая задачу: как сделать себя совершенно невероятной красавицей, оставаясь при этом узнаваемой. Отдыхая от проблем эстетики, она забавлялась, дотягиваясь Силой до самых дальних окраин провинции, устраивая небольшие штормы, ураганы или засухи. С удовольствием убедилась, что ей подчиняются мутанты Зоны, но не умела пока толком их направлять. Попыталась Магией привести в порядок здание Министерства, но понадобилось пространственное воображение, и она предпочла согнать для ремонта бригады сезонных рабочих. Удивилась, что их надо иногда кормить, и поручила надзор за стройкой инспектору. Его она тоже подремонтировала, а то уж совсем старик разваливался. Теперь помолодевший инспектор носился по этажам, командуя рабочими и постоянно натыкаясь на мушкетёров графини. Мушкетёры получились немного заторможенные, но исправно палили из лазеров по мутировавшим крысам, которых за годы запустения развелось в здании огромное количество. Поэтому когда инспектор доложил, что прибыли курсанты школы волшебников в полном составе, она немного удивилась. Она как-то про них забыла. Ей стало стыдно. Жрец бы не одобрил её поведение.

— А почему в таком виде? — недовольно спросила Лиза.

Вид у ребят, и правда, был сильно потрёпанный. Но в захламлённом фойе Министерства, куда ремонт ещё не добрался, они выглядели вполне органично. Инеродно

смотрелась сама графиня, как будто сошедшая со страниц глянцевого журнала.

— На нас напали, — виновато пояснил Антон. Он поражённо разглядывал графиню. С новой внешностью, помолодевшая, в облегающем джемпере с глубоким вырезом и не менее облегающих джинсах, в ботфортах на шпильках и с игломётом на бедре она выглядела очень эффектно.

— Какая вы красивая! — не сдержался Антон.

— Кто напал, где, в каком количестве? Докладывай яснее, — уже мягче уточнила Лиза, улыбаясь.

— Мутанты напали, — сказала Яра, выходя вперёд. — Какая-то сволочь их из Зоны выманила и без присмотра оставила. Вот они и гуляют, детьми закусывают.

— Почему эта тварь не связана?! — заорала Лиза. — Ей не нельзя руки свободными оставлять, я же предупреждала!

— Она спасла нас, разогнала зверьё, потом всех подлечила, — оправдывался Антон, а Яра поставила перед собой защитное поле. — Мужик, который с ней был, сбежал, а она сама с нами дальше пошла.

— А ты почему не сбежала? — спросила Лиза. — Дурочка, на что ты надеешься?

— На будущее, — ответила Яра.

— В моём будущем тебя не будет.

— Проверим?

Лиза усмехнулась. Она ударила Силой, и вокруг Яры за клубился туман, на замусоренный пол выпал иней, в просторном холле стало холодно. Яра сопротивлялась. Это не было поединком магов. Просто Лиза и Тюленичев мерялись силой. Выясняли у кого больше Энергии, кто первый сдастся. Очень скоро стало понятно, что Силы больше у Лизы. Тюленичев перестал подпитывать Яру энергией, и она не смогла держать защиту. Поле вокруг неё исчезло, она застыла, превратилась в ледяное изваяние. Лиза захохотала.

— Дождитесь, когда отгадет, и свяжите, — распорядилась она. — А потом бросьте в карцер.

— Но у нас нет карцера, — сказал инспектор.

— Плохо, — сказала Лиза. — Карцер должен быть. А засуньте-ка вы её в сейф, в котором кристаллы хранились. Там стеночки с изоляцией, это то, что надо.

— Не надо, — сказал Окунь, входя со Стёпой и Бобровым фойе Министерства. — Не надо никого засовывать в сейф. Это же как-то не культурно.

[1] Здесь и далее зомби, рассуждая о счастье, цитирует автореферат Олега Римма.

Шестая глава

Нервы у Лизы не выдержали, и она начала палить в меня из игломёта. И плохо бы мне пришлось, если бы Бобров загодя не заставил меня напялить броник. Умение моё на Лизу не подействовало. Совсем. Я, как в былые времена, попытался захотеть наоборот, просто чтобы она в меня не попала. Чего уж проще? Но ничего не вышло. Очередь из игломёта чиркнула по бронежилету. Я отступил и, уже не надеясь на Умение, сработал на сокращение расстояния. Как в рукопашной схватке. Но Лиза пришла в себя, оправилась от растерянности, я уткнулся в защитное поле. Потом Лиза ударила, и меня отбросило к противоположной стене, впечатало затылком в штукатурку. В глазах поплыло, надо было и шлем надеть, глупо подумал я.

Бобров вскинул ручной пулемёт, но огонь пока не открывал. Стёпа потихоньку оттеснял подальше от места схватки перепуганных волшебников. Они почему-то были в бинтах, форма разорвана. Где-то досталось ребятишкам. А потом по мне долбанул из лазера какой-то придурок в костюме мушкетёра. Это уже были не шутки. Заряд выжег дыру в кевларе, сильно опалил кожу. Больно было! А в меня тем временем целились из старинных ружей ещё двое ряженных. Вот по ним моё Умение сработало вполне качественно. Они развернули стволы и выпалили в Лизу. Заряды плазмы расплескались по защитному полю. Она нахмурилась, и вокруг меня образовался полупрозрачный изолирующий кокон. Такую штуку со мной уже проделывал когда-то старый колдун. Магии во мне было ещё изрядно, но я не мог ей воспользоваться. И некому было, как когда-то, кинуть мне синий кристалл. Но со мной были друзья!

Бобров со Стёпой переглянулись и рванули с места схватки с такой резвостью, что столкнулись в дверях. Стёпа по комплекции сильно уступал Боброву и сдавленно ойкнул, когда впечатался в дверной проём. Однако, не мешкая, на полусогнутых бросился вон.

— Толик, я же дала тебе понять, что не хочу больше с тобой видеться, — сказала Лиза. — Зачем ты пришёл?

— За ней, — честно ответил я и посмотрел на Яру. Выглядела она скверно.

— Она предала меня и будет наказана.

— А я?

— Ты? Не знаю. Зла на тебя я не держу, хоть ты по глупости и малолетству помешал великому человеку в осуществлении его планов. Но я продолжу его дело. Мне нужны люди. Хочешь, назначу тебя министром обороны в новое правительство?

— Лиза, зачем тебе правительство? Ты же установишь диктатуру.

— Я установлю счастье на Земле.

— Ты была счастлива, когда один толстый дядька из тебя кровь пил?

И тогда она меня так скрутила, что опять в глазах потемнело.

— Далеко собрались? — заботливо спросил зомби. Владимир разозлился.

— Слушай, ты же обещал, что покажешь дорогу к Исполнителю Желаний после того, как мы твою лекцию прослушаем.

— Да.

— Мы прослушали?

— Да.

— Ну вот, мы собираемся и идём. И ты нам показываешь. И никаких дополнительных условий!

— Чего разорался? Я обещал, я покажу. Спросить уже нельзя. Я же уточняю просто — вы к Исполнителю Желаний в поход готовитесь?

— Да, — с трудом сдерживая себя, ответил Владимир.

— Ну-ну, — сказал зомби. — Не буду мешать.

И он действительно вышел из домика, чтобы не путаться под ногами. Ольга ещё раз пересчитала оставшиеся банки консервов. Владимир заканчивал чистить автомат, а Наташа раскладывала по рюкзакам просушенные на солнце спальные.

— На пару дней хавчика осталось, — озабоченно сказала Ольга. — Надо будет подстрелить кабанчика по дороге.

— Я ничего здесь подстреленное есть не буду! — заявила Наташа.

— Что так, — удивилась Ольга.

— Мой дракоша в ящера превратился, вы сами видели. А кем вчера был кабанчик, которого ты подстрелить собираешься, мы не знаем.

— Глупости не говори! — рассердилась Ольга.

— Водка осталась? — спросил Владимир.

— Нет.

— Пора заканчивать экспедицию, — глубокомысленно произнёс Владимир защёлкивая ствольную коробку.

Они надели рюкзаки, разобрали оружие.

— Присядем, — сказала Ольга. Не снимая поклажи, они сели на колченогие табуреты, образцы плотницкого мастерства бывшего министра культуры. Владимир забавлялся, разглядывая задумчивые лица женщин. Он хорошо представлял, какая каша у них сейчас в головах, после лекции зомби о счастье, желании и высшей цели. Поймут или нет, думал Владимир. Не дуры же, должны догадаться, что ничего нельзя у этого долбанного Исполнителя просить...

— Пошли, — сказал он. Они вышли во двор.

— Ты нам на карте сможешь показать? — спросила Ольга у зомби.

— Зачем на карте? — удивился мертвяк. — Я вам пальцем покажу. Идите сюда.

Он зашёл в избушку. Ничего не понимая, удивлённо переглядываясь, они вернулись. А зомби уже отодвинул дощатый стол и откинул крышку подпола.

— Здесь, — сказал он, тыча пальцем в темноту погреба.

Лёня обвёл меня вокруг пальца, это было понятно. Ведь если бы он действительно накачал меня Силой достаточной для противостояния с Лизой, зачем бы понадобилась промежуточная операция по освобождению Яры? Иди Толик, сразу вой с графиней! Но, так или иначе, я сделал то, чего от меня добивался сначала Николаич, а потом Тюленичев. Я вышел на контакт с Ярой, таинственным и вездесущим агентом Организации.

— Ты как? — спросил я у неё.

— Лучше, — ответила Яра.

Выглядела она ужасно. Кровь изо рта уже не текла, но дышала она по-прежнему со скрежетом, как будто в лёгких было битое стекло. Судороги продолжались, но уже не такие сильные, как поначалу, когда она только начала оттаивать. Тогда её буквально ломало пополам. Я такое видел в детстве в старом фильме, не помню названия, что-то про пляж.

Скрючившись в тесноте сейфа, я, как умел, делал ей массаж, чтобы облегчить мучения. Странно, что в сейфе горела лампочка.

— Ты говорить уже можешь?

— Да.

— Тогда скажи мне, что в тебе такого, что я за тобой сначала гонялся по поручению своего шефа, а потом по настоятельной просьбе твоего?

— Всё очень просто. У меня редкое Умение. Я Транслятор.

— И что ты транслируешь?

— Не я. Мне. Мне можно передать любое Умение, я его воспринимаю на расстоянии и усиливаю.

— Тогда ты не только транслятор, но ещё и трансформатор, — сказал я. Она хрипло рассмеялась.

Это, и правда, было смешно. Неужели в мире действительно нет ничего нового и всё повторяется? Тюленичев говорил, что нашёл её ребёнком в Зоне. Наверняка она ищет своих родителей, а Лёня, намекая, что ему о них что-нибудь известно, держит на поводке ценного агента.

Дверь сейфа со скрипом отворилась, и к нам всунулась довольная рожа Боброва. Я уже ничему не удивлялся.

— Идти сможете?

— Она — нет.

— Значит, понесём.

— Кулаки не отбил? — ехидно спросил зомби. Он заперся на чердаке и мог там отсиживаться до бесконечности. — Балбес ты, Володя. Я же боли не чувствую.

Владимир устал. Бить зомби ему было не интересно и даже противно. После каждого удара из того сыпалась какая-то труха и запах мертвечины усиливался. Потел он, сволочь, что ли? Но разозлился на тётку он сильно.

— Володя, открой. Открой, Володенька! — и Владимир снова с силой задёргал дверцу чердака.

— Голода и жажды я, кстати, тоже не испытываю. Так что посижу здесь, пока ты не утомнишься. Обещаю, что как только к тебе вернётся способность к адекватному восприятию действительности, мы поговорим.

— Философ хренов.

А Ольга с Наташей в подполе всё разглядывали здоровенный люк, торчащий из земли. Казалось, что под домиком закопана железнодорожная цистерна. Или танк. Или подводная лодка.

— Нет ни замка, ни засова. Как он открывается? — спросила Наташа.

— Не менее интересно, как он закрывается, — пробормотала Ольга.

В подпол спустился Владимир.

— Сейчас передохну немного и дверь на чердак вышибу, — сказал он.

— Слушай, оставь его в покое. Понятно же, что он не знает, как это открыть, — сказала Наташа.

— Всё он знает. Просто говорить не хочет. У него, наверное, ещё одна книга написана, и он нам её читать собирается.

— Володя, ты можешь себе представить человека, вернее зомби, который бы знал, как

пройти к Исполнителю Желаний, но продолжал бы существование в облики мертвяка?

— Это да, это я не подумал.

— Просто ты до сих пор не веришь, что Исполнитель существует.

Владимир промолчал, принялся с преувеличенным вниманием осматривать люк.

— Смотрите, — сказал он. — Здесь отпечаток ладони. Маленькой. Как будто кислотой выжжено.

— Мы видели, — сказала Наташа. — Я вот думаю, а если руку приложить?

— Ну, приложи, — сказала Ольга. Наташа приложила и ничего не произошло.

— А если постучать? — спросила Наташа.

— Ну, постучи, — пожала плечами Ольга.

Наташа легонечко, костяшками пальцев несколько раз стукнула по люку. Звук в толстом металле отозвался слабый, но снизу сразу ответили:

— Кто там? — голос был женский и радостно-возбуждённый. Наташа с Владимиром изумлённо переглянулись, а Ольга не растерялась и сказала:

— Мы хотели бы войти.

— А мы хотели бы выйти! — крикнула женщина за люком и радостно засмеялась.

— А кто вы? — спросил Владимир.

— Кто, кто... мутанты в пальто!

Она гнала БТР с мастерством профессионального пилота. Мне было не интересно транслирует ли ей сейчас кто-то это Умение или она всегда умела так лихо управляться с бронетехникой. Главное, что мы очень быстро удалялись от Лизы и приближались к Тюленичеву, а к нему у меня было очень много вопросов.

— Мы далеко драпать не стали, — рассказывал Костян, бултыхая головой в такт прыжкам БТРа. — За углом встали. Я уже дальше разогнался, но мне Стёпа говорит — погоди, если графиня захочет, она нас из-под земли достанет. А если забудет, давай поглядим, что дальше. Ну, мы из-за угла и подглядывали, как она тебя узлом связала и ты такой весь перекрученный сам куда-то пошагал. А следом Яру поволокли. А ты значит, ничего не помнишь?

— Нет. Шлем сними.

— Что? А, да, спасибо, — и Бобров снял шлем, который тоже бултыхался. В такт. — Дождались, значит, темноты. Смотрим, мушкетёры караулом идут. А разводящим у них знаешь кто? Серёга. Ах, ты думаю, архитектор, мастер бесконтактной кладки! Ну, вырубили мы четверых. Несложно оказалось. Серёгу скрутили, спрашиваю у него — узнаёшь, паскуда? А он глазами только лупает. Я ему в челюсть. Узнал сразу. Как будто проснулся. Заматерился. Хотел идти и сразу графиню пристрелить. С трудом отговорили.

— А чего отговорили?

— Рассудили, что важней тебя выручить. Ты против?

— Нет-нет, продолжай.

— Дальше просто всё — код от замка Серёга знал, от него не прятались.

— Почему он остался?

— Мы с собой звали, но он сказал, что парней не бросит. Я считаю, он правильно остался. Если Лиза не прочухает, что он в себя пришёл, у нас свой Штирлиц у графини в резиденции имеется. А теперь давайте перекусим, что ли.

Стёпа сунул ему плитку шоколада.

— Соевый, — недовольно сказал Бобров и зашелестел оберткой.

— Жри что дают, — усмехнулся Стёпа.

— Яра, — крикнул я. — Ты знаешь куда ехать? Где база Организации?

— В Зоне, конечно, где же ещё... Должна быть недалеко от центра.

Ну, разумеется. Центр Зоны. Исполнитель Желаний. Всё то же унылое говно. Яра гнала и гнала машину, а я никак не мог понять, что для неё важнее — оказаться подальше от Лизы или побыстрее добраться до Лёни?

Лиза, между тем, устанавливала новый порядок.

— С сегодняшнего дня никаких хиханек. Вы должны вести себя спокойно, с достоинством. Поменьше возни, вы уже не дети. Меньше эмоций! Я была поражена, когда увидела, что Олеся плакала во время перевязки. Какое-то прокушенное колено, а она распустила нюни, как маленькая. А ещё собирается быть волшебницей!

Олеся задрожала губами, и Антон, стоявший рядом, успокаивающе взял её за руку. Отряд волшебников был построен в бывшей лаборатории, превращённой теперь в подобие актового зала. Подростки стояли навтыжку, серьёзные, готовые к бою. Во имя. Портрет Жреца возвышался и главенствовал.

— Приведите форму в порядок, — продолжала Лиза. — Вы должны прилично выглядеть. Мы возобновляем славную традицию Министерства — боевое патрулирование. Будем возвращать Столицу в нормальное состояние. Я дам вам достаточно Силы, чтобы поддерживать в городе покой и порядок. Главное покой! Никто из граждан не должен проявлять беспокойства и уж тем более, недовольства. И вы будете за этим следить.

— Ваше сиятельство, ваше сиятельство! Я нашёл его! — инспектор сиял. Он выполнил ответственное поручение.

— Кого? — недовольно спросила Лиза.

— Как? Ну, этого. Вы же сами распорядились. Министра пропаганды. Бывшего.

— Разойтись! — приказала Лиза. И зашипела на инспектора: — Ты что при всех орёшь?

— Виноват.

— Виноват, — согласилась Лиза. — Будешь наказан. Сегодня ночевать ко мне не приходи.

— Ну, ваше сиятельство, — заныл инспектор, но Лиза прикрикнула:

— Молчать! Докладывай.

— По свидетельству бывшего сталкера Лахтадреля, бывший министр пропаганды много лет живёт в Зоне, — инспектор обиделся и докладывал подчёркнуто официально. — В виде зомби существует. Как завещал великий Жрец.

— Лахтадрель? Это, типа, князь Свободный?

— Он.

— Это очень удачно. Он сталкер, Зону знает. Найми его. Пускай со своими людьми сходит за зомби. Пускай приведут его ко мне. Живого.

— То есть как? Он же уже мёртвый.

— Не важно. Пусть приведут. Пообещай хорошо заплатить.

Сергей, бывший командир диверсионной команды Организации Желанного Будущего, а теперь капитан мушкетёров, тоже решил, что это очень удачно. До этого он, охраняя, на почтительном расстоянии следовал за графиней. Теперь же приблизился, галантно поклонился и заговорил.

— Ваше сиятельство, дело важное, можно ли доверять каким-то сталкерам? Позвольте использовать их в качестве проводников, а конвоирование осуществить мне с лучшими из мушкетёров.

— Молодец, — похвалила Лиза. — Осуществляй.

И подумала, а откуда ему известно, что это дело важное?

— Заперто для таких как вы, а не для таких как я, — сказал зомби. — Я могу открыть. Но, вы уверены, что вам это надо?

— Не доводи меня опять, — сказал Владимир.

Зомби усмехнулся ввалившимися губами и прошёл к люку. Обхватил его и легко начал вращать, приговаривая:

— Я же мёртвый, и железо мёртвое. А мертвяк мертвяка видит на молекулярном уровне. Я бы сказал, на уровне кристаллической решётки. Готово!

Массивная крышка люка неожиданно легко отскочила.

— Идите, — сказал зомби. — И будьте счастливы.

— А вы туда спускались? — спросила Наташа.

— Умная девочка, — похвалил зомби. — Да, спускался. Но не спрашивай у меня, что там. Там у каждого своё.

— Но вы стали счастливы?

— Да. Я теперь абсолютно счастлив.

Ольга и Наташа с недоверием смотрели на бывшего министра. А Владимир решительно отодвинул зомби от люка и шагнул вниз.

Осторожно спускаясь по хлипким ступенькам, он погружался в ровный тёплый свет, наплывающий из глубины подвала. Ступив на земляной пол, Владимир прикрыл глаза рукой, но предосторожность была излишней, свет не слепил, а согревал и звал к себе.

— Так и будешь на пороге стоять? — спросили у него.

Он шагнул вперёд, на блестящий линолеум. Ему поднесли запотевший стаканчик, блюдце с квашеной капустой и маленькими огурчиками. Ему улыбались и приветливо махали. Ему были рады.

— Мужик, давай к нам, — сказали за ближайшим столиком. — Сейчас горячее принесут.

— Мужчина, вы нам шампанское не откроете? — спросили за столиком напротив.

Ансамбль на эстраде негромко исполнял что-то из прежней хорошей жизни. Что-то знакомое, но уже забытое, и пары обнявшись, покачивались в такт щемящей мелодии. Пахло цветами и морем. И тайгой. И степью, после короткого летнего дождя. Звенела посуда, а радостный женский голос всё повторял:

— Бесплатный тур по островам, представляете? Для всей семьи, представляете?

За длинным столом в центре зала чествовали юбиляра. Он сидел в окружении учеников и благосклонно кивал, слушая мужчину перечислявшего заслуги, регалии и достижения. Владимир, хрустя огурчиком, прошёл к столу. Жрец кивнул ему как старому другу, указал на свободное место возле себя. Инспектор закончил тост, и все вскочили, и грянули «ура», и чокнулись, и было радостно и всё имело смысл. Как раньше.

Владимир присел, а Жрец уже тасовал колоду, уже сдавал карты:

— В подкидного? А, давай, — легко согласился Владимир. — На щелбаны?

Жрец кивнул, да, дескать, на щелбаны, не на деньги же, кому они нужны, не в них

счастье... Тут хлопнула пробка от шампанского, Владимир вздрогнул, и морок исчез. Он стоял в сыром просторном подземелье. На полу в небрежных позах лежали измождённые люди. Они улыбались. Ещё пол был завален синими кристаллами. На лестнице стояли Ольга и Наташа. Сверху, из люка головой вниз свешивался зомби.

— Володя, что ты видел? — спросила Ольга.

— Глюк умиротворённой совести, — пробормотал Владимир.

— Эрзац, фикция, мираж, — процитировал зомби, подтверждая. И захлопнул крышку люка.

Я настоял, чтобы по пути мы заехали в Кузедеевку. Магия магией, но БТРу требовалась хотя бы масло залить. Бобров меня поддержал, так как Кузедеевские шашлыки из кабанятины славились на всю округу.

Пока парни договаривались в мастерских, мы с Ярой прошли по торговым рядам. Видно было, что она ошалела от ярмарочной толчеи.

— Никогда не была в Кузедеевке? — спросил я.

— Я вообще мало где была, — ответила шпионка. — Зато много чего видела.

Она вела себя как обычная девчонка. Потребовала мятных леденцов на палочке, долго примеряла бусы из драконьей чешуи. Торговец заломил за бижутерию непомерную цену. Денег у меня не было, я менял на патроны. Патроны брали охотней денег. Но патронов у меня было мало, и бусы мы не купили. Потом она надолго застряла возле кузнеца, отливающего из бронзы осадные мортиры. Я хотел поинтересоваться, кто это заказал ему осадные мортиры, но вовремя вспомнил, что как бы уже не на службе. Короткого пребывания в Столице было достаточно, чтобы понять справедливость утверждений Тюленичева о полном развале госаппарата.

— Сколько усилий для того, что при помощи Магии можно сделать не напрягаясь, — сказала Яра, насмотревшись на потного кузнеца и его загнанных подмастерьев.

— Ты тоже считаешь мой поступок неверным? — спросил я. — Думаешь, что с Магией мир был бы лучше. А ты не забыла, откуда волшебники Энергию брали?

— Не забыла. Но и ты не забывай, я без Магии не смогу вернуть себе настоящий возраст. Не бегать же мне всю жизнь ребёнком? Я нормальной быть хочу. Представь себя теперешнего в теле подростка и всё поймёшь.

— Значит, Лёня тебя убедил помогать ему в обмен на...

— Нет, — она засмеялась. — Убеждать ему особенно не пришлось, я же тогда действительно была ребёнком, делала, что велели. Это позже я стала задавать вопросы.

— У меня тоже вопрос, — сказал вор. — Где моё золото?

Как он появился — мы не заметили. Просто возник среди рыночной толчеи. Вокруг нас троих сразу образовалось пространство, буферная зона, в которую не совались посторонние. Нас старательно не замечали и тщательно обходили.

— Я с собой не ношу, — насмешливо ответила Яра. — Боюсь, украдут, дядя Гена.

— Плохая шутка. Ты мне должна. Напоминаю.

— Не я. Тюленичев. С него и получи.

— Какие проблемы? — влез я в чужой разговор. — Мы едем к Лёне. Давай с нами.

— Чтоб я к этому волчаре в зубы полез?

— К графине же полез, — сказала Яра, продолжая ухмыляться.

— Это да, это я сгруппировал, — вор скрипнул зубами. — Но вас я заставлю заплатить.

Я потянулся к автомату, но меня сзади крепко взяли за локти, а в затылок ткнулся холодный и твёрдый предмет. Я решил не оглядываться. А вот Яра ни черта не боялась. Она видела, что меня прихватили, но, не обращая на это внимания, схватила вора за руку и стала кружить вокруг него, резвясь.

— Дядя Гена съел полено! — кричала она и хохотала. — Лысый Гена как колено!

Вор сначала оторопел, но потом включился в игру, подхватил Яру под мышки, поднял, закружил и, улыбаясь, прошипел в лицо:

— Папу с мамой хочешь увидеть? — Яра сразу перестала хохотать, выронила леденец. Вор поставил её, погладил по головке. — Хорошая девочка.

— Что тебе известно о моих родителях? — спросила Яра.

— Заплатишь — узнаешь, — сказал вор и быстро нырнул в толпу. Меня отпустили в тот же миг. Яра рванулась, но дорогу ей преградил торговец бусами.

— Ты деточка этого дядю знаешь? — спросил он.

— Это мой любимый родственник, — зло сказала Яра, выискивая взглядом в толпе.

— Возьми бусики, — сказал торгаш.

Седьмая глава

— Сколько мы без еды и воды продержимся? — спросила Наташа. — Два-три дня?

— Судя по этим людям гораздо дольше, — ответил Владимир. Он внимательно осмотрел одно из тел, валявшихся на полу подвала, пощупал пульс на шее, оттянув веко, заглянул в зрачок. Тело недовольно замычало и посильнее прижало к груди крупный синий кристалл. — Они здесь явно давно находятся. Выглядят не очень, но все живы и относительно здоровы. Температура, по крайней мере, нормальная.

— Это кристаллы, — сказала Ольга. — Они их поддерживают.

— Значит и нас поддержат, — сказала Наташа.

— И сделают наркоманами. Мне такого счастья не надо. Оно у меня уже было. Такое.

Ольга отошла в угол, прикрыла глаза. Она дрожала. Владимир подошёл к ней, обнял за плечи.

— Зачем он запер нас? — спросила Ольга.

— Не знаю. Может, свихнулся окончательно. А может, хочет, чтобы мы поняли, какая опасная это штука — счастье.

— Причём здесь счастье?! — закричала Ольга. — Мы Исполнитель Желаний искали!

— Ольга, но он же нам для этого и читал свой трактат, чтоб мы поняли — главное желание у всех одно, это желание счастья, — сказала Наташа. Она тоже подошла к Ольге, взяла за руку, пытаясь успокоить.

— Это вы не понимаете, — с отчаянием проговорила Ольга. — Я знаю всех этих людей. Это сотрудники лаборатории. Я же с ними работала.

— Получается, они уже десять лет тут валяются, — Владимир ещё раз с интересом поглядел на распростёртые тела.

— Получается, мы навсегда застряли в этом источнике счастья, — сказала Ольга.

— А кристаллы? Как они их делают? — спросила Наташа.

— Не они, — раздался хриплый голос из противоположного угла. Там в темноте кто-то заворочался, поднимаясь. — Наоборот, эти люди пришли сюда, потому что здесь образуются кристаллы. Они как пчёлы на мёд собрались сюда, даже не понимая, что влечёт их в этот подвал.

Сильно прихрамывая, к ним ковылял скособоченный мужчина в полуистлевшей старинной форме Министерства. Одной руки у него не было, а когда он подошёл ближе, стало видно покрытое шрамами лицо.

— Кристаллы сильно увеличиваются в размерах при взаимодействии с людьми, но образуются артефакты сами, просто вываливаются из воздуха. Видимо, мы в центре какой-то мощной аномалии. Или сама Зона и есть сплошная аномалия.

— Отрыжка ноосферы, — выругался Владимир.

— Да, — согласился мужчина. — Я тоже так думаю. Ольга, ты не узнаёшь меня?

— Максим, — прошептала Ольга. — Боже мой, Максим.

— Ваше сиятельство, зачем вы отпустили этого мушкетёра? Ведь ясно как день, что это он освободил пленников, — спросил инспектор, подавая графине белоснежное полотенце. Лиза вальяжно вышла из пены, с удовольствием отметила, как инспектор пожирает глазами её помолодевшее тело.

— Это очень полезно, иметь возле себя разоблачённого шпиона. А шпиону совсем не обязательно знать, что он разоблачён.

— Понимаю, — сказал инспектор.

— Вам не надо понимать, — с досадой сказала Лиза. — Просто точно выполняйте мои указания.

— Слушаюсь, Ваше сиятельство.

— Докладывайте, — Лиза развалилась на подушках, достала маникюрный набор.

— Правительство бежало за границу. Кроме министра финансов. Его захватили при пересечении границы Бриллиантовой Орды. Взяли в заложники, рассчитывают на выкуп.

— Мне плевать на правительство. Что в городе?

— Ребята хорошо справляются с патрулированием. Порядок восстановлен. Рынки и магазины работают. Мастерские получили крупный заказ на ремонт довоенной техники. Фермеры пахут, шахтёры рубают уголёк, шабашники ремонт Министерства заканчивают.

— Значит, недовольства в народе нет? Протестов, пикетов, демонстраций? Забастовок?

— Помилуйте, ваше сиятельство, какое недовольство? — изумился инспектор. — Все рады, что Магия вернётся и не придётся горбатиться до седьмого пота ради куска хлеба.

— А с чего это они взяли, что Магия вернётся?

— Такой слух в народе.

— А вы знаете, это хорошо. Вот этот слух надо всячески поддерживать.

— Разумеется. Вы же для этого велели доставить бывшего министра пропаганды?

— Что? — удивилась Лиза.

— Ну, этого зомби, — растерялся инспектор. — Я полагал, он понадобится для работы по своей специальности.

— Конечно, — после секундной заминки подтвердила Лиза. — Нам нужна профессиональная пропаганда. И вообще, восстанавливайте аппарат. Нанимайте людей. Займитесь экономикой.

— В экономике я, простите, профан.

— Я тоже. Поэтому и говорю, нанимайте специалистов. Но, чуть позже. А сейчас снимайте штаны и идите сюда.

— Слушаюсь, Ваше сиятельство, — инспектор позволил себе добавить в тон немного игривости, но сам всё думал, за каким чёртом ей понадобился этот дохляк, этот министр пропаганды, будь она неладна.

Меня поразила масштаб Лёниных притязаний. Это была не просто школа колдунов. Это был университет. Высшее учебное заведение. И это, несомненно, был средневековый университет. С крепостной стеной, с вышками, со рвом и подъёмным мостом. Ничто здесь не напоминало тот убогий домик, в котором я сам когда-то проходил обучение. Свою школу колдунов Тюленичев создавал с учётом всех ошибок прошлого.

— Раньше, ещё во времена Жреца, мы рассредотачивали школы, делали их много, но маленьких. Предполагалось, что это спасёт от нанесения массового удара со стороны противника. Не будут же они из пушки по воробьям стрелять? Так и произошло. Когда началось открытое противоборство, пострадала лишь одна школа и погиб один колдун. Но когда я взял на себя единоличное руководство, то принял решение все оставшиеся силы собрать в одном месте. Это не просто учебный центр. Это будущий город, будущая столица. Здесь будет административный, политический и магический центр нового государства. С

новым порядком.

— Высшее Волшебное Заведение, — сказал Стёпа.

— Ага, — сказал Тюленичев.

Лёня был похож на экскурсовода, влюблённого в свою экспозицию. И экспозиция внушала уважение. На стенах не меньше десятка артиллерийских орудий, пулемёты в бойницах, два миномёта возле массивных ворот. Вокруг рва натканы таблички «заминировано». На шпиле радарная антенна. И само здание, окружённое хозяйственными пристройками — трёхэтажное, сложенное из толстенных брёвен. Чуть дальше ещё и длинный барак, при взгляде на который в уме сразу всплывало слово «казарма».

— Ты где в Зоне строительный лес нашёл? — удивился Бобров.

— В Бумажном лесу, — засмеялся Тюленичев. — Двухмерные стволы становятся обычными за пределами аномальной территории.

Он явно ждал восхищения, похвалы за проделанную работу. Но мне было противно. Потому что как раз прозвенел звонок и из главного здания стали выходить подростки, девочки и мальчики, сосредоточенные, серьёзные, даже угрюмые. Они, не тратя времени на построение, проходили к навесу, выполнявшему роль столовой, вставали на раздачу. Я почувствовал во рту вкус мыльных тефтелей. С гречневой кашей.

— Новый порядок, говоришь? — спросил я. — Ничего нового пока не вижу.

— Понимаю, — вкрадчиво сказал Тюленичев. — Тебе детей жалко. Мне тоже, поверь. Но это не сырьё для накопления Энергии, как было десять лет назад. Это будущие могущественные маги, элита нового общества. Они будут править без глупого деления на колдунов и волшебников.

— Элита, говоришь? — я закивал головой. — Но это же в будущем? А пока ты из них Силу по капельке тянешь. По чуть-чуть. Да, Лёня?

— Не совсем, — упрямо ответил Тюленичев. — Я разработал новые технологии. Теперь больше внимания уделяется внутренней концентрации, медитациям, йоге. Это позволяет существенно увеличить ресурс.

— Лёня, у тебя секта, что ли? — спросил Бобров.

— Всё, поговорили, — скрипнул зубами Тюленичев. — БТР загоните на задний двор, сами располагайтесь в главном здании. А если кому мои порядки не нравятся, вон мост, а вон погост.

— Нет, — сказала Яра. — Ты дашь мне золото, обещанное вору. И скажешь, где его найти. Ты должен знать.

— Дам. Скажу, — раздражённо согласился Тюменичев. — Делай, что хочешь. Но потом не жалуйся.

Он отошёл от нас, Стёпа с Бобровым полезли в БТР, а я сказал:

— Яра, я бы пошёл с тобой, но мне своих искать надо. Они где-то в Зоне запропастились, и мне это не нравится. Беспокоюсь я, понимаешь?

— Понимаю. Тебе совершенно не обязательно ходить со мной.

Утром, не попрощавшись, Яра ушла искать вора, и с этого момента от меня уже ничего не зависело. Но я тогда этого ещё не знал.

— После взрыва в лаборатории они зачем-то вылечили меня, — рассказывал Максим. — Я истекал кровью, и все кишки были наружу. Так они прямо в меня, в развороченную брюшину, запихали какой-то артефакт. Шипастый, ржаво-красный и весь

как будто скрученный из проволоки.

— «Гроздья гвоздей», — сказала Ольга.

— Возможно. Раны затянулись на глазах, но ещё очень долго я был совсем слабый. Странно, что я это всё помню. И странно, что они потащили меня с собой. Может, сами с трудом соображали?

— Наверняка. Но как они оказались здесь?

— Они как зомби мотались по Зоне, волокли меня на себе, но упорно приближались к этому месту. Их, как перелётных птиц, вёл внутренний компас, указывал направление. А вперёд гнал абстинентный синдром. Это продолжалось несколько дней, а ведь у нас не было с собой ни воды, ни еды. Здесь мы встретили зомби. Он явно ждал нас, готовился к нашему появлению. Он накормил измученных людей, открыл люк и честно предупредил, что обратно никто не выйдет. Но они и не хотели выходить. А у меня выбора не было, я полудохлый был.

— Почему за эти годы ты не стал как они? Как с голода не умер, с ума не сошёл? — спросила Ольга.

Максим неловко одной рукой поднял с пола небольшой кристалл, сжал его. Кристалл превратился в банку тушёнки.

— Вот когда первый раз такое проделать получилось, испугался, а не свихнулся ли я, — Максим печально усмехнулся. — Но всё оказалось проще. Для управления кристаллами необходимо усилие воли и чёткое видение цели. Тогда они... исполняют желания.

— Ловко, — восхитился Владимир. — А бутылку так можешь исполнить?

— Нет, я её не хочу. Поэтому не получится. А у тебя может получиться.

Владимир хмыкнул, поднял артефакт, повертел его в руках, как бы примериваясь.

— Володя не надо, — тревожно сказала Ольга.

— Ничего страшного не произойдёт, — успокоил Максим.

— Произойдёт то, чего очень хочется, — прошептала Наташа, но было поздно.

Владимира согнуло судорогой, он упал на колени, и его страшно вырвало. Ольга подскочила и, вытирая ему платком лицо, спрашивала:

— Как ты, как?

— Плохо, ребята. Ох и плохо, — стонал Владимир. — Чувствую.

— Что?!

— Чувствую, что опять становлюсь Праведником.

Опыта хождения по Зоне у Яры не было совершенно. Тюленичев разрешил ей взять в оружейке любое снаряжение, но парнишка, который её экипировал, очень встревожился.

— Одна в Кузедеевку через всю Зону? — недоверчиво спросил он. — Совсем начальство с ума посходило. Возьми хоть вот этот детектор. Он помощнее, новая модель, аномалии очень чётко определяет.

Парень даже выразил желание её проводить, но Яра самоуверенно отказалась. И только протопав несколько километров, поняла, что очень погорячилась. Тяжеленный мешочек с золотом был ребёнку явно не по силам, а приходилось волочить ещё и пистолет-пулемёт, и запас патронов, и воду, и бронежилет был ей велик и бил по ногам при каждом шаге. Но она упорно продиралась через Бумажный лес. Стволы деревьев громко шелестели, и она не налетела на группу сталкеров только потому, что те орали ещё громче.

— Какая тебе разница у кого деньги брать?! — кричал Сергей на Лахтадреля, и флажок

предохранителя на мушке у него был уже опущен.

— Я князь! — брызгал слюной Лахтарель. — Я слово дал!!

— Жопу не смеши, князь. Ты сталкер, а сталкер работает на того, кто больше платит. Тебе Тюленичев вдвое денег даст.

— Меня наняли зомбака к графине доставить, и я доставлю, — и сталкер тоже потянулся к оружию.

Четверо мушкетёров и четверо сталкеров навели друг на друга стволы.

— Не дури, — сказал Сергей. — Лазерами сожжём в секунду.

— Вы, бараны, броники надеть забыли, в камзолах в Зону попёрлись, — насмешливо ответил Лахтадрель. — Из калашей покрошим, и лазеры не спасут. Равны у нас шансы.

— Значит, поубиваем друг друга, на хрен, — уже спокойней сказал Сергей. — Оно тебе надо?

— Это, дяденьки, называется цейтнот, — сказала Яра, выходя из зарослей. — Появление лишней пешки на доске может в корне изменить ситуацию.

Она демонстративно сняла с предохранителя свой «Кипарис» и задрала ствол в небо. Задумчиво спросила:

— А кому я буду помогать?

— Девочка, ты лучше беги, — сказал Лахтадрель. — Здесь взрослые дяди играют.

— А я эту девочку знаю, — сказал Сергей. — Это же тебя Окунь спасал. Послушай, мь против графини.

Нервы у сталкеров не выдержали, и они начали стрелять. Мушкетёры беспорядочно хлестали лучами в ответ. В Яру специально никто не целился, но случайная пуля чиркнула её по бронежилету, и она испуганно залегла в траве и изумлённо спросила:

— Лёня?

— А я же тебя предупреждал, — раздался насмешливый голос Тюленичева. — Теперь ты сама, никто тебе Умение транслировать не будет. Может, кончишь дурить и вернёшься?

— Сука, — сказала Яра. Она подняла голову и огляделась. Стрельба прекратилась так же неожиданно как началась. Мушкетёры были закрыты силовым куполом. Такой же радушно переливался над сталкерами.

— А кто тут пришёл в плен меня брать? — спросил зомби, подбрасывая в иссохшей руке синий кристалл. — Выходи, девочка, не бойся. Только автоматик оставь.

С утра я отправился на поиски Тюленичева. Его не было в кабинете, его не было в учебных классах, и в столовой его тоже не было. Я пожевал тефтелей, выслушал доклад Боброва о техническом состоянии нашего броневика и запасах продовольствия в Высшем Волшебном Заведении.

— Консервы, — вздохнул Бобров. — Сплошные консервы. А в Замке как хорошо было! И огород, и барашки, и курочки. Ты скажи Лёне, надо ему подсобное хозяйство обустроить.

— Я ему скажу, — пообещал я. — Мне ему есть, что сказать.

— Костян прав, — неожиданно вступился за Боброва Стёпа. — Я прикинул, здесь вместе с охраной, преподавателями и учениками человек пятьсот размещено. А снабжение толком не налажено.

Я пил компот. Мне были не интересны проблемы здорового питания. Мне надо было семью искать. А для этого требовалось получить должок с Тюленичева. Вчера его Яра трясла, сегодня моя очередь. Это хорошо, что я его сразу не нашёл. Злость копилась, а она в

таким разговоре не помешает.

— Вы его, кстати, не видели? — спросил я.

— Лёню? — уточнил Бобров. — Так вон он. Идёт.

И точно. По дворику перед главным зданием не шёл, как неверно было сказано, а шествовал руководитель Организации Желанного Будущего Леонид Сергеевич Тюленичев. В окружении учеников. Преисполненный величия. Ах ты, сука, подумал я, вскакывая. Стёпа попытался меня за рукав придержать, но я уже завёлся.

— Единство и солидарность должны стать вашими основополагающими принципами на долгие годы. Вы — надежда и гордость этой несчастной страны, и на вас лежит ответственность за её будущее. За её народ. Те уникальные навыки, которые вы обретёте в ходе обучения, должны стать залогом не вашего личного благополучия, но общественного блага, — вещал Лёня.

— Приятно слышать такие мудрые речи, — сказал я. И издевательски похлопал в ладоши. К моему изумлению, ребята дружно подхватили аплодисмент. Они глядели на Тюленичева с обожанием. Особенно девочки. А Лёня скромно покивал головой и сказал:

— На сегодня достаточно, — и ручками так развёл, как будто благословляя. Детишки разбрелись. Лица у них сразу стали серьёзными.

— Тебе чего? — удостоили меня вниманием.

Ну, я напомнил. Не особенно выбирая слова. Про все его обещания. Про Силу, с которой Лиза нипочём не справится. Про семью, за которой он в Зоне приглядит. Про Яру, которую графиня запросто бы приморила, не подоспей вовремя Бобров и Стёпа. Про то, как в сейфе сидел и как на рынке мне в затылок стволем тыкали, тоже рассказал. Монолог у меня сильно резвый выдался, потому что от ворот боец охраны стал посматривать. Стёпа с Бобровым тоже, значит, встали, руки в карманы и бочком-бочком к нам ближе, гляжу, подбираются. Но Лёня отреагировал на удивление спокойно.

— Не горячись, — сказал он. — Через пару часов ко мне приведут зомби. Он знает, где твоя семья.

— Зомби? Что он сможет рассказать?

— Это не обычный зомби. Он долгие годы находился рядом со странной аномалией в центре Зоны. Соображает получше нас с тобой.

— Я его знаю, — вставил Стёпа. — Бывший министр, да?

— Да. А в мои дела с Ярой не лезь. Предоставь мне самому разбираться с моими агентами. Ты её привёл, молодец. В обмен, как и договаривались, получишь информацию о своих. С ними всё в порядке. А то, что тебе Силы не хватило противостоять графине, не обессудь. У меня Энергии значительно меньше.

— Но у тебя найдётся резерв, чтобы перебросить меня с семьёй в безопасное место, — я твёрдо поставил условие, уже остывая.

— Самое безопасное место сейчас, — задумчиво сказал Стёпа, — видимо, здесь. Для нас, по крайней мере.

— Правильно, — самодовольно сказал Лёня. — Но ты можешь уматывать. Я тебе порт куда скажешь, провешу.

— Тогда так. Ты мне будешь должен телепортацию четверых человек в указанную мной точку.

— Идёт, — согласился Тюленичев.

— А я потом решу, куда нас отправить, — добавил я. Ну, мне, и правда, тогда казалось,

что я смогу принимать решения.

Лиза была в ярости. Она сглупила. Вместо того чтобы просто телепортировать к себе бывшего министра пропаганды, она решила поиграть в правительницу, мановением длани отправлявшую экспедиции в далёкие края. Типа, как королева Виктория. А теперь не могла дотянуться до места. Она не видела центр Зоны, как будто там образовалось слепое пятно. Более того, ей с каждым разом становилось всё труднее сканировать пространство Заповедника.

— Ваше сиятельство, мы ничего не могли сделать, — заканчивал доклад Лахтадрель. — Капитан мушкетёров оказался предателем. Мы схватились с мушкетёрами, мои люди получили ранения. Но против Магии мы были бессильны. Когда зомби накрыл нас силовым полем, нам оставалось только смотреть, как они уходили.

— Вы не выполнили контракт и не вправе рассчитывать на гонорар, — сказал инспектор. — Уходите.

— Не спешите, уважаемый, — прищурился Лахтадрель. — Мы не смогли увести зомби с собой. Но мы проследили, куда он ушёл.

— Куда? — сразу спросила Лиза.

— Это целая крепость в центре Зоны. Я никогда не слышал про неё, но она есть и, судя по всему, процветает.

— Где?!

— За половину оговорённой суммы я укажу место.

— Я тебя в жабу превращу, — сказала Лиза.

— Для меня честь оказать содействие Вашему сиятельству, — сказал Лахтадрель. — Прикажете показать на карте?

— Нет, — Лизе пришла в голову мысль, которая привела её в восторг. Она подумала, что военная форма будет ей очень к лицу. Эполеты, аксельбанты, портупей... и эти — лампасы. Это же очень сексуально. — Ты проведёшь нас туда!

— Но, Ваше сиятельство, — растерянно начал инспектор, но Лиза перебила его:

— Александр, не перечьте мне! — она приняла величественную позу. — Мы выступаем в поход. Мы начинаем войну. Мы объявляем коллективизацию.

— Мобилизацию, Ваше сиятельство, — устало поправил инспектор.

Восьмая глава

Яра впервые за много лет осталась без поддержки Тюленичева. Ей никто не транслировал свои Умения, как это было раньше. Она стала самой обычной девочкой. В самом опасном месте на Земле. Ей было очень страшно. Она выбилась из сил. Она даже плакала один раз.

Но её не тронули мутанты, она не вляпалась в аномалию и не заблудилась. Уже глубокой ночью она вышла на окраину Кузедеевки и стала искать, у кого бы спросить, где находится нужное ей место. Такая праздничная и весёлая днём, сейчас ярмарка нагоняла жуть не хуже Зоны. Темно, улицы завалены мусором, воняет и шныряют зыбкие тени, мотается на ветру одинокая лампочка. Холодно. И неподвижно стоит на рыночной площади плотный мужчина в камуфляжной куртке.

— Алле, мужик, — переводя дыхание, спросила Яра. — Где тут шалман «Питер Таккерс»?

Грузная фигура медленно развернулась, и Яра с ужасом увидела выпученные глаза и залитую кровью нижнюю половину лица.

— Деточка, деточка, деточка... — утробным голосом забормотал мужчина и, вытянув руки, качаясь как пьяный, зашагал к ней. Перекошенная морда оскалилась и обнажила острые клыки.

Яра завизжала и понеслась прочь. Длинный не по росту бронежилет колотил по ногам, золото в рюкзачке тянуло назад, ремень автомата всё время соскальзывал с плеча, и она перехватила оружие двумя руками. Так и неслась, как будто в атаку, не разбирая дороги, по лужам, по разбитому тротуару... И выскочила прямо к трактиру «Питер Таккерс», местному центру общественной жизни. Неоновая вывеска переливалась синим и красным, у входа дежурил охранник. Он чуть было не открыл стрельбу, когда увидел, как из темноты на него несётся нечто с автоматом наперевес.

— Стой, — охранник схватил Яру за шиворот, когда она попыталась сходу проскочить в кабак, и одним движением вывернул у неё из рук «Кипарис». — Куда?

— Там! — выдохнула Яра.

— Точнее.

— На площади. Мужик. Рожа в крови, — Яру трясло. — И шатается весь!

— Блин, — охранник выпустил Яру и крикнул в открытую дверь. — Чакра! Гися! Дикий вампир на площади, уже поужинал, разберитесь.

Внутри тотчас раздались крики, лязг оружия. Охранник отсоединил магазин от автомата, по отдельности отдал Яре.

— В помещении только так, — пояснил он. — Ты одна? Где твои родители?

— Это я и пытаюсь узнать.

Как не странно, но проблевавшись, Владимир почувствовал сильный голод.

— А ты только тушёнку намастырился создавать? Или что-нибудь ещё из жарчки можешь? — спросил он.

— Почему только тушёнку? — удивился Максим. — Что угодно можно сделать.

— Что угодно? — заинтересовалась Наташа. — А можно фуагра?

— Госсподи, — застонал Владимир. — Мне бы бульону. Куриного.

— Просто мне всегда хотелось попробовать, — смутилась Наташа. — В старых книгах часто упоминается. Интересно же.

— Фуагра не смогу, — улыбнулся Максим, и шрамы на его лице пришли в движение. — Я её себе не представляю. А вот шашлык, вино и фрукты — сколько угодно. И бульон, конечно. Но не здесь. Пойдёмте.

— Куда? — спросила Ольга.

— В гости. Ко мне. Идите за мной.

Он наклонился и поднял кристалл, оглядел его, отбросил и взял другой, не такой крупный, но более яркий. Человек на полу, возле которого Максим поднял артефакт, заворочался, поднял голову и, не открывая глаз, промычал:

— Первый закон, первый закон...

— Они всё время это повторяют, — пояснил Максим.

Он взял Ольгу за руку и повёл прямо в темноту подвала. Владимир с Наташей переглянулись и зашагали следом. И почти сразу сквозь пелену зыбкого сумрака вышли на опушку хвойного леса. Пахло озером. В тумане виднелась панельная пятиэтажка.

— Сто раз пытался терем создать или избу нормальную, а всё равно хрущёвка вылазит, — посетовал Максим. — Ничего не поделаешь, подсознание.

Они подходили к дому, и туман постепенно рассеивался. Стали видны скамейки у подъезда, заросший газон, детская площадка с песочницей и уродливыми железными детскими качелями. С противным скрипом сама собой медленно крутилась такая же нелепая карусель. В песочнице валялась безногая кукла.

— Ужас какой. Кто ей ноги-то оторвал? — сказала Ольга, озираясь. Наташа подняла куклу, прижала к себе. — Где мы?

— Я же говорю, подсознание, жуткая вещь, — и Максим постучал себя кулаком по голове.

— Это точно, — сказал Владимир. Он вспомнил, как в его собственном бреду Жреп сдавал ему карты. Сплошные козыри.

Когда Яра сказала, что она пришла к «дяде Гене», вопросы прекратились. Её сразу провели через большой прокуренный общий зал, где за столиками и возле барной стойки проводили время гости ярмарки, в отдельный кабинет. Принесли поесть и оставили. Яра скинула бронежилет, стянула мокрые кеды, глянула на грязные руки. И набросилась на горячие сосиски. Слышно было, как тапёр наигрывает «Moonlight and vodka». В стиле регтайма.

— Кушай, кушай, — сказал вор. Он зашёл сзади, тихонько присел не напротив, а рядом с Ярой, опёрся локтями о столешницу.

Она сразу отложила вилку, не прожевав, полезла под стол, достала рюкзак. Вытащила мешочек с золотом.

— Вот, — сказала она и высыпала золото на стол. Это были старинные монеты разного номинала. Вор равнодушно погонял пальцем жёлтый кругляк царского червонца.

— Хорошо, — сказал он. — В расчёте.

— Погоди, как это в расчёте? — жалобно спросила Яра. — Ты же обещал мне о родителях рассказать.

— Да?! — изумился вор. — Не припоминаю.

Яра молчала. На глазах у неё навернулись слёзы.

— Ну, пожалуйста, — едва слышно произнесла она.

— А?! Не слышу, — вор глумливо приложил ладонь к уху и наклонился к Яре.

— Пожалуйста, расскажи мне, что тебе известно про моих родителей, — чётко произнесла она.

— Я гляжу, спесь-то с тебя слетела, — довольно произнёс вор. — Ладно, не кисни, расскажу. Но ведь мне немного известно.

— Мне вообще ничего.

— Да ну? А кто мне сказал при первой же встрече, что родители мои, дескать, люди были малообразованные.

— Это мне Тюленичев рассказал. Он же меня в Зоне ребёнком нашёл.

— Вот ты бестолочь. Если он тебя малым дитём нашёл, то откуда ему такие подробности известны? Что он тебе ещё рассказывал?

— Что мы в Столице жили, — Яра нахмурилась, вспоминая. — Что меня хотели в школу колдунов определить, но волшебники помешали. Что ещё до рождения было известно о моём редком Умении... Так он всё знал?!

— Эх ты, тайнус агентус! Дважды два сложить не сумела.

— Я аналитической работой не занималась. Я оперативник.

— А я так Барух Спиноза и Макс Отто фон Штирлиц.

— Кто такой фон Штирлиц? — спросила Яра.

— Типа, кто такой Спиноза — ты знаешь.

— Знаю. Жрец часто говорил, что Спинозе не хватало знаний основ термодинамики.

— Да? — удивился вор. — А ты знаешь, это интересно.

Вор задумчиво, прямо пальцами, взял горячую сосиску у Яры с тарелки, машинально откусил. Запил газировкой.

— Это, может быть, как-то проясняет...

— Что?

Вор долго молчал, собираясь с мыслями, потом начал.

— Два года назад у меня начались галлюцинации. То есть, я тогда подумал, что это галлюцинации. Я видел странное место, похожее на подвал или даже подземелье. Весь пол там усыпан синими кристаллами. Крупными и мелкими, разных форм и оттенков. И ещё там штабелем лежат люди. Прямо на кристаллах. И в руках каждый держит по крупному артефакту, прижимает к груди. Человек пятнадцать-двадцать.

— И с чего ты взял, что это всё тебе не приснилось? — Яра уже взяла себя в руки и заговорила дерзко, зло, давая понять, что не позволит снова дурачить себя. А вор стал очень серьёзен, он больше не издевался, не подначивал.

— Я же говорю, поначалу сам не мог понять, с ума я сошёл или синькой заболел. В необычной форме. Но понимаешь... все эти видения мои были от первого лица. Как будто я смотрел чьими-то глазами. Как будто через субъективную камеру. И однажды я увидел человека, чьими глазами я смотрел. Когда он там, у себя, наклонился над водой. Сеть с рыбой вытаскивал. И это не могло быть бредом, потому что я узнал его.

— Сеть с рыбой. В подземелье. Ну-ну, — насмешливо сказала Яра. — То, что ты в бреде увидел знакомого, не доказывает, что это не бред.

— Доказывает. Потому что я был уверен: Максим погиб при взрыве. Я же сам в него гранату кинул. И если бы он начал во снах ко мне являться, я бы его видел как при жизни. Молодым, здоровым. А я увидел калеку. Без руки, всего в шрамах. Значит, выжил Максим. И

место это мне не привиделось.

— И при чём здесь Спиноза?

— Спиноза может быть и не причём. А вот термодинамика... Надо подумать.

— А зачем ты мне всё это рассказывал? — спросила Яра.

— Там женщина одна во сне всё время повторяет — Ярочка, доченька, девочка моя. Ты много знаешь девочек с именем «Яра»?

— Физически где мы находимся? — не унимался Владимир. — В подвале валяемся? В обнимку с кристалликами?

— Нет, не думаю, — ответил Максим. — Я однажды сильно поранился, когда дрова колот. Одной рукой неудобно, не привык тогда ещё, задел себя по ноге. И вот эта рана оставалась при перемещении в подвал. И шрам остался. Поэтому я считаю всё это, — он обвёл рукой пейзаж, — настоящее. Но не спрашивайте меня, в каком параллельном или перпендикулярном пространстве эти дом, лес и облака на небе. Кстати, я ими легко управляю.

Они сидели на плоту посреди озера, свесив ноги в воду. На берегу Наташа с Ольгой не спеша готовили плов в большом казане. Было жарко.

— И ещё одно, — сказал Максим и неловко улыбнулся. — Если бы это был мой, так сказать, материализованный бред, я бы наверняка в нём был с двумя руками.

— И при этом, ты можешь менять здесь по желанию, я не знаю, обстановку... пейзаж... климат?

— Ага, — рассмеялся Максим. — Хотите, дождь пойдёт?

— Не надо. Не люблю, — ответил Владимир. — И всё равно, даже имея в собственном распоряжении небольшой мирок, как ты не свихнулся от одиночества, да просто без информации?

— Согласен, сенсорный голод очень неприятная штука, но получать информацию я научился. Не сразу. Сначала я подумал, что у меня начались видения. Но быстро догадался, что это побочный эффект лечения артефактами. Видимо, их свойства сделали из меня что-то вроде экстрасенса. Я теперь могу входить в резонанс с одним человеком. Там, на большой земле. И через него вижу, что происходит. Сейчас, например, графиня Оторвановская собирает ополчение для войны с Организацией Желанного Будущего. Правда, я как-то не представляю масштабные боевые действия в Зоне.

— А я очень даже представляю, — мрачно сказал Владимир. — Чего там их представлять, если я их сам видел. Эти самые действия.

— Ах да, вы же участвовали в Великой Битве!

— Какая там битва! Это же было посмешище. Развлечение, которое устроил себе скучающий Жрец.

— Н-да. Меня как раз во время этого развлечения гранатой подорвали. Между прочим, было больно.

— Извини, — Владимиру стало стыдно. — Я вполне понимаю, что ты спас тогда Анатолия. Да и всех нас. Я тебе очень благодарен.

— Если я бы знал, — сказал Максим и потянул сеть. Владимир вскочил, двумя руками начал вытягивать и чуть не опрокинул плот. — Осторожней! — воскликнул Максим.

— Что там у вас? — встревоженно с берега крикнула Ольга.

— Рыба! — рывкнул Владимир. Рыбы было много.

— Так вот, — продолжил Максим, глядя как Владимир тянет сеть. — Если бы я знал, что Николаич сделает из Толика боевика, банального костолома, что Ольга станет затрапезным сталкером, а Лиза и Лёня продолжат перекраивать мир по лекалам Жреца, и вы этому даже не попытаетесь помешать, то я, может быть, и не стал бы всех спасать.

— Знаешь что?! — не сдержался Владимир. Он собственно и сам не знал «что», но ему не хотелось признавать правоту Максима, и он решил съехидничать. — Если бы в человеческих отношениях действовал закон сохранения энергии, то я, может быть, одним своим праведным гневом испепелил бы всех подлецов на свете.

— А второй закон термодинамики вас не устроит? — насмешливо спросил Максим.

— Что? — растерялся Владимир.

— Ничего, — Максим взял шест и ловко погнал плот к берегу. — Кстати, о термодинамике — вы не слышали про девочку со странным именем Ярославна?

Инспектору не понадобился министр пропаганды. Он и сам отлично справился с проведением мобилизации. Боевой энтузиазм он разжёл всего лишь одним тезисом — покараем тех, кто хочет лишить нас вновь обрётённой Магии. Это сработало, недаром инспектор был когда-то психологом. Никто не устраивал массовых митингов в защиту нового режима. Просто юным волшебникам под большим секретом поведали о мерзком колдуне, который сидючи в мрачной крепости посреди Зоны строит козни против прекрасной графини. Хочет сжить её со света. Ну а с ним, само собой, всем известный Окунь. Враг Магии и угнетатель свободных волшебников. И патрульные мгновенно разнесли слух по Столице. Ведь они были всего лишь дети. С оружием.

Графиня была так прекрасна, а десятилетие без Магии таким тяжёлым, что уже на следующий день возле Министерства «стихийно» возник пункт самообороны. Там выдавали автоматы, паёк и портреты Жреца и Лизы карманного формата. Как ни странно, Жреца брали охотней.

Население Столицы за последние годы поредело, но люди шли. Бывшие сталкеры, бежавшие из Зоны, когда она перестала быть игровой. Бывшие волшебники и вообще сотрудники Министерства. Фермеры, шахтёры, железнодорожники. Они все очень устали от плохой жизни. Они хотели, чтобы было как раньше. И они были готовы за это убивать.

А вот Кузедеевка решительно заявила о своём вооружённом нейтралитете. Торгаши резонно предположили, что смогут отсидеться при любом раскладе. Товары же, особенно промышленные, в условиях боевых действий, можно продавать обеим конфликтующим сторонам.

Главы религиозных конфессий единодушно поддержали позицию графини Оторвановской, дипломатично в очередной раз обойдя вопросы существования Магии. Дескать, от бога она или от дьявола нам не ведомо, а вот правительство, о благе народном неусыпно пекущееся, всячески одобряем. Особое мнение пыталась заявить Коллегия жрецов Вуду, но инспектор пригрозил отнять у них запасы зомбаков — и они заткнулись.

То есть, все были довольны, и поэтому Антон очень удивился, когда патрулируя вместе с Олесей рабочий квартал Столицы, он поднял с тротуара листовку. Антиправительственную. На карикатуре Лиза с инспектором занимались непотребством. Антон покраснел и быстрее, пока Олеся не увидела, спрятал бумажку в карман.

— Когда вы отправляетесь? — спросила Олеся. Она, конечно, ничего не заметила.

— Завтра в шесть утра. Только это военная тайна.

— Обидно, знаешь ли, что девочек не берут.

— Надо же кому-то и в Столице службу нести, — утешил её Антон, и подумал, что без девчонок на войне они уж как-нибудь справятся. Он очень хорошо запомнил, какое лицо было у Олеси там, на железнодорожной насыпи, когда она лежала, истекая кровью.

— Да, — согласилась Олеся. — Но, всё равно, это не справедливо. Я бы очень хотела принять участие в борьбе за Светлое Будущее.

— Ты забыла семнадцатый завет Жреца — каждому своё место и всему своё время.

— Я помню! — запальчиво крикнула Олеся. — Но в третьем завете сказано — каждый должен всё, что он может...

— И Жрец ему поможет, — продолжил Антон цитату. Трактовка была неканонической, но и крамольной также не считалась. — Успокойся, ты слишком эмоциональна.

— Ой, правда, — Олеся остановилась, прижала ладони к лицу.

— Не переживай ты так, в Столице тоже будет тревожно, найдёшь способ отличиться, — и Антон по приятельски хлопнул девочку по плечу.

— Какой ты глупый, — прошептала Олеся. — Ничего не понимаешь.

— Чего я не понимаю?

— Ничего. Не важно. Просто поскорее возвращайся.

— Мне для этого деньги и понадобились, для этого я артефакты и решил продать, — объяснял вор.

— Чтобы подобраться к месту, где их ещё больше, — презрительно сказала Яра. — Жлоб ты, дядя Гена.

— Не скажи, — возразил вор. — Это уже не жадность, это власть. Магия снова стала доступной, но через кристаллы. А у кого их больше, тот и в дамках.

Они стояли на околице Кузедеевки и наблюдали величественное шествие войск графини Оторвановской. Колонна двигалась во главе с четвёркой мушкетёров, за которыми в роскошном золочёном ландо с откинутым верхом ехала Лиза. Процессия как раз двинулась в путь, после небольшой заминки — из ландо выпрягли и отпустили пастись пару белоснежных лошадок. Лошадки были невероятно красивы, но Лизе не понравился запах. Теперь повозка двигалась вперёд посредством Магии, и инспектор на месте кучера смотрелся дурак дураком. Рядом с Лизой в изящном кивере и с аксельбантами, усыпанными бриллиантовой крошкой, маялся Антон. Его назначили флигель-адъютантом. Что это такое никто толком не знал, но графиня твёрдо была уверена, что флигель-адъютант у неё должен быть. Антон ждал, когда представится возможность утопить кивер в болоте.

Следом топали ребята из школы волшебников. Они тащили большие портреты Жреца на палках. Издалека это напоминало или крестный ход, или антиправительственную демонстрацию. Потому что толпа ополченцев, растянувшаяся в конце процессии, ни на что «правительственное» не походила. Сброд с автоматами. Шушера.

— Урла какая-то, — сказала Яра, опуская бинокль. — Так деньги для чего тебе, не понимаю?

— Экспедиция, — ответил вор. — Настоящая научная экспедиция. С привлечением иностранных специалистов. С вооружённой охраной. С максимальным техническим оснащением.

— Ну ни фэ! Ты размечтался... Где ты это всё, пусть даже за деньги найдёшь?

— За деньги, деточка, я даже аэростат достал. Вернее, дирижабль. Хочешь, покажу?

— Я не деточка! — зло ответила Яра. — Дирижабль-то зачем?

— С воздуха, планомерно, не спеша мощными детекторами провести сканирование Зоны. Найти выбросы Силы. Составить карту. И обшарить все источники аномальной активности.

— Тогда возьми меня в свою экспедицию, — попросила Яра. — Хоть поварихой. Ты же понимаешь, мне тоже надо в это место.

— А как же! — воскликнул вор. — Обязательно. Но зачем же поварихой? Ты у нас почетным гостем будешь. Со всеми удобствами.

— Это за что такая честь? — с подозрением спросила Яра.

— За родственные связи. Эти люди, они с такой любовью прижимают к себе кристаллики, что вряд ли захотят с ними легко расстаться. А вот твоя мама, я так прикидываю, поможет мне. Если в обмен на артефакты, я предложу тебя.

— Я заложник? — спросила Яра.

— Ага, — сказал вор. И положил руку Яре на плечо. И сжал. Крепенько так.

Марина напоила близнецов отваром, и они заснули. Температура у них спала, но дышали оба пока ещё тяжело, сопели заложенными носами. Нужен был парацетамол, но парацетамола не было.

Ещё раз поправив на братьях одеяло, Марина стала и сама потихоньку укладываться на кушетке. В дверь осторожно поскребли. Марина вздохнула, устало шагнула через комнатку и отворила. На пороге стоял бармен. Он молча протянул ей артефакт. Она, махнула рукой, заходи, не через порог. Уже в комнате взяла у него слабосветящийся, поросший шевелящимся пухом, белёсый шар величиной с кулак.

— «Одуванчик», — шёпотом сказала она. — От простуды в самый раз. Спасибо. Сколько я должна?

Бармен присел на табурет, осуждающе взглянул на Марину.

— Я барыга, конечно, но на детях не наживаюсь. Просто работа такая, — тоже шёпотом сказал он.

— Спасибо, — ещё раз поблагодарила Марина и положила артефакт в контейнер. — Завтра лечить их буду. Что в Зоне слышно?

— Война началась.

— Господи, да когда она заканчивалась?

— Не скажи. Сейчас всё серьёзно. Графиня Крепость в осаду взяла. Костян твой там с Окунем.

— А Наташа с Ольгой? Владимир? Неужели в Зоне пропали?

— Слухи разные ходят, — бармен неопределённо махнул рукой.

— Не могу себе простить, что их отпустила. Чай будешь?

— Нет, спасибо.

Они сидели молча, смотрели на пламя свечи. Марина устало опёрлась подбородком о кулак, вздохнула, потом зевнула. Бармен не замечал, по дурацкой привычке запустив руку за пазуху, почёсывал волосатую грудь. Он был сосредоточен на своих мыслях.

— Ты же травница у нас, ведунья, — сказал он. — Ты слышала про «смерть-траву»?

— Очень редкий артефакт. И опасный. Выглядит как угольно-чёрный мох, — ответила Марина. — По слухам, убивает всё живое и не живое.

— Как это — неживое?

— Любую технику гробит, независимо от Магии та работает или от бензина с электричеством. Положи на мотор «смерть-траву» — и мотор заглохнет. Вот только непонятно, как при этом самому живому остаться.

— Но это слухи, а кто-нибудь её видел?

— Был один сталкер, Колючий, в прошлом колдун, — не сразу ответила Марина. — Он «смерть-траву» для американцев добывал. И, судя по всему, добыл.

— Для американцев? — поразился бармен. — Откуда у нас американцы? Мы даже про Москву десять лет ничего не знаем. А откуда известно, что добыл? Почему я ничего не знаю?

— Это до тебя было, лет пять назад. Но вообще история мутная. Я его от ревматизма лечила, скрючило его тогда совсем. И он мне сам рассказывал.

— Что?

— Что ходка удачная была, только вот застудился в подземелье. Хабар американцам несёт, они его в Кузедеевке дожидаются. А после он разбогател сильно. А ещё после — помер.

— Отчего?

— Да кто же знает? Вскрытие, как ты понимаешь, не делали. Некому.

Бармен снова погрузился в свои мысли. Марина встала, проверила Вадика и Вовика. Те сопели уже спокойней, не метались. Она снова поправила одеяло.

— В подземелье, — снова заговорил бармен. — А где это в Зоне подземелья?

— Не знаю, — уже раздражаясь ответила Марина. — Скажи лучше, что это ты «смерть-травой» заинтересовался?

— А то, что говорят Зона оживает. И я думаю, это очень плохо.

Копаться в архивах Тюленичев мне не мешал. Не до того Лёне было. Оборона отнимала у него все силы. И Силы тоже. Меня к штабу близко не подпускали, а вот Стёпе, как ни странно доверили руководство артиллерийским расчётом. Бобров и вовсе стал командиром роты малолетних головорезов и обучал их приёмам рукопашного боя. Были у Лёни и вполне взрослые, опытные бойцы, из бывших военспецов, которые прошли курс боевой магии под управлением Шамана, да и вообще, чувствовалось, что к войне он готовился вполне основательно. Армия графини была многочисленней, отряд Тюленичева был профессиональней. Так что силы Лизы и Лёни были примерно равны, и осада затягивалась на неопределённое время. И мне не оставалось ничего кроме как зарыться в документы и пытаться обнаружить закономерности событий последних лет.

А документы попадались интереснейшие. Прежде всего, донесения агентуры. С изумлением я обнаружил, что Тюленичев сохранил и даже значительно расширил агентурную сеть колдунов, работавших ещё против Жреца. Но он её переориентировал. На сбор информации о Николаиче. Оказывается, в Замке работали как минимум три стукача. Теперь уже никогда не узнаем, кто были предатели с кличками «Перец», «Нава» и «Мертвяк». Я прочёл подробнейшие отчёты о своих похождениях с Бобровым. Читать про себя мне было стыдно. Я был похож на дурачка, которому поручили подпирать столб, чтобы не упало небо. Я был преисполнен сознанием важности выполняемой миссии, а на деле Николаич старался держать меня подальше от Зоны. А в Зоне и он, и Лёня упорно что-то искали.

Вторая часть донесений посвящалась поискам места под кодовым названием «точка Z». И судя по всему, Николаич в своих поисках продвинулся значительно дальше. И Тюленичев стал следить за ним. В документах фигурировали понятия «карта», «ключ» и «отмычка». И шла речь о неведомой «россыпи», за которой все также охотились. Уже при слове «россыпь», у меня шевельнулось смутное подозрение, которое превратилось в уверенность, когда я добрался до нескольких листков, исписанных личным шифром Николаича. Я знал этот шифр. Я сам его и придумал ещё в интернате и показал Николаичу. А значит, он предполагал, что когда-нибудь эти записи могут попасть мне в руки, и я их прочитаю. Ну, я и прочитал. И мне срочно понадобился Бобров.

— Костя, — сказал я, — мне надо послать гонца.

— Дык чего бегать? — удивился Бобров. — У меня есть.

— Мне надо послать человека с секретной миссией. Тайно, — уточнил я. Разговаривать с Костяном надо именно так — не давать увести разговор в сторону и четко задавая азимут. Тогда он способен на нестандартные решения.

— Блин, я уж подумал, ты выпить хочешь, — продолжал он прикалываться, но уже думал, что предпринять.

— Это должен быть человек, которому можно доверять. Его исчезновение должно пройти незаметно от Тюленичева, поэтому ты, я и Стёпа отпадают.

— Ты скажи, хотя бы, против кого дружить будем?

— Как всегда, против всех.

— Это хорошо, это я люблю. Как в старые времена.

— Типа того.

— Ну, если против всех, есть у меня человек на примете. Ты его знаешь.

— Кто?

— Пойдём покажу.

Он провёл меня тёмным коридором к камерке, на дверце которой гордо было выбито по трафарету — ДЕКАНАТ.

— Этот мой визиви, с которым у меня ментальный контакт, — говорил Максим, отщипывая кусочками запечённую в соли скумбрию. — Он человек неплохой, несмотря на то, что уголовник. Я его сам гонял, когда ещё в ментовке служил. Но туповат. Приходится его направлять, подталкивать к нужным решениям. Нет, сам он об этом не догадывается. У него даже не хватает воображения удивиться — а откуда это у него взялись познания в области квантовой механики и элементарной физики.

— А у тебя они откуда они взялись? — спросил Владимир.

— Ну, я время даром не терял, — сказал Максим. Он вытер руку салфеткой, помяв её в пальцах. Встал, потянулся. Задумчиво поглядел на женщин. Они нагишом плескались в озере. Напряжение последних дней отпустило, и Ольга с Наташей резвились как маленькие. Владимир взял бутылку с вином, рассеяно поболтал и поставил, не отхлебнув.

— И что сейчас твой визиви поделывает? — спросил он.

— Сейчас он развил бурную деятельность, — оживился Максим. — Он очень тонко выбрал момент, когда две Силы сцепились между собой. И пока им не до него, он обшаривает Зону в поисках... собственно, можно сказать в наших поисках. Он долго готовился к этой экспедиции. Он собрал команду таких же, как он сам, отпетых уголовников. Он нанял за большие деньги ученых, которые ещё не загнулись в бардаке последних лет. Он взял охрану из опытейших сталкеров и вооружил их огнестрельным оружием. И купил много, я подчёркиваю — много патронов. У него есть даже дирижабль, оснащенный сканерами, детекторами и эхолотами. И теперь преисполнен решимости установить монополию на производство синих кристаллов. — Максим хихикнул. — Он воображает, что это как бы такое дерево, типа яблони, плодоносящей артефактами.

— А чему ты радуешься? — Владимир снова взял бутылку, посмотрел на неё удивлённо и снова поставил не отпив. — Если он и правда установит эту самую монополию, этот отморозок, представляешь какие «понятия» он установит? Уж лучше тогда был бы Жрец.

— Жрец хуже, — жёстко ответил Максим. И помолчав, продолжил. — А этот... он бы установил, да кто ж ему даст? Ты так и не понял. Я контролирую его. Не постоянно, конечно, чтобы ничего не заподозрил. Но при необходимости могу полностью подчинить своей воле.

— Тогда почему ты не заставишь его отказаться от экспедиции?

— Он нам нужен. Он нас выведет отсюда. У него «ключ». А выбираться нам надо побыстрее. Я чувствую, как всё меняется. Мне становится труднее управлять локацией.

— Слушай, — Владимиру пришла в голову забавная мысль, и он осторожно спросил: — А ты вот это... подчинять своей воле... только этого придурка можешь? Или кого угодно?

— Не знаю, — медленно ответил Максим. — Я пока не пробовал.

Шамана я не узнал, пока он не заговорил своим двойным голосом. Он очень сильно постарел, и я впервые увидел его не в наряде колдуна, а в обычном цивильном костюме. Они чаёвничали за шикарным антикварным столиком — Шаман, зомби и Сергей. При виде меня

зомби поставил чашку и весь поджался. Напрасно, я его не винил.

— Здравствуй, Окунь, — сказал Шаман. — Садись чай пить.

— А мне, значит, не предлагают? — обиделся Бобров.

— А ты на стрёме постой, — нахмурился Шаман. Бобров сразу вышел.

— Привет, — сказал я, неловко присаживаясь на свободный стул. Зомби сразу засуетился, наливая мне чай. Я знал, что Шаман руководит учебным процессом в Высшем Волшебном Заведении, но к встрече оказался не готов. И ещё я не понимал, что зомби и Сергей делают в деканате.

— Бездельничаю, — довольно пророкотал Шаман. — Студенты на войну сбежали. А у меня первый отпуск за десять лет.

— Сбежали? Или их погнали? — спросил я.

— Погнали? Вот ещё. Они рвутся в бой. Дело не в этом.

— А в чём дело? — я взял расписную фарфоровую чашку из рук зомби, но пить не стал. Зомби разволновался и от него несло мертвечиной. Мне казалось, что и чай будет вонять падалью.

— Дело в том, молодой человек, что известная нам личность, при всех её несомненных организаторских талантах, страдает банальным шкурничеством. Ему жалко потратить запас Силы на то, чтобы вышибить эту, так называемую графиню, не только из Зоны, но и вообще с территории Заповедника. Один направленный удар, и она полетит со своим опереточным войском до самой Столицы.

— Но у Лизы, очевидно, большой запас магической Энергии, — возразил я.

— Что? Ах, да. Конечно, большой. Но, во-первых, она не умеет ещё толком ею управлять. Во-вторых, в Зоне её Сила слабеет. Пойми, Окунь, — горячился Шаман, — это же нонсенс! Мы десять лет учим молодёжь практической магии. Делимся накопленным опытом, который сами когда-то по крупице нарабатывали, ошибаясь и теряя соратников. И вот когда у ребят есть возможность на деле применить свои умения, им дают в руки автоматы! Они стоят на крепостных стенах и ждут, когда на них полезут такие же несостоявшиеся маги. Мы в осаде, как в античные времена, и Павлин не желает покончить с этим позорищем.

— Павлин?

— Ну да. Так за глаза звали Тюленичева до того как один малыш, не подумав, совершил магическое воздействие планетарного масштаба.

Я уже давно привык к таким упрёкам и не стал реагировать. Зато неожиданно взорвался Сергей.

— Правильно, павлин и есть. И я ему перья повыщипаю. Я ему покажу, как моих парней подставлять! Я не посмотрю, что он колдун, не долбаться какой категории, я сзади подойду и по черепу тресну...

Очевидно, было видно, что я не понимаю, о чём речь, потому что зомби счёл нужным пояснить:

— Один квад из диверсионной группы Сергея остался в руках графини, и Леонид Сергеевич не желает принимать меры по их освобождению.

— Четверо отборных бойцов, отличные парни, мои друзья, в конце концов! А я вынужден со стены глядеть, как они эту профуру охраняют!! В этих камзолах дебильных!!! — продолжал сокрушаться Сергей.

— Довольно, — сказал Шаман, и все затихли. — Это правильно, что ты всё-таки

пришёл, — обратился он уже непосредственно ко мне. — Я ждал. Сейчас самое время закончить твоё образование. Мы будем заниматься по ночам, чтобы никто не мешал. Старый колдун обучил тебя глупым трюкам, а я покажу настоящее мастерство.

От неожиданности я взял чашку и отхлебнул. Чай оказался великолепным, давно такого не пил. И сладким, как я люблю. Хорошо, что у них чай, а не водка. Можно подумать.

Значит, Шаман решил, что я пришёл квалификацию повышать, а мне ведь и в голову это не приходило. Теперь придётся ночами не спать. Чёрт бы побрал Боброва с его конспирацией. Понятно, что на роль курьера он назначил Сергея. С такой ненавистью к Лёне он согласится мне помочь. С удовольствием согласится. А если намекнуть, что от успеха миссии будет зависеть и освобождение его спецназовцев, горы свернёт.

— Спасибо, — сказал я и поставил чашку на столик. — Вкусный чай. Так, значит, я вечером зайду?

— Да, — важно кивнул Шаман.

— А пока, чтобы время не терять, Сергей, может, поставишь мне прямой правый? Что-то плечо у меня стало проседать.

Сергей вытаращился. Он-то хорошо знал, как я кулаками могу махать. Когда на меня нападают. Но сообразил, стал из-за столика вылезать. Я тоже откланялся. Уже в коридоре нас догнал зомби.

— Анатолий, я ещё раз хочу вам объяснить, я не собирался их запирать надолго. Мне было необходимо их спрятать! Временно. Для их же безопасности, — он говорил запинаясь, ему было очень неловко. — Меня шли захватывать, и я готовился к бою. Мне пули и даже лазеры не очень страшны, а вот ваша семья могла пострадать. Я никак не мог предположить, что люк больше не откроется! Я пытался, но он словно стал из живой материи, а живое мне не подвластно.

— Я вас не виню, я говорил. Понятно, так получилось, — пересилив себя, я похлопал его по плечу. Он мне не поверил. Более того, он прекрасно видел, что физически мне неприятен. Зомби повернулся и тихонько пошёл по коридору. Мне было искренне жаль его. Бедный «отмычка».

— Как вас зовут? — спросила Лиза.

— Николай.

— Но это имя для сантехника, а не для зодчего! — возмутилась Лиза.

— Я художник, — с достоинством ответил Коля большой.

— Не знаю, — усомнилась Лиза. — Вот раньше имена у художников были благозвучные. Например, Жрецу нравился Илья Глазунов. Илья, вот это хорошее имя для мастера!

— Но был ещё Николай Рерих, — сказал Коля.

— Рерих? — удивилась Лиза. — Ну, это же какой-то нерусский.

Коля промолчал. За спиной у Лизы, незаметно для неё, Антон делал успокаивающие жесты, дескать, ничего, ну, дура она, что с неё взять...

— Вы сделаете монумент, — сказала Лиза. — Здесь, на этом самом месте, месте нашей победы. Памятник величайшему из людей и магов.

— Бюст, ростовая фигура?

— Попробуйте мыслить шире! Уйдите от жанров, проявите творческий подход. Мне видится композиция в стилистике фигур с острова Пасхи. Не стремитесь передать

портретное сходство, это не так важно. Главное показать величие замыслов, масштаб личности, могучий интеллект и принцип беззаветного служения людям. Сможете?

— Смогу, — ответил обалдевший Коля. — Стилистика фигур острова Пасхи моя специальность. А кому монумент?

Лиза взглянула на него, как на полоумного.

— Жрецу, кому же ещё?

— Понятно. То есть само собой. Какой материал предпочитаете? Гранит, мрамор?

— Нет, это должно быть что-нибудь оригинальное, без могильных ассоциаций. Что-нибудь высокотехнологичное.

— Можно цемент с эпоксидной смолой смешать. Метеоустойчивый композит, оригинальная разработка моей мастерской. Сто лет простоит.

— Сто лет? Что ж, для начала это неплохо. Эскиз представите завтра. Приступайте.

Лиза развернулась и в сопровождении мушкетёров направилась к лагерю.

— Она нормальная? — спросил Коля у Антона.

— Уже сам не знаю. Она сильно изменилась в последнее время.

— Как вы терпите?

— Привыкли.

В зашифрованных записях Николаича в реферативной форме описывалась история создания и развития лаборатории по изучению Магии. Той самой, что когда-то заведовал Жрец. И были изложены выводы работы аналитического отдела, в котором работали родители Ярославны Шуйской. А выводы были поразительные.

Создание и использование пси-оружия в последней большой войне привели к необратимым изменениям ноосферы. Изменилась физическая структура материи. Вернее, физическую величину приобрели самые тонкие, эфирные энергии, не поддававшиеся раньше точным измерениям. Ментальное усилие можно было теперь измерить в джоулях, ньютонах и ваттах. Да хоть в лошадиных силах! Выходило, что в зависимости от внутреннего потенциала, человек мог исполнять любое своё желание. Это и была Магия.

Вот только желания у всех были разные и постоянное взаимное столкновение хотений, воли, стремлений, охот и мечт приводило к подавлению общей магической температуры. Точнее, вело к её невозрастанию. Удерживало на постоянном уровне. Потому что сила действия равна силе противодействия. Так произошло разделение на колдунов и волшебников. Они собирали, аккумулировали излишки Магии в виде эмоциональных выбросов, а без этого любой смог бы набрать такую Силу, что бытовой посыл к чёрту каждый раз создавал бы отдельный, локализованный в пространстве и времени мир с персональным дьяволом и адом для туда направленного. А ведь могли и в жопу послать. И не только...

Поэтому после отмены мной Магии возникла «точка Z». Куда происходил сброс нереализованной материально ментальной энергии. Потому что энтропия изолированной системы не может уменьшаться. Пресловутый второй закон термодинамики. И сейчас, после извлечения из хранилища большого количества магических артефактов эта система пошла в разнос. Потому что закон сохранения энергии тоже никто не отменял.

От всего этого у меня сделалась изжога и головная боль. Я бродил по Крепости и от избытка свободного времени очень натурально представлял себе мир, где все — все до одного! — маги безграничной Силы. Добрые и злые, радушные и завистливые, склочные и миролюбивые. Волки и овцы. Со своим персональным представлением о том, как всё должно быть ПРАВИЛЬНО. И ничего я не мог сделать, мне оставалось лишь наблюдать, как мир катится псу под хвост. Слабая надежда на то, что Яра сумеет добраться до «точки Z» раньше, чем о ней узнают Лиза или Лёня, вот всё, что мне оставалось. А про экспедицию Гэндальфа я тогда и не знал.

Установить магическую сигнализацию вокруг Крепости графиня не захотела. Вместо этого инспектору было поручено наладить несение караульной службы. Ребят из школы волшебников инспектор пожалел, не стал загонять в караулы, а поставил на посты ополченцев. Ополченцы тут же перепились. Поэтому Сергей без всякого труда незамеченным миновал оцепление и вышел в Зону. Зону, которую знал с детства, вырос в ней, которую чувствовал. И сразу понял, что за пару дней проведённых им в Крепости, Зона изменилась. И продолжала меняться на глазах.

Обычно серое предрассветное небо Зоны полыхало лиловыми зарницами. Дремлющие аномалии, расположение которых Сергей знал наизусть, активизировались, увеличивались в

размерах, начали перемещаться. Станным, необъяснимым образом менялся ландшафт. Очумевшее от таких катаклизмов зверьё металось, не обращая внимания на одинокого сталкера. Мутанты в жуткой тишине сбивались в стаи и неслись диким галопом то в одну, то в другую сторону. Чавканье копыт по вязкому грунту и хриплое дыхание звериных глоток жутким аккомпанементом сопровождало перерождение Зоны. А на холме, на фоне мерцающего неба, вырезанным силуэтом неподвижно стоял могучий тиранозавр и пособачьи выл на луну. Луна была красной.

Сергей, чтобы не быть затоптанным беснующимися мутантами, свернул в обход, вдоль Бумажного леса, мимо избышки зомби. Поэтому к Кузедеевке вышел со стороны железнодорожной насыпи и не застал отправление экспедиции Гэндальфа. Лишь подходя уже к «Питеру Таккерсу» он взглянул ещё раз на небесную свистопляску и заметил проплывающий на небольшой высоте дирижабль.

— Капец, — сказал Сергей. — Уже бегемоты в Зоне летают.

— Так не интересно, — сказала Лиза. — Война это канонада и крики «ура», и подвиги. И я должна вести вперёд своё войско. На белом коне. Александр, почему нет канонады?

— Потому что при первом же выстреле из пушки наши ополченцы драпанули на безопасное расстояние, — пояснил инспектор. — Из Крепости больше не стреляют, берегут снаряды.

— Не врите, — строго сказала Лиза. — Верные мне воины не бегают от опасности. Я видела, как рвались в бой мои ученики. И как вы их остановили.

— Воля ваша, но ребят я в бой не пушу. Лиза, ну их же поубивают!

— Не хамите!

Графиня встала с перины, потянулась. Бряцая элегантной кирасой, вышла из шатра. Мушкетёры отсалютовали шпагами ей и, менее торжественно, инспектору. Лиза, недовольно морща носик, огляделась. Несмотря на утреннюю прохладу, она обмахивалась ярким веером. Картина, открывшаяся взору блистательной графини, была безрадостной.

Бивуак доблестного войска напомнил ей цыганский табор. Лиза никогда не видела цыганский табор, но именно таким его себе представляла. Между расставленными вкривь и вкось повозками стояли кое-как натянутые походные палатки. Между походными палатками дымили сырыми дровами костры. Между кострами бродили полуодетые ополченцы. Между ополченцами сновали полураздетые девицы из стихийно возникшего обоза. Многие были если и не пьяны, то явно с похмелья. И над всем этим бардаком гордо возвышалась Крепость с реющими на шпильях флагами Высшего Волшебного Заведения. И воняло дымом и помойкой.

А в отдалении, на пригорке, закрытый пока строительными лесами уже возвышался монумент. Памятник Жрецу планировали торжественно открыть после капитуляции Крепости, но капитуляция откладывалась на неопределённое время, и Коля, не спеша, занимался отделочными работами.

Мало того, что вопреки ожиданиям графини осаждённые не собирались сдаваться, они предпринимали дерзкие вылазки, колотили ополченцев, отбирали оружие и провиант. По негласной договорённости огнестрельное оружие конфликтующие стороны пока не применяли, а в рукопашной тренированные бойцы гарнизона превосходили вчерашних фермеров и шахтёров.

— Александр, почему они все с опухшими рожами? Почему девки? Почему карты? Я

сама видела, не спорьте! Это, по-вашему, армия?

— Ваше сиятельство, невозможно поддерживать дисциплину, когда вместо энтузиазма наступает разочарование. Это же сброд! Они хотели быстрой и лёгкой победы. А приходится жить в грязи, терпеть побои и жрать просроченные консервы. У них у всех понос, между прочим. Если мы в ближайшее время не придумаем, как, сохранив лицо, вернуться в Столицу, они взбунтуются. Это я вам как психолог говорю.

— Вы плохой психолог. Если блядство нельзя запретить, его надо узаконить.

— Простите, что?

— Регламентировать. Людям надо устроить отдых. Праздник. Какие-нибудь соревнования. Спортивные состязания. У нас в интернате всегда были соревнования. И драмкружок.

— Драмкружок — это то, что нам сейчас просто необходимо, — уже нагеля, съязвил инспектор. И съёжился под внимательным взглядом графини.

— Объявите мой указ, — сказала она. — Мы проводим рыцарский турнир. С вином, маркитантками, менестрелями и трубадурами.

— Да откуда у нас рыцари? — простонал инспектор.

— Вот всех кто запишется на это... как его... ристалище — всех посвятим в рыцари. И отправьте вызов в Крепость. С парламентарями, как положено.

В гондоле дирижабля было жарко, тесно и пахло озоном. И перегретой изоляцией. Электродвигатели натужно гудели, проводка искрила, и пассажиры, те самые «иностранные специалисты» — поляк, белорус и крепкая старуха из Грузии, — тоскливо ожидали, когда вспыхнет пожар и пылающий водород весёлым факелом превратит летательный аппарат в падающий с высоты тлеющий мусор. Они продолжали работать с приборами, но вид имели бледный.

А вот два молодых парня, французы, напротив, радовались как дети и бойко перезаряжали пневматическую пушечку, которая выплёвывала через бойницу пластиковые снаряды в аномалии, засечённые детекторами. Болванка возбуждала активность заданного сектора, и, разглядывая полученные данные на мониторе сканера, французы возбуждённо чирикали на своём языке. Где Гэндальф добыл в экспедицию французов, оставалось загадкой.

Дверь во второй отсек, где располагались два клада сталкерской охраны, распахнулась, и, дыша перегаром, в кабину пилотов прошёл голый по пояс Чакра. Грузинка деликатно прикрыла нос ладошкой, а белорусский ксеногеолог завопил:

— Слушайте, это уже невыносимо! Может, есть возможность как-то наладить вентиляцию? Хотя бы откройте дверь!

— Пан ще помылил, — возразил поляк. — Спалить нас хотите? Дженкуе бардзо. Мы будем потерпеть.

— Почему спалить? — удивился вор. Он только что отобедал мясными консервами и был настроен благожелательно. Всё шло по плану, первые данные телеметрии уже обрабатывал портативный компьютер. Этим компьютером вор особенно гордился. За последние годы все уже основательно подзабыли, что это такое.

— Они боятся, что в оболочке загорится водород, — пояснила Яра. Её укачало в первые же часы полёта и сейчас мутило всё сильнее.

— Какой водород? — очень удивился вор. — У нас вакуумная оболочка. Сейчас

проветрим.

Придерживаясь за шпангоут и запинаясь о мешки с балластом, он прошёл к выходу и распахнул люк. Сделанный, как и вся обшивка, из материала, блокирующего Магию.

— Иль нё фо па! — успел крикнуть один из французов, и всех швырнуло на пол перегрузкой. Самого Гэндальфа чуть не вынесло в открытый люк. Он опрокинулся навзничь, с перекошенным лицом вцепился в решётку пайола. Дирижабль накренился и, подчиняясь возросшей силе тяжести, медленно терял высоту.

— Мы падаем? — спокойно спросила грузинка.

— Нон мадам, — успокоил её француз. — Мы мьедленно спускаться.

— Дидад гмадлобд, — поблагодарила грузинка, попыталась сесть прямо на полу, но тут же снова легла.

— Мы мьедленно спускаться прямо в аномалия! — прошипел второй француз вору в ухо. — Прямо в гравиконцентрат. В серьёдка!

Из кабины пилотов выполз Чакра. Он потёрся окровавленным лицом о деревянный пайол и сказал:

— У нас водила загнулся. Башкой в стекло врезался.

Тогда Яра встала на четвереньки и поползла в кабину. Ей было легче всех, она была маленькая и меньше весила. Ей надо было всего лишь уловить затухающую в активности Зоны ментальную сущность пилота и перенять навыки управления дирижаблем. Делов-то! Она же не только транслятор, но и трансформатор.

Родители Ярославны Шуйской согласились провести эксперимент над собственным ребёнком. Возможно, даже сами предложили использовать себя в качестве подопытных. Именно себя, так как эксперимент начался ещё до рождения Яры. Целей у эксперимента было несколько. И в этом месте конспект Николаича становился невнятен. Я понял только, что именно Яра стала первым ребёнком, у которого ещё до рождения определили будущее Умение. Более того, у меня сложилось впечатление, что это Умение не столько определили, как предопределили. Ни о чём подобном я раньше не слышал.

Оставалось совершенно непонятным, почему родители Яры, судя по всему, не последние люди в ведомстве Жреца, решили отдать дочь колдунам. Были, надо полагать, у них для этого веские основания. А когда поняли, что будут захвачены волшебниками, они что же? Взяли и бросили дочь на произвол судьбы? Фактически оставили умирать в болотах Заповедника? Я этого решительно не понимал. Но кроме предопределённого Умения ребёнку навесили ещё и уникальную способность, о которой Николаич узнал из собственного расследования. Об этом в записях говорилось вполне конкретно. Это было главное, что узнал Николаич. А теперь знал и я. И об этом обязательно должна была узнать Яра. Поэтому я и отправил к ней Сергея.

— Шаман без тебя занятия не начинается, велел привести, — Бобров стоял у меня за спиной и через плечо пытался читать конспект Николаича. Как он вошёл, я опять не услышал.

— Тема урока? — спросил я, свернув тетрадку и пряча её в карман.

— Вектор заклинания. Направленность магического воздействия и локальность применения, — отчеканил Костян. Было видно, что готовился.

Мы пошли в аудиторию. После перемирия, заключённого для подготовки к турниру, я стал если не любимым, то уж точно самым преданным учеником декана Высшего

Волшебного Заведения. Он заставлял меня присутствовать на всех лекциях и, особенно, на практических занятиях. Я так понимал, что Шаман форсирует учебный процесс, опасаясь, что Тюленичеву снова захочется поиграть в войнушку, и студенты разбегутся по крепостным стенам.

Реакция на наше появление случилась бурная. Аудитория взорвалась радостным смехом. Я, как мог незаметно, проверил молнию на джинсах. Нет, ширинка застёгнута. Чего это они?

— Входите Анатолий, — смущенно сказал Шаман. — Я поясню. Мы, видите ли, как раз разбираем конкретный пример неудачного применения значительного количества Силы одним юношей. Десять лет назад.

— Ну и нечего ржать, — зло ответил я. — Вас бы тогда на моё место. Я же вообще ничего не умел.

— Не сердитесь, пожалуйста, — сказала стоящая у доски девушка лет шестнадцати. — У нас это на первом курсе проходят. Смотрите, это совсем просто.

И она показала на написанные мелом формулы. Но я сам уже видел. Действительно, очень просто. Вот только если добавить ещё одну лемму из тетрадки у меня в кармане, следствия получаются страшенькие. Полностью подтверждающие выводы из той же тетради. Абсолютная Магия. Для каждого. Даром.

— Ты уверен, что это именно спасатели? — с сомнением спросил Сергей. — Они больше на бандитов смахивают.

Бармен недовольно поморщился и выбросил на прилавок пачку патронов 5,45.

— Бандиты и есть. Это мародёры в стаю сбились, когда я вознаграждение объявил за поиск экспедиции.

— Так и что они с той экспедицией сделают, когда найдут?

— Слушай, — разозлился бармен. — Мне Гэндальф поручил бабло на кон выкатить, если он в контрольное время на связь не выйдет. Десять монет, кстати, оставил! А что там дальше будет, меня не касается. Жрачку брать будешь?

— Тушёнки давай. Пять банок. Сухарей. Сгущенки две банки.

— Есть миноги маринованные.

— Давай миноги.

— Сотню бумажных готовь, — бармен повернулся и через плечо уже бросил: — Не тронут блатные ни Гэндальфа, ни его людей. В авторитете он.

Пока бармен ходил в подсобку, Сергей взял с прилавка рацию, потыкал настройку. На приёме рация шипела помехами, но иногда сквозь белый шум можно было расслышать приятный баритон. Это был известный феномен Зоны — на птичьем языке кто-то спокойно из года в год рассказывал что-то неведомому собеседнику. Ни дешифровать язык, на котором ведётся передача, ни определить источник сигнала не удалось до сих пор. Впрочем, в последние годы уже некому было заниматься дешифровкой. Не до того стало.

— Поклади где взял на место! — рыкнул бармен, появляясь из подсобки. К волосатой груди он нежно прижимал консервные банки.

— Это вор оставил? — спросил Сергей. — Продай.

Бармен грохнул консервы на прилавок и стал застёгивать рубашку. Так он размышлял.

— Ты какой себе маршрут наметил?

— От Кузедеевки до Бара я уже всё обшарил, никаких следов, — пожал плечами Сергей. — Значит, если живы, будут к Крепости выходить. Туда и пойду. Зигзагом.

— Вот, — довольно сказал бармен. — И по пути заглянешь в «Тополёк».

— На базу эльфов? — удивился Сергей. — Там десять лет как всё бурьяном заросло.

— Это сверху, — негромко сказал бармен. — А снизу, оказывается, есть система подземных ходов. Орки прокопали, собирались из-под земли на эльфов напасть, шухер им устроить. После всё это забросили. И вот в этих подземельях интересный артефакт завёлся. Принесёшь мне образец, я тебе и рацию подарю, и монет отсыплю.

— Конечно, — сразу согласился Сергей и, пока бармен не опомнился, быстро повесил рацию на пояс. Потом стал закидывать консервы в рюкзак и рассеянно спросил: — А какой артефакт тебе нужен?

— Да есть такой, — бармен перегнулся через прилавок и шёпотом сказал: — «Смерть-трава» называется.

— Возможно, это я виноват, что он стремительно превращается в идиота, — сказал Максим. — Вмешиваюсь в его сознание, заставляю принимать нужные мне решения. Раньше он был хоть и не великого ума, но вполне практичный, рассудительный человек. А теперь совершает глупости на грани безумия. Открыть брешь в защите вакуумного дирижабля, когда они находились прямо над гравиконцентратом! Над аномалией, только что возмущённой выстрелом бомбозонда!!

— Я не совсем понимаю, — сказал Владимир, отталкиваясь шестом. Он гнал плот сквозь густой туман в надежде наткнуться если не на берег, то хотя бы на какой-нибудь остров. — Не знаю вашей терминологии.

— Гравиконцентрат — это участок с повышенной гравитацией, — пояснила Ольга. — Как и все аномалии, он порождает артефакты с обратными свойствами. «Колба» снижает вес переносимых предметов. Но если её закинуть обратно в аномалию, сила тяжести в радиусе гравиконцентрата многократно увеличивается. Предположительно из-за того, что внутри «колбы» — вакуум.

— То есть когда он открыл дверь...

— Сила тяжести над аномалией превысила подъёмную силу дирижабля, — продолжила Наташа. — Их просто засосало.

— Их бы засосало, если бы не девочка, — сказал Максим. — Из двух десятков мужиков она одна не растерялась и сообразила, что делать. Правда, я ей немного помог.

— Взял её под контроль? — с интересом спросил Владимир.

— Нет, просто подсказал, как управлять этой бандурой. Она оказалась очень восприимчива к ментальному контакту. Но сейчас они нуждаются в реальной помощи, у них раненых некому тащить.

— Давайте со своими проблемами разбираться, — сказала Ольга. — Мы уже сутки не можем никуда причалить. И всё время туман...

Плот вошёл в заросли камыша. Владимир устало воткнул шест в илистое дно и присел передохнуть. Наташа налила ему кофе из термоса.

— А пирожки уже кончились, — сказала она.

— Хорошо, что они вообще у нас были, — сказала Ольга.

— Никто не знал, — сказал Владимир.

Никто не знал, что собравшись покататься на плотике, они окажутся в безбрежном море, возникшем внезапно на месте маленького уютного озера.

— Хорошо хоть вода пресная, — сказала Наташа. — Кофе совсем не осталось.

Максим ничего не ответил. Он знал, что вода солёная.

— Почему ты больше не можешь управлять локацией? У тебя же получалось! — с ноткой истерики спросила Ольга.

— Потому что слишком много сил потратил, спасая девчонку, — тоже не сдерживаясь ответил Максим. — Я не демиург! Этот кусочек мира я извлекал из подсознания десять лет, годами обустроивал, продумывал детали, цвета, запахи... Но я не смог быть и там и здесь одновременно!

— Да за каким чёртом ты её вообще спасал?! Когда мы сами вляпались в такое дерьмо!

— Она одна сможет нас вытащить отсюда. Не знаю как, но точно знаю, что сможет. А мне тут, знаете ли, уже надоело. Но это не главное.

— Что же ещё? — Ольга уже пошла в разнос, и Владимир попытался обнять её за плечи, но она вырвалась.

— Если в ближайшее время не открыть подвал и не успокоить оживающую Зону всем запасом накопившейся здесь Энергии, то нам и вправду лучше будет остаться здесь навсегда. Потому что внешний мир будет скоро уничтожен избытком Магии.

Они молчали, сидя на отяжелевшем плотике, отвернувшись друг от друга. Вода хлопала между раскисшими брёвнышками, поднимался ветер. В свинцовых сумерках невозможно было понять день сейчас или лунная ночь.

— Нельзя сдаваться, — сказала Наташа. Максим хмыкнул. Владимир печально взглянул на Наташу и спросил:

— А что ты предлагаешь?

— У Максима не осталось Силы, чтобы поддерживать созданную им локацию. Давайте поможем ему.

— Как ты это себе представляешь? — зло спросила Ольга.

— Я представляю, что мы перестанем уповать на его весьма ограниченные возможности, перестанем лаяться и сами, дружно, попытаемся создать свою локацию. На одну-то у нас должно силы хватить!

Какое-то время все переваривали сказанное Наташей. Потом Владимир спросил у Максима:

— Это сработает?

— Может быть, — задумчиво ответил тот. — А может быть, и нет. Но попробовать нам никто не мешает.

Он встал на опасно раскачивающемся плоту, огляделся.

— Сделаем проще. Не придумывайте новую локацию. Придумайте ориентир. Вон в том примерно направлении. Я не знаю — маяк, путеводную звезду, да хоть лунную дорожку! Которая приведёт нас обратно прямо в подвал с кристаллами. Должно получиться.

Он снова уселся, подумал секунду и лёг. Закрыв глаза.

— А я вам мешать не буду. Я лучше за Гэндальфом буду приглядывать. Что-то он совсем дурачком без меня становится. А вы не тяните, прямо сейчас и приступайте.

Одиннадцатая глава

Сначала вор не мог понять, почему мимо его лица через равные промежутки времени проползает мокрая трава, каждый раз обдавая его прохладными брызгами. Потом сообразил, что это он сам двигается. Лёжа мордой вбок на куске сырого брезента. Это его тащат, сообразил он. Капельки воды на лице были невероятно приятными, они остужали горящее лицо. Но гораздо сильнее полыхали болью ноги. Чтобы остудить их, прохладной водички было мало, нужен был лёд. А лучше новокаин.

Застонав, вор поднял глаза и увидел девочку-подростка с закушенной от напряжения губой. Вцепившись в разлохмаченный край грубой ткани, она шаг за шагом, спиной вперёд продвигалась по бескрайней Зоне. Она глянула на него с неприкрытой ненавистью. В эту секунду она так обессилела, что предпочла бы, чтобы он умер. Лишь бы не мучится так больше. Но живого бросить не могла.

Гэндальф вспомнил, как десять лет назад они вместе с Владимиром так же тащили по болоту умирающего волшебника. Но тогда их было двоездоровых мужиков. А сейчас его волокла, надрываясь, маленькая девочка. Грязная, со следами ожогов на лице. В голове у вора всё перепуталось, он понимал — кто он, где находится, но зачем здесь оказался — не помнил.

— С нами были ещё люди, — прохрипел он. — Где они? Живы?

Яра выпустила брезент и повалилась навзничь. Несколько минут она не могла произнести ни слова, хватала ртом холодный воздух. С трудом отдышавшись, она на четвереньках подползала к вору, в ногах у него, как попало забинтованных, нашла флягу, жадно напилась.

— Сильно ты, видать, головой треснулся, — она передала флягу Гэндальфу. — Все живы. Кроме пилота. В аномалии сидят.

— Как это в аномалии?

— А вот так. Дирижабль развалился, их оболочкой как куполом накрыло. Под ним сила тяжести нормальная, а выйти не могут — гравитация раздавит.

— А мы как вышли?

— А нас при падении с куском гондолы в сторону отбросило. По самому краю аномалии срикошетили.

— Что у меня с ногами?

— Открытые переломы. Ты кричал сильно, потом затих, — она отобрала у вора флягу, завинтила крышку. — Теперь вот гуляю с тобой.

— Давно?

— Не знаю. Часа четыре. А может, минут сорок. Или четыре дня. Я не знаю, здесь, по моему, не только с пространством, но и со временем какая-то фигня происходит. Но, в любом случае, у тебя гангрена скоро начнётся. Так что думай, как нам выбираться.

— А куда мы летели? — спросил вор.

— Так, — сказала Яра. — Так-так-так. Вот что. Мы Зону исследовали. Ты руководил научной экспедицией. Это ты помнишь?

— Помню, — неуверенно сказал вор.

— А что ещё?

— Нас будут искать. Но не здесь.

— А откуда ты знаешь, что мы «здесь», а не «там»? Где мы вообще находимся? Я, честно сказать, наугад шла. Лишь бы подальше от радиации. Там фонило не по-детски. Вообще страшно было. Небо полыхает, мутанты орут, динозавры какие-то бегают... Мы кстати, без оружия.

Вор прикрыл глаза и попытался сосредоточиться. Мысли уже пришли в порядок. Видимо, от выпитой воды полегчало, думал он. Воспоминания, впрочем, так полностью и не вернулись. Зато в глубине души появилась уверенность, что всё будет в порядке, прояснился план действий. И заметно утихла боль в ногах.

— Ты почти правильно взяла направление, — сказал он. — Дальше надо немного левее. Видишь: впереди большое поле, за ним лес? Нам туда.

— Откуда ты знаешь? — спросила Яра. Ей было уже наплевать, в каком направлении двигаться. Лишь бы хоть на минутку ещё оттянуть ужасный момент, когда придётся сломанными ногтями вцепиться в мокрый холодный брезент и тащить, тащить.

— Не спорь со мной, — строго сказал Гэндальф. — Я руководитель экспедиции, учёный. Я знаю дорогу. Держи азимут, как я сказал, и мы скоро выберемся.

— О да, господин учёный, — сказала Яра. — Я готова выполнить ваше распоряжение. Но боюсь, они будут против.

— Кто? — удивился вор.

— Они, — и Яра показала рукой на стаю псов-мутантов. Они не спеша бежали на людей как раз со стороны Бумажного леса.

Счастливым людям было плохо. Они ворочались, вскрикивали во сне, роняли из рук кристаллы. Некоторые просыпались, озирались в сумраке подвала невидящими глазами, шарили дрожащими руками вокруг себя, подхватывали первый попавшийся артефакт и снова пытались заснуть. Но уже не спалось как раньше, счастливо и безмятежно. Они чувствовали, как счастье становится чужим, непослушным. Утекает, обретает форму, становится тугим и не податливым. Это было обидно до слёз и уже не хотелось находиться в этом месте, где всё стало злым, холодным и где теперь никогда не будет так хорошо как раньше. А им больше всего хотелось, чтобы было как раньше, сладко и упоительно спокойно.

Воздух в подвале искрился Энергией, был уже вязким, густым, они задыхались. Наконец, кто-то поднялся, пошатываясь, добрёл до лестницы. Закинув лицо вверх, полуослепшими глазами разглядел запертый люк.

— Выпустите нас, — прошептал он. Остальные услышали его, подхватили.

— Выпустите нас, выпустите! Мы не хотим здесь!!

Они орали, хрипели, стонали, а в самом дальнем углу рыдающая женщина причитала:

— Ярочка, доченька, выпусти нас, мы здесь больше не можем.

— Беспорядок у вас, нехорошо, — сказал комендант. Эти слова дались ему с трудом, он меня боялся. Ждал, что я припомню времена, когда он был вампиром и директором интерната. — Мы студентов ругаем, а вы человек взрослый, с положением. Известный, можно сказать. Опять же, бутылки у вас.

Я взглянул на него, даже не пытаясь подняться с койки, на которой лежал прямо в кроссовках. Комендант попятился и, уже прикрывая за собой дверь, пробормотал:

— Дурной пример подаёте...

Я повернулся на другой бок и стал смотреть в стену. Мне было всё равно. И голова

болела.

— А чего ты, и вправду, такой срочь развёл? — возмутился Бобров.

Он был прав. Я ни разу не делал уборки в комнатке студенческого общежития, куда меня поселил Тюленичев. Стёпа с Бобровым жили в казарме. Я бы тоже лучше жил в казарме. Там дневальные пол моют.

— Делать ему нечего, — сказал я. — Ходит и ходит.

— У него, между прочим, работа такая. Ходить, смотреть. А вот ты скоро передвигаться совсем разучишься. Под себя какать начнёшь. Занятия пропускаешь. Не брит, не мыт, похмелен. Девушку обидел.

— Какую девушку? — спросил я, снова поворачиваясь.

— Машу, — сказал Бобров. — Её вчера Шаман за тобой посылал. Вернулась заплаканная.

— Не помню. Не знаю никакой Маши. А что я ей сказал?

— Уж не знаю, что ты сказал, а только расстроилась она очень сильно.

— Симпатичная?

— Просто красавица. Это, которая тебе на доске мелом рисовала.

— А, — сказал я. — Дай водички.

Бобров сидел на табуретке, уперев кулаки в колени, и с неприязнью меня разглядывал. Тогда я сделал пасс, и графин с водой со стола плавно перелетел ко мне в руки.

— Ух ты! — ехидно восхитился Бобров. — Великий маг и волшебник! Все Силу по капельке собирают, берегут, а он левитацией балуется.

— Ничего, — выхлебав пол графина и отдуваясь, ответил я. — Скоро все начнут...

— Что?

— Ничего. Ты лучше скажи, чего Шаман ко мне привязался? Учит он меня, учит... Чаепития у них. Я не дурак, я понял, что Шаман с Сергеем переворот в Крепости готовят. Даже зомби на свою сторону приманили. Что они ему пообещали, интересно? Вернуть человеческий облик? Оживить?

— Оживить зомби, насколько мне известно, ещё никому не удавалось. Они уже и есть — ожившие, но мертвецы.

Бобров забавлялся, а я злился всё сильнее. Аргументов я не слышал.

— А тебе они что поручили? Меня завербовать? Так ничего у вас не выйдет. Пока Лёня мне обещанный телепорт для всей семьи не откроет, я против него не пойду. А потом когда умою отсюда, вы тут хоть восстания устраивайте, хоть путчи с мятежами и бунтами.

Я выговорился и затих. А Костян тоже молчал и смотрел на меня как-то странно. И тут меня словно обухом по больной голове ударило. Ему-то здесь оставаться. У него же Маринка, близнецы! Вот и устраивается человек как может. Его дело, в конце концов, куда я лезу? Мне стало неловко. Такие вещи нельзя затягивать, надо объясниться сразу.

— Слушай, Костя. Я тебя понимаю, и ничего Тюленичеву не скажу. Но и ты меня пойми. У меня семья.

Чёрт, у него же тоже семья, подумал я. Как же из всего этого выпутаться?! И тогда я заметил, что Бобров прямо-таки давится от хохота. Лицо у меня сделалось, видимо, совсем глупым и, не сдержавшись, он заржал.

— Всё-таки ты отвратительно разбираешься в людях, — сказал Бобров отсмеявшись. — Сергей служака, силовик, какой из него заговорщик? Пукнуть Лёне в карман — да, он может, но заговор? Да, он же из Крепости сбежал не столько, чтобы твоё дурацкое

поручение выполнить, сколько от понимания, что если останется здесь, ему, возможно, завтра придётся в бою со своими парнями столкнуться. А этого он, сам понимаешь, совсем не хочет. А Шаман недоволен, конечно, что Тюленичев его на вторые роли задвинул, идеологией своей мозг студентам промывает. Поэтому брюзжит. Но, по большому счёту, его всё устраивает. Он же за эти годы стал академическим учёным, ему нужны ученики, исследования, научный план, вся эта байда. А тут он, такой, свергает Лёню и ему на следующий день надо думать, чем эту ораву кормить, как им триппер лечить, где ихнии подштанники стирать...

— А зомби? — я решил не сдаваться.

— А зомби ты просто терпеть не можешь. У тебя к нему физиологическая неприязнь.

— Всё равно, — сказал я. — Сам подумай. Если у Тюленичева столько лет был агент среди волшебников, почему не предположить, что в Крепости до сих пор действует агент Николаича?

— Зомби — агент? Я смеяться больше не могу.

— Нет, не зомби, конечно. Но, кто-то обязательно есть. И он бы нам очень пригодился.

— Нам? — Костян прищурился. — Когда ты у Лёни телепорт выпрашивал, ты не думал о «нас», ты думал о себе.

Он встал и вышел, хлопнув дверью. Ч-ч-чёрт, всё-таки он обиделся.

Инспектор проявил чудеса дипломатии, договариваясь с Тюленичевым о предстоящем турнире. Сначала Леонид Сергеевич и слышать не хотел о перемирии. Потом не хотел общаться с инспектором, требовал на переговоры саму графиню. Инспектору пришлось наврать, что дама, дескать, туда-сюда, недомогает. В результате длительных прений стороны пришли к консенсусу и выработали следующие условия: драться без магии, обойтись без смертоубийства, главным арбитром назначить зомби.

— Ему терять нечего и подкупить сложно, — сказал Тюленичев.

— И запугать нельзя, уже мёртвый, — согласился инспектор.

— Побольше бы нам таких судей, — вздохнул Тюленичев.

В случае победы волшебников Крепость признавала вассальную зависимость от графини Оторвановской, передавала ей половину имеющейся в наличии Энергии. В Высшем Волшебном Заведении преподавание не прекращалось, но учебный план корректировался лично графиней. У монумента Жрецу, силами гарнизона Крепости, назначался постоянный почётный караул.

Если же волшебники проигрывали, вся территория Заповедника объявлялась суверенным государством с собственными флагом, гимном, гербом и со столицей в Крепости. Треть имеющейся Силы графиня передавала Тюленичеву. Монумент Жрецу демонтировался. Снималось заклятие с мушкетёров. Самое забавное — в пылу полемики высокие договаривающиеся стороны даже не вспомнили, что поводом для объявления войны послужил зомби. На него всем стало наплевать после того, как он утратил способность открывать проход в подвал с синими кристаллами.

— А с вами приятно иметь дело, — констатировал Тюленичев. — Печально, что знакомиться приходится при конфликтной ситуации.

— Мы с вами люди, на своём веку многое повидавшие, — доверительно понизил голос инспектор. — Знаем, сколь часто вчерашние противники становятся союзниками.

— Было бы против кого дружить, — задумчиво согласился Лёня.

— Рад, искренне рад, встретить единомышленника — в столь сложное для родины время! — и инспектор с чувством пожал руку главе Организации Желанного Будущего.

— Может связать его? — сказала Ольга.

— Чем? — толкая плот шестом, спросил Владимир.

— Не надо никого связывать, — испугалась Наташа. — Он уже почти успокоился.

Максим дёргал ногами и громко стонал. Глаза у него закатились, по лицу стекали крупные капли пота. Наташа смочила платок и положила Максиму на лоб.

— Ты его придерживай хоть немного, а то перевернёмся, — сказал Владимир.

— Я придерживаю.

Она, и правда, как могла, сколько силы хватало, пыталась смягчить особенно опасные рывки Максима, но в того словно бес вселился. Он шарил рукой по брёвнам, скрёб по ним пальцами. Он ругался и угрожал кому-то, а один раз даже плюнул.

— Ты на него очень уж отвлекаешься, звёздочка твоя почти не горит, — сказала Ольга.

— Ничего, я отлично вижу. Лучше за своей лунной дорожкой следи, — заступился за Наташу Владимир. — Мы отлично держим направление.

— Азимут! — выкрикнул Максим.

— Да, азимут, — усмехнулся Владимир.

Он давно уже понял, что само по себе направление, по которому они движутся, не так важно. Поначалу всё шло отлично. Наташа зажгла путеводную звезду, Ольга создала на водной глади сверкающую золотом дорожку, а он сам превратил плот в небольшую яхту под белоснежными парусами. Вскоре туман рассеялся и показался знакомый берег с серой хрущёвкой и запущенной детской площадкой. Но потом с Максимом стало твориться непонятное, и они завязли. Яхта снова стала шатким плотиком, а берег не приближался, сколько Владимир ни толкался шестом.

Тогда он вспомнил, что Максим рассказывал о работе подсознания в этой, подсознанием же созданной, локации. И просто стал хотеть. Очень сильно хотеть причалить, наконец, к этому желанному, уже почти родному берегу. Хотеть даже сильнее, чем толкался шестом. А шестом он толкался изо всех сил. Он закрывал глаза и представлял, что берег становится ближе. И когда открывал, видел, что они действительно понемногу продвигаются. Но он помнил и сказанные Максимом слова: «подсознание — жуткая вещь».

Владимир вгляделся в приближающийся берег и весело спросил:

— Скажите, а кто в детстве волков боялся?

— Ой, я страшно боялась, — скала Наташа. — Меня старшие девчонки пугали, что придут из Зоны волки и съедят. Почему-то этих неведомых волков боялись больше, чем мутантов. А ведь даже на картинках не видели, как они выглядят.

— А вон посмотри, если хочешь, — сказал Владимир и показал на берег. Там сидели волки. Очень большие и страшные. Наташа тихонько взвизгнула.

— А ну, слушай меня! — рявкнул Владимир. — Это тебе только кажется! Поняла? Нет их на самом деле.

— Только кажется, — дрожащим голосом согласилась Наташа. На берег она больше не смотрела.

— Если не будешь бояться, они просто исчезнут, — уже мягче, уговаривая, сказал Владимир. — Не бойсь, девки, проскочим!!

Он вцепился в шест и мощно направил плотик к берегу. А Максим сказал:

— Глюк умиротворённой совести, — и заскрипел зубами.

Собаки Зоны не спешили нападать, выжидали. Вожак, крупный, с заросшими бельмами глазами и торчащими из пасти в разные стороны клыками, стоял метрах в десяти, склонив голову к плечу. Казалось, он размышлял. А десяток псов повизгивая, носились кругами, как будто ожидая команды к нападению.

— Нож хотя бы есть у нас? — с тоской спросил вор.

— Нет, — ответила Яра. — Я футболку на бинты тебе зубами рвала.

Она вытянула из травы не палку даже, а толстый раскисший прут. Перехватила его двумя руками и что есть силы хлестанула по земле. Псы, испугавшись громкого хлопка, отпрыгнули, но потом сразу прыжком сократили расстояние. Теперь они были совсем рядом, чувствовался смрад их дыхания, вонь гнилых шкур. Вор дёрнулся, и боль в ногах ударила, лишила его остатков самообладания.

— Суки! — заорал он. — Ну, подходите, падлы, зубами порву!!

Матерясь, он принялся рвать руками мокрый дёрн и швырять в собак комки грязи, пучки жухлой травы... Яра крутила над головой своим прутом, готовясь из оставшихся у неё капелек Магии в последний момент поставить защитный барьер. Вожак стаи, словно забавляясь, медленно приближался к обречённым.

— ...а, пасскуды!! — прохрипел вор и из последних сил плюнул тому в морду. И попал. Пес оскалился, зарычал.

Яра снова хлестнула прутом, и собаки кинулись. Сразу ударила автоматная очередь. Передние зверюги повалились в кучу, погибшие преградили путь ещё живым, а пули рвали тела мутантов, забрызгивая собачьей кровью Гэндальфа, который всё швырялся в нападавших грязью. Вожак стаи, как все вожаки, оказался сообразительней своих подопечных и попытался удрать. Короткая очередь пробила его уродливое тело, вырвала куски вонючей шкуры. Пес ткнулся оскаленной мордой в землю Зоны и затих.

— А-а-а, а, ссуки! — всё орал Гэндальф, но Яра уже высматривала неведомого стрелка.

Он вышел из зарослей мутировавшего шиповника и, волоча автомат за ремень, шатаясь, подошёл к только что спасённым им людям, и упал. Яра подбежала, присела рядом, вглядываясь в лицо сталкера.

— Назад! — прохрипел он. — Отойти от меня. Прочь!

Он даже замахнулся на неё, и Яра отодвинулась.

— Не приближайся ко мне, заразишься, — с трудом проговорил Сергей. Выглядел он скверно. Кожа почернела и обтягивала кости лица, он очень сильно похудел. — Я плохо вижу. Ты Яра? Ярославна Шуйская?

— Да.

— Тебе велено передать: «Ты — ключ».

Сергей достал из-под клапана бронежилета контейнер повышенной защиты, бросил перед Ярой.

— Это отдай бармену. Пусть сдохнет. Сама не открывай. Там смерть.

Он устало выдохнул и умер.

— Ключ? Какой ключ? — спросила Яра.

— А я знаю, — сказал вор.

Романтика революции быстро закончилась, начинались будни политики.

Противостояние Лизы и Лёни закончилось ничем, оба понимали, что в сложившейся ситуации надо как-то договариваться. Придуманый графиней турнир давал всем возможность разойтись, не потеряв лицо. Поэтому памятник Жрецу решили открыть без помпы, не дожидаясь окончательной победы, которая откладывалась на неопределённый срок.

Когда разобрали строительные леса, изумлённым взорам публики предстал серый монолит, в оплывших формах которого угадывалось лицо, лишь отдалённо напоминающее растиражированное изображение Жреца. Поджатые губы, мясистый приплюснутый нос, пронзительные глаза под нависшими бровями, мощный череп мыслителя... Вроде бы он. А вроде бы и нет.

— А что это за иероглифы? — спросила Лиза.

— Это на шумерском — «Сделано в прошлом», — ответил Коля большой.

— Полисемично, — одобрил инспектор.

— Ну... да, — Лиза похлопала длинными ресницами. — Припоминаю. Где-то я уже видела этот шрифт. А почему на шумерском?

— Древнейший язык, древнейшая письменность. Преемственность... Символ! — строго сказал Коля.

— Хорошо, — решила Лиза. — Вам заплатят. Вы назначаетесь придворным художником. Только возьмите псевдоним. Что-нибудь поэтическое. Например, Рафаэль... или скажем, Луночарский.

И, оставив очумевшего Колю, графиня продолжила дефилировать. В лагере полным ходом шла подготовка к турниру. Лиза осмотрела только что натянутые цветастые шатры, прошла по гаревой дорожке для конных поединков, велела укрепить ограждение ристалища. Ей категорически не понравились дощатые сортиры, возведённые в ожидании наплыва большого количества зрителей. Велела покрасить и перенести подальше. Эстраду покрыть тентом на случай дождя. И, вообще, быстрее, быстрее...

А с крепостной стены на всю эту суету любовались Стёпа и Бобров.

— Ты хоть понял, кому Колька памятник отгрохал? — спросил Бобров.

— Конечно, я сразу узнал, — ответил Стёпа. — Это Юрий. Безусловно, Николай гениальный художник. В одном образе совместить лица разных людей, причем оба узнаваемы!

— И каждый увидит того, кого хочет видеть, — закончил Бобров.

— Не туда смотрите, — сказал Окунь. — Обратите внимание на иероглифы внизу постамента.

— Не слепые, без тебя разглядели, — Бобров сплюнул вниз. Хотел попасть в паренька-волшебника, который под стенами Крепости устанавливал мортирки для праздничного фейерверка, но промазал. Парень задрал голову и показал Боброву кулак. С его головы свалился дурацкий кивер.

— Это персональный код Николаича, — сказал Окунь. — Там зашифрованы координаты «точки Z». Места, где образуется Магия. Откуда Энергия Силы растекается по планете.

— Ишь ты, — сказал Бобров, прицеливаясь плюнуть ещё раз.

— Подожди, — заинтересовался Стёпа. — Как это? Разве не в наших эмоциях источник Силы?

— Разность потенциалов, понимаешь? Как электрический ток. Одно невозможно без

другого. А «точка Z» закупорена несколько лет и там скопилось очень много Энергии. И здесь её не меньше, потому что люди из-за меня потеряли способность использовать Магию.

— Поэтому Зона оживает, — резюмировал Стёпа. — Избыток потенциальной энергии.

— А ты знаешь, что происходит, если энергия превышает ёмкость конденсатора?

— Насколько я помню, — медленно сказал Стёпа, — пробой диэлектрика приводит к короткому замыканию.

— Вот и представь себе короткое замыкание планетарного масштаба, — прошептал Окунь.

Владимир упёрся шестом в песчаный берег, стараясь причалить как можно мягче, чтобы не потревожить Максима. Тиранозавр сразу сунулся навстречу, потянулся к Наташе, заурчал.

— Хороший у тебя друг, надёжный, — сказал Владимир, обходя зверюгу. — Второй раз тебя спасает.

— Этот не настоящий, — грустно сказала Наташа, поглаживая шипастую морду. — Вы разве не видели? Он из волков сделался. То есть, волки в него превратились.

Тиранозавр обиделся, перестал урчать, отошёл от них и стал вылизываться как кошка.

— Какая разница? Настоящий он, не настоящий — бежать отсюда надо! — воскликнула Ольга.

Она осторожно провела рукой по лицу Максима. Он выглядел намного лучше, не стонал, не метался. Казалось, он крепко спит.

— Давайте как-то понесём его, что ли, — сказала Ольга. — Он говорил, нам в подвал надо пробираться.

— А где здесь подвал? — спросила Наташа.

— Подвал, Наташенька, есть в любом здании, — сказал Владимир. Он поглядел на выступавшую из тумана пятиэтажку. Недалеко, но всё время в гору. — А ты не сможешь уговорить своего дракончика поработать вьючным животным?

— Сам ты животное, — сказал тиранозавр. Они оглянулись и увидели Жреца. Он стоял на берегу в ослепительно-белых одеждах, величественный и неприступный в коконе силового поля.

— Нет, ну кому понадобилось эту мразь вспоминать? — спросила Ольга. — Опять ты, Наташенька.

— Боюсь, на этот раз, кажется, я, — признался Владимир.

— Лезьте обратно в воду, — сказал Жрец. — Это мой берег. Здесь место только для счастливых людей.

— А мы будем счастливые, — сказала Наташа. — Если ты нас пропустишь. Ты же хотел всех осчастливить, так не противоречь себе.

Жрец задумался, а потом захохотал.

— Вы недостойны счастья, — сказал он.

— А что так? — спросил Владимир.

— Ты имел редчайшее Умение, но вместо того, чтобы помогать мне, служить людям, ты глупо упорствовал в своих заблуждениях. Мне даже пришлось тебя изолировать от общества, если помнишь, — сказал Жрец. — Девчонка помогала моему врагу, влюбилась в него, вышла замуж. Ольга пыталась мне помочь, но лишь после того, как её к этому принудили. Короче, беспокойная вы семейка. Поэтому полезайте обратно на плот и плавайте, плавайте... И этого с собой возьмите, — Жрец указала на Максима. — Надоел.

— И как долго нам плавать? — спросила Наташа.

— Вечно, — как маленькой объяснил ей Жрец. — Счастья я вам не обещаю, но покой гарантирую.

А ведь и правда, подумал Владимир. Кто сказал, что мы достойны счастья? А покой — это хорошо, это то, к чему я так долго стремился. И Наташа подумала — покой это же и есть счастье. И они стали потихоньку пятиться к воде. Но тут вмешалась Ольга.

— Это я недостойна?! Ах ты падаль! Ты у меня сначала мужа отнял, потом ребёнка, потом из меня тряпку сделал — и я же теперь недостойна?! Я тебя упыря при жизни не боялась, думаешь сейчас мне мозги засрать? Да пошёл ты!

Она ругалась, орала на величественный образ, не выбирая выражений. Сжала кулаки и, уже перейдя на визг, уже доведя себя до истерики, наступала на этого ненавистного ей человека, на всё, что он воплощал, на все свои беды, на неудачное прошлое. Наташа с Владимиром встрепенулись, сбросили наваждение, подошли к Ольге, взяли за руки. И Жрец дрогнул. Сначала исчезло мерцание силового поля, потом он сам, с удивлением на лице, начал таять, деформироваться, руки и ноги на миг превратились в жуткие звериные лапы, вместо лица мелькнула волчья морда. Он исчез.

А на берегу осталась рыдающая женщина. Её успокаивали два близких, родных человека, и сквозь слёзы она уже улыбалась. И думала, что может быть сейчас был самый счастливый момент в её жизни.

Двенадцатая глава

Участвовать в турнире я сразу отказался. Тюленичев поскрипел, побряхтел, но отстал, не стал настаивать. Другое дело позаниматься с ребятами, поднатаскать их в рукопашке. Это я умел и любил. Выбрал десяток самых толковых парней, которые уже прошли обучение у Боброва, и стал с ними заниматься.

Основные приёмы владения мечом и шпагой они уже знали, но я каждому, в зависимости от физических данных, ставил удар, показывал выпады и отскоки. Труднее всего было заставить их приучиться работать как на высоких, так и низких линиях.

— Мы готовимся не к бою, а к спортивным состязаниям, — говорил я. — Поэтому колите мечом, как шпагой. Такой удар малоэффективен, но противнику труднее его парировать, а судья засчитает.

Хорошие результаты показывала Маша. Сначала я не хотел брать её в команду, она даже снова плакала. Но после я отметил, что у девчонки длинные руки и молниеносная реакция. Теперь я занимался с ней индивидуально, показывал финты и удары ногами. За этим занятием и застал нас комендант.

— Не буду мешать, — с мерзкой улыбочкой буркнул он и прикрыл дверь. Маша покраснела. Я отпустил её ногу, которую держал у себя на плече, и выскочил из комнаты.

— Эй, вы! — я схватил коменданта за плечо, развернул. — Вас стучаться не учили?

— Извиняюсь, никак не ожидал вас застать, — он искренне раскаивался. — Вы обычно в это время на плацу тренируетесь.

— Приличные люди говорят не «извиняюсь», а «извините», — меня распирало от злости. — Что вы вообще забыли у меня в комнате?

— По обязанности, исключительно по служебной обязанности, — он молитвенно сложил ручки на груди. — Обход.

— Попрошу мою комнату навсегда исключить из вашего обхода!

— Как вам будет угодно. Но и я, в таком случае, складываю с себя всякую ответственность.

И, преисполненный негодования, он удалился.

— Что ты к нему цепляешься? — спросил Бобров. Он как раз поднимался по лестнице и видел всю сцену.

— Бесит меня. Вынюхивает, высматривает...

— Я же тебе говорил — это его работа.

— Не понимаю я такой работы. Он что, Лёне каждый день отчитывается о состоянии вверенной ему территории?

— Лёне? — удивился Бобров. — Да причём здесь Лёня?

— А кто? Не понимаю.

Боров внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Потому что, ты всегда делаешь неверные выводы из правильных предположений. Сам же мне рассказывал, что логично, если в Крепости есть агенты, интересующиеся делами новой общественной элиты.

— Ну.

Бобров даже забряхтел от моей тупости.

— На постаменте, выбиты зашифрованные координаты секретнейшего объекта.

Очевидно, что это послание. Кому?

— Мне.

— Определённо, у тебя мания величия. А если всё же не тебе?

— Но этот шифр известен только мне. И Николаичу. Был известен.

— А кому ещё может быть известен шифр, который придумал ученик интерната?

Которым ты писал записки одной девочке. Которая потом стала доверенным лицом Жреца. И кто там ещё возле крутился?

— Директор интерната, — прошептал я. — Который стал комендантом.

— Ну, наконец-то.

— Всё равно не понимаю, зачем агентам покойного Николаича сообщать коменданту секретные сведения.

— А если это агенты, но не Николаича?

— А чьи?

— Да хоть чьи.

И Бобров, насвистывая, пошёл по коридору. Из комнаты выглянула Маша.

— Мы ещё будем заниматься? — спросила она.

— Нет, на сегодня хватит.

Она попрощалась и ушла, а я так и стоял в коридоре, поражённый. Я вспомнил, что мне напоминал мягкий, бархатистый говорок коменданта. Мне не часто доводилось слушать рацию, но спутать было нельзя — это его голос звучал на всю Зону в радиоэфире, это он вёл передачу на неведомом языке. Да, с чего же, неведомом, одёрнул я себя. Это всё тот же шифр, прочитанный вслух!

Непонятно как, но вор шёл сам. После драки с собаками, он впал в состояние, похожее на транс. Поднялся с брезента и, пошатываясь, на подламывающихся ногах, сделал шаг, другой... Это было так страшно, что Яра старалась не смотреть в его сторону.

— Азимут! Ключ! — вскрикивал он время от времени. — Предельный потенциал...

Чем ближе они подходили к избушке зомби, тем сильнее бесновалась Зона. Ветер, пропитанный дождём, подталкивал в спину, валил с ног. Били молнии. Справа и слева возникали аномалии, создавая коридор, по которому брели израненный пожилой мужчина и молодая женщина в измученном теле маленькой девочки. Они вцепились друг в друга, и было непонятно — или Яра поддерживает вора, или он волочит её за собой.

В жилище зомби они уже заползали, силы покинули обоих прямо на пороге. Внутри было сухо и тепло. Из открытого подпола шёл мягкий голубоватый свет. Отдышавшись, они спустились в подпол. Вор упал на колени перед люком, оглядел крышку.

— Вот, — прохрипел он, тыча пальцем в отпечаток ладони. — Тебе надо просто руку сюда приложить.

— Это понятно, — сказала Яра.

Она спокойно села рядом и, наклонив голову, принялась отжимать воду из длинных волос.

— Ты чего? — изумился вор. — Открывай быстрее! Ты ключ!!

— Да не ори ты. Может, я не хочу.

Вор обалдел и застыл с выпученными глазами, а Яра засмеялась.

— Шучу, шучу. Сейчас открою. Просто как-то обыденно получается. Столько мучились, на дирижабле чуть не разбились, с собаками дрались, а теперь просто взять и открыть...

Давай хоть посидим, поговорим минутку.

Она врала, но вымотавшийся вор не замечал этого. Он обречённо сказал:

— Давай. О чём?

— Ну-у... вот у тебя было Умение — вор?

— Да.

— А сейчас Сила осталась? Хоть капелька?

— Осталась.

— Как здорово! Транслируй мне немного, пожалуйста.

— Зачем?

— Просто интересно почувствовать.

— И ты откроешь люк?

— Да.

Вор пожал плечами и передал ей немного своего воровского Умения. Совсем кроху. Но этого было достаточно.

— Спасибо, — сказала Яра и приложила ладонь к люку. Крышка откинулась, чуть не ударив её по лицу. Снизу хлынул плотный световой поток. Навстречу, через окна и двери, полилось такое же холодное, сиреневое сияние. Две Энергии соединились, образуя могучую Силу. Это Сила по праву принадлежала Зоне, была её порождением. Но Яра, пользуясь только что полученным воровским Умением, украла часть. Малую толику. И увеличила в два раза свой потенциал. И тут же ещё в два раза. И ещё. Она же была не только Транслятор, но и Трансформатор. А теперь и конденсатор.

И с каждой секундой она становилась самым мощным магом на Земле. С безграничным запасом Силы.

Впервые за много дней в Зоне установилась хорошая погода. Рассеялся плотный туман, с неба ушли разноцветные тучи, светило солнце. Я прогуливался по плацу, настраиваясь на начало занятий. Ребята разбирали рапиры, маски. Маша отрабатывала бой с тенью. И тут из административного корпуса вышел комендант. Один, без конвоя. Он шёл прямо на меня, и мне захотелось сбежать. Оказывается, неприятно видеть человека, на которого донёс.

— Ан гард, — отдал я команду, и парни построились для тренировки.

— Здравствуйте, Анатолий, — сказал комендант. — Вас, кажется, можно поздравить?

Вы раскрыли государственный заговор.

— В государстве, которого нет, — ответил я.

— Не преувеличивайте. Есть страна, есть народ, должен быть и управленческий аппарат.

— Без него, значит, никак? — попытался я съехидничать.

— Без него анархия, — мягко ответил комендант. — Вы же сами с ней боролись. Не понимаю вашей неприязни.

— Не люблю шпионов.

— А я больше не шпион, — засмеялся комендант. — Благодаря вам я повысил статус, я теперь дипломат. Мы коллеги!

— Будь моя воля, я бы вас повысил, подтягивая на верёвке к перекладине! За шею.

— К моему счастью, Леонид Сергеевич, в отличие от вас, настроен не так радикально. Он не захотел портить отношения с могущественной зарубежной державой. Предпочёл договариваться.

Я молчал, ожидая, когда он уйдёт. Мне нечего было ему сказать. И вообще, меня ученики ждали. Что он мне учебный процесс срывает? Но комендант не отставал.

— Вы меня вычислили, это вызывает уважение. Но зачем сдали меня Тюленичеву? Чего добились? Гораздо грамотнее было бы установить за мной слежку. А теперь вместо меня одного пришлют трёх агентов, про которых вы не будете знать. Вы же не думаете, что место, где зарождается Магия, оставят без наблюдения другие страны?

— Я не контрразведчик, мне эти тонкости неведомы. Я знаю одно — мы будем безжалостно избавляться от всяких наблюдателей. Это наша родина, и мы её будем защищать. В прошедшей войне можно было убедиться, что мы это умеем.

— Лучше поразмышляйте на досуге, почему за все эти годы никто из дальнего зарубежья не попытался установить с вами нормальные цивилизованные дипломатические отношения. Зато меня мгновенно завербовали для нелегальной работы, как только вы скинули Жреца.

Больше всего мне хотелось выхватить у кого-нибудь из парней шпагу и проткнуть насквозь этого самодовольного мерзавца. Прямо в пузо ему! Он же предатель, как его Лёня отпустил?! Продался и теперь ещё поучает, ребусы загадывает! Но он уходил прогулочным шагом, а я чувствовал, что мы не раз ещё встретимся. Я точно это знал, у Наташки что ли предвидеть научился? Иди-иди, мы ещё разберёмся, кто тебе шифровки передавал.

И тут комендант, он же бывший директор интерната и он же бывший шпион крикнул мне через плечо, словно прочитав мои мысли:

— Да, и не подозревайте, пожалуйста, в государственной измене этого бедолагу, скульптора, — комендант открыто насмеялся. — Он действительно думал, что украшает постамент шумерской письменностью. А вот кто ему подсунул этот текст, я вам не скажу.

— Молодец, девочка, я в тебе не ошибся, — сказал Максим. Он неловко выбрался из подвала и впервые за много лет дышал воздухом Зоны.

— Какая я тебе девочка? — угрюмо спросила Яра. — Я тебя вообще впервые вижу.

Маленькая избушка понемногу заполнялась народом. Ольга с Наташей сразу принялись перебинтовывать ноги Гэндальфу. Он ругался в полубреду, и Максим спросил:

— А ему не хочешь помочь?

— Не к спеху, как будто, — ответила Яра и вышла во дворик. Зона была прекрасна. Светило солнце, лёгкий ветерок гнал запах озона, от аномалий не осталось и следа. Рядом шумел Бумажный лес, и всё это принадлежало теперь Ярославне Шуйской, магу невероятной силы, бывшему агенту Организации Желаемого Будущего.

На крыльцо выскочила пожилая измождённая женщина в ветхом синем халате.

— Доченька! — воскликнула она и бросилась обнимать Яру.

— Здравствуй, мам, — сдержанно сказала Яра и отшатнулась. Ей была неприятна эта женщина, пахнувшая сыростью. И остальные люди в синих халатах ей не понравились. Они были растеряны и нелепы на фоне блистающей яркой зеленью новой Зоны. И под ярким голубым небом они тоже были нелепы. Вообще, в этом мире они смотрелись лишними, от них хотелось как можно быстрее избавиться.

— А где папа? — вежливо спросила Яра.

— Так вот же он! — воскликнула женщина и указала на седого мужчину в круглых очках.

— Привет, дочка, — спокойно сказал он.

— Привет.

— Что дальше делать будешь?

— Пока не знаю. Сначала подрасти, наверное, надо.

— Правильно, не торопись.

— А куда мне теперь торопиться? — спросила Яра и пошла прочь.

— Ярочка, а мы? — окликнула её мать.

— Вы? — Яра удивилась. — Ну, вот вам. Живите.

Она кивнула, и все увидели, что на месте полуразвалившейся избышки зомби стоит роскошный особняк. Рядом возникло озеро. Бумажный лес превратился в благоухающий сосновый бор. В озере плавали белоснежные лебеди.

— Побудь с нами. Мы так по тебе истосковались.

— Странно. Сперва бросили в Зоне подышать, а после, значит, тосковали?

— Не говори так, — одёрнул её отец. — Так было надо. Ты же ничего не знаешь! Мы тебя спасали.

— Ну, вот и спасли, — сказала Яра и решительно пошла в сторону Крепости.

— Ярочка вернись! — закричала мать. — Мы же не могли выйти, пока ты не придёшь!

— Она ещё вернётся, — успокаивая её, сказал отец.

— Никогда не вернётся, — прошептала Наташа.

Подготовка к турниру была закончена. Зомби, как главный арбитр соревнований, получил право выхода из Крепости и теперь важно слонялся между праздничных шатров. Лиза обрядила его в зелёный камзол, ярко-красный жюстокор и башмаки с изумрудными пряжками. От шляпы он наотрез отказался, грел голый череп на солнышке.

Из Кузедеевки пришёл большой караван с товарами, встал табором. Вдоль крепостных стен протянулись торговые ряды. Прилавки ломились от колбас, окороков, копченых кур, вязанок сушёной рыбы и кувшинов с напитками. Потихоньку, несмотря на запрет, приторговывали оружием, патронами. Коллегия жрецов Вуду пыталась торговать кровью диких вампиров, но Лахтадрель со сталкерами сразу жёстко, с мордобоем и пальбой, пресёк это дело.

Из Оторвановки прибыл отряд ополченцев. Все бойцы в отряде были женского пола, молоды и хороши собой. Зрители шли из железнодорожного посёлка, из Столицы, даже из дальнего Великого Улуса. Гнали скот, по дороге били дичь в Зоне, и вот уже там и тут воздвиглись огромные вертела над тлеющими угольями, на которых, истекая жиром, целиком зажаривались дикие кабаны. Ветер разносил обрывки серпантин, конфетти и воздушные шарик.

Над всем этим великолепием возвышалась эстрада, на которой приглашённый менестрель Прокопий небрежным голосом в сопровождении ансамбля исполнял свою новую песню.

Запью сигару молоком И закушу коньяк халвой Пусть не обласкан я молвой Зато я пьян.
И босиком Могу отправиться гулять По — вдоль красавицы-реки И встретив у изгиба блядь
Я ей подам руки

Сорву с бронжилетацепь Позёрства и стыда Паду нагой в густую степь Что скажешь ты тогда?

И затоплю пожарче печь На берегу крутом Смыть чтобы пепел наших встреч Чтоб

ничего... Потом

Построю в Зоне старый дом Такой, как я хочу И будет место в доме том И льну, и сургучу

Что скажешь, ты, когда огонь Сотрёт меня совсем... А впрочем, нет, иной мне путь Я слеп, я глух, я нем.[1]

Зрители вяло хлопали и требовали уже полюбившийся шлягер.

— «Секс и пемоксоль», — кричали они. — «Секс и пемоксоль»!

Но Прокопий поморщился и сошёл со сцены.

— Да вы задрали его уже этой пемоксолью! — крикнул барабанщик и швырнул в зрителей палочки.

— Это не тот ли крутой берег вы живописали, что пылающими аномалиями знаменит? — поинтересовался зомби.

— Вы там бывали? — оживился Прокопий.

— Я там живал, — печально ответил зомби.

— О, как я вам завидую!

— Серьёзно?

— Конечно! Это же счастье — жить в таком уникальном месте... Помните как Вертер описывает Оссиана?

Прокопий красиво встал и, отведя руку, с выражением процитировал: «Блуждать по равнине, когда кругом бушует буря и с клубами тумана, при тусклом свете луны, гонит души предков, слушать с гор сквозь рёв лесного потока приглушенные стоны духов из тёмных пещер и горестные сетования девушки над четырьмя замшелыми, поросшими травой камнями, под которыми покоится павший герой, её возлюбленный!»

— Нда, — ответил зомби, вежливо дослушав цитату. — Однако не забывайте, коллега, что сам же Гёте говаривал: «Вертер восхвалял Гомера, пока был в здравом уме, а Оссиана — когда уже сошёл с ума».

Зомби откланялся и побрёл, бормоча под нос: «Тебя бы, падло, загнать при свете луны... в клубы тумана... Когда у мутантов гон начинается, а ты промеж аномалий застрял и в спину тебе сталкеры пуляют!»

А Лиза, положив прелестную головку на плечо инспектора, говорила:

— Ах, Саша, дура я, дура! И зачем всё это затеяла? Ведь побьют же нас.

Инспектор гладил графиню по плечам и успокаивал:

— Непременно побьют. И это очень хорошо. С Тюленичевым объединимся, союзниками станем. Силой с ним поделишься, он учеников твоих к себе возьмёт, а когда обучит, университетское образование им даст, мы и поглядим: кто — кого!

— Он памятник снесёт, — печально сказала Лиза. — Жалко.

— Ни за что не снесёт, — уверенно сказал инспектор. — В крайнем случае, переименует.

— Возможно, мы сделали ошибку, — сказал Троян Святovitович, — но другого выхода в тот момент у нас всё равно не было.

У Максима как-то сразу наладились приятельские отношения с отцом Яры. Троян Святovitович оказался прекрасным организатором. Он быстро наладил в особняке подобие комунны, где каждый был занят делом по душе. Люди, провалявшиеся в погребе почти

десять лет, да ещё и в бессознательном состоянии, были вынуждены заново учиться ходить, они мгновенно обгорали на солнце, у них была депрессия и авитаминоз. Но тем не менее, усилиями Шуйского были налажены рыбалка, сбор грибов и ягод в очистившейся Зоне, самые слабые занимались уборкой и стиркой, а супруга Шуского, мама Яры, Припегала Игоревна, разбила позади особняка грядки для овощей.

— Доцент Бардокин, копайте на полный штык и комки разбивайте, — прикрикнул Шуйский на флегматичного здоровяка, возившегося неподалёку с лопатой. — Вы не над своей бездарной диссертацией работаете, здесь нужен аналитический подход!

Максим усмехнулся, подумал — строг бывший завлаб, и потянул на себя рукоятку двуручной пилы. Ночи в Зоне были холодными, и они с Шуйским пилили дрова для камина. Впрочем, пилил больше Максим, а Троян Святovitович просто придерживал ручку пилы, чтоб не болталась.

— Всё было хорошо, пока Жрец не полез в политику, — продолжил Шуйский. — Но у него, видимо, не было другого выхода. Вы же помните тогдашнего президента?

— Банальный извращенец, — поморщился Максим.

— И не умный человек, — подтвердил Троян Святovitович. — Жрец подсадил его и ключевые фигуры в правительстве на реалистические сны, в которых исполнялись заветные желания. Был у Жреца такой человечек с редким умением — Баюн.

— Баюн плохо кончил, — сказал Максим.

— Да? Я не удивлён. Жрец всегда легко расставался с людьми, когда в них отпадала потребность.

— Как с вами?

— С нами было несколько иначе.

Отпиленное полено упало на траву, и они присели передохнуть в тенёк на груду дров. Подошёл Владимир с садком, полным крупных карпов. Максим с уважением кивнул на рыбин, изумлённо пучивших глаза:

— Их бы со сметаной.

— Где ж её взять? — вздохнул Владимир и пошёл в дом.

— Не отвлекайтесь, Максим, — строго сказал Шуйский. — Так вот, с нами Жрец поступил и гуманней, с одной стороны, но и бесчеловечней, с другой. Он нас не убил, не отправил в санаторий, а посадил за обработку кристаллов. Превратил в наркоманов. У меня жена рожала в лаборатории, представляете?

Максим не представлял. Он сказал:

— Возможно, Жрец предполагал, что вы ему ещё понадобится.

— Трудно сказать, — пожал плечами Троян Святovitович. — Мы были классной командой, у меня была прекрасная лаборатория, и мы давали результат. Мы научились предугадывать Умения и программировать Умения. Мы прилично продвинулись в понимании природы Силы. Мы нашли хранилище Энергии, осталась самая малость — докопаться, откуда вообще появилась Магия. Но у меня хватило ума не показывать Жрецу конечные результаты работы, где точка Z он не знал. Кстати, надо отдать должное, Жрец и сам был приличным исследователем. Скорее всего, он узнал что-то, чего не знали мы, и решил таким образом свернуть нашу работу.

Вдруг Шуйский разволновался, толкнул Максима в плечо:

— Подумать только! Ведь если бы не ваше ограбление, мы бы так и сидели, уткнувшись носом в кристаллы, и ловили кайф от волшебного сияния! Спасибо вам.

— Да уж, что уж теперь-то, — неловко ответил Максим.

— Да, — снова погрузился в воспоминания Шуйский. — А тогда нам пришлось просто уносить ноги. Ломка гнала нас к хранилищу Силы, в который стекались остатки Магии. У жены было умение Пророк, она смогла предвидеть судьбу Яры на ближайшее будущее. Вероятность того, что её жизни ничто не угрожает, была сто процентов. Тогда мы оставили дочь в Зоне, а сами скрылись в источнике Силы. А сейчас, когда я увидел Яру, я не поверил, что это моя дочь. Возможно, даже кратковременный контакт с синими кристаллами в лаборатории в младенческом возрасте повлиял на её психику.

— Я думаю, на её психику оказали влияние совсем другие обстоятельства, — сказал Максим.

— Сейчас это уже не важно, — ответил Шуйский. — Сейчас надо понять, как исправить ситуацию.

— Знаете, — подумав, сказал Максим. — Мне кажется, есть один человек, который сумеет всё исправить без нашего вмешательства. Он однажды уже справился с подобной задачей. У него есть опыт.

— Да? — с сомнением сказал Шуйский. — Что ж, будем надеяться на лучшее. В конце концов, что нам ещё остаётся? Бардокин, что вы застыли? Вы дождевого червя никогда не видели?

Он снова повернулся к Максиму и, не очень охотно, как обычно делятся важной информацией с человеком, которому не до конца ещё доверяют, сказал:

— Я не знаю, как будет исправлять ситуацию знакомый вам человек, но если у него не получится, можно будет попробовать метод настолько радикальный, что мне думать страшновато.

— А что это за метод? — с интересом спросил Максим.

— Есть, — задумчиво сказал Троян Святovitович, — есть такой и метод, и способ. Это, знаете ли, изменение прошлого.

А в сторонке на туристской пенке, почёсывая прутиком загипсованные ноги, лежал вор и внимательно слушал слова Шуйского.

[1] Стихи Андрея Каруноса

Тринадцатая глава

Все настолько были поглощены подготовкой к предстоящему турниру, что как будто не заметили радикальных изменений в поведении Зоны. А если и заметили, то не обратили внимания. Например, Стёпа, пробегая мимо меня с набором рыцарской амуниции, крикнул:

— Видишь, солнышко светит, аномалии успокоились, а ты — короткое замыкание, короткое замыкание!

Для меня же голубое небо и приятный ветерок после буйства однополюсной Энергии в последние дни, означали только одно — Яра добралась до «точки Z» и сумела откупорить запёртый источник Силы. Но я и представить себе не мог, что она умудрилась замкнуть на себя оба источника Энергии, и теперь вся Магия мира стекается к ней, превращая совершенно духовно не развитую, с искалеченной психикой, совсем неискущённую в житейских вопросах шпионку в волшебницу невероятной силы и с безграничными возможностями.

К тому же, если признаться честно, ни о чём таком я в тот момент и не задумывался. Я был безмерно счастлив, что моей семье больше ничего не угрожает и надо только дожидаться окончания этого опереточного турнира, забрать отца с мамой, обнять Наташу и пускай Тюленичев открывает нам портал. И валить отсюда!

Пусть Лёня создаёт новую интеллектуальную элиту, пусть Лиза делает всех счастливыми, пусть без меня ловят шпионов и устанавливают дипломатические отношения. Я слишком от всего этого устал. Будет, конечно, очень печально расставаться с Костяном и Мариной, да и со Стёпой тоже, как-то я притерпелся к нему за последнее время. Но, в конце концов, семья важнее всего!

Я сильно повзрослел, после того как прочитал дневники Николаича. Я не хотел, чтобы меня снова предавали.

В переродившейся, безопасной теперь Зоне попёрли грибы. Марина, прихватив по привычке детектор аномальной активности, вывела близнецов на прогулку.

— Это маслята, — показала Марина.

— «Маслята» — это патроны, — сказал Вовик.

— Ты их на радиоактивность-то проверь, — сказал Вадик.

Марина вздохнула и, присев на корточки, стала срезать ядрёные, крепенькие грибки. А Вовик уже натянул тетиву лука и целился в непонятно откуда взявшегося суслика. Вполне нормального на вид суслика, с любопытством разглядывающего гостей Зоны.

— Не стреляй, — строго сказала Марина. — Это не мутант.

— И чё? — не понял Вовик.

— Нельзя убивать просто так.

— А как можно? — спросил Вадик.

— Лучше никак, — ответила Марина. — Вам папа про это ещё расскажет.

Мимо проходил отряд сталкеров во главе с барменом. По-привычке шли медленно, вглядываясь в грунт перед собой, прежде чем поставить туда ногу, высматривая аномалии, которых не было. Они приблизились, поздоровались.

— С нами в Крепость пойдёте? — предложил бармен. — Там у них весело, говорят. Ярмарка, игры. Концерт.

Близнецы, услышав про игры, затаили дыхание, но Марина сказала:

— Сами не пойдём, и вам я не советую.

— Что так? — заинтересовался бармен.

— Не потащу я детей в такую даль по Зоне.

— Так успокоилась Зона! Сама разве не видишь? И «смерть-трава» не понадобилась.

— Сегодня успокоилась, а что завтра будет? И вообще, знаешь, — раз есть «смерть-трава», значит, кто-то непременно должен умереть.

Бармен хмыкнул и пошагал дальше впереди сталкеров, нагруженных тюками с товаром не хуже верблюдов.

— Нравится вам гулять? — спросила Марина у братьев.

— Фигня, — разочарованно сказал Вадик. — Ни стрельбы, ни артефактов.

— Без противогаза плохо, — пожаловался Вовик. — Мне пух какой-то всё время в лицо лезет.

— Пух? Это пыльца! Видите цветы? Настоящие цветы! И пчёлы.

— Пчёл я вижу, — сказал Вадик. — Я думаю, их же никак не подстрелишь.

— Только если из огнемёта, — задумчиво подтвердил Вовик.

Сигнал к началу турнира, за неимением герольдов, протрубил Прокопий. Первые же ноты любимого всеми шлягера привели публику в игривое настроение. На трибунах слышался смех и шутки. Под барабанную дробь на ристалище выходили новоявленные рыцари. Само посвящение прошло накануне без излишних формальностей. Каждый желающий просто выбрал себе имя, оружие и доспехи. Долго ломали головы над гербами и девизами, пока Бобров не разогнал всех спать.

— Ты хотел элиты? Вот тебе благородное рыцарство, — сказал Окунь, указывая Тюленичеву на воинов с загупленными мечами и шпагами, в самодельных латах, но преисполненных отваги и куртуазности.

— Я как-то по-другому себе это представлял, — промычал Лёня.

— А будет так, — жёстко сказал Окунь. — И приготовься к тому, что очень скоро они потребуют от тебя привилегий в обмен на преданность. И жалованья. И земельных наделов. И рабов.

— Так я как бы ещё не король, — попытался отшутиться Тюленичев, но Окунь шутки не принял и совершенно серьёзно сказал:

— Назначат.

Зато графиня была в восторге. Для своей команды она не пожалела Магии, и у неё солдатики были просто загляденье. С плюмажами на шлемах, с лентами на щитах, благоухающие мужественным одеколоном. Команды, по пять человек в каждой, выстроились перед правительственной ложей. Пятёрка колдунов выглядела оборванцами на фоне гламурных рыцарей графини. Да и сама она была ослепительно хороша в малиновом парчовом платье, отороченном горностаем.

Колдуны попытались опротестовать использование графиней Оторвановской магии при подготовке команды, но зомби, после короткого раздумья, отклонил протест.

— По действующему регламенту использование Силы запрещено при проведении турнира. Использование же Магии до его начала никак не оговаривалось, — сказал он. — Короче, сами лоханулись.

Зомби был мрачно настроен. Вчера его поймал подвыпивший Лахтадрель и попытался

надавать по шее. Сталкер отбил руку, не нанеся мертвяку ни малейшего физического урона, но реноме главного арбитра было подорвано. Лахтадреля заперли в угольном ящике. Он матерился и обещал засунуть зомби в первую же аномалию, как только они снова появятся.

— Надо начинать, нельзя больше тянуть, — шепнул Тюленичев графине, перегнувшись через зомби, который сидел между ними.

— Так начинайте, — ответила Лиза. Ей и самой не терпелось.

— Эт-ву прэ? — тоненько выкрикнул зомби, и махнул платочком, подаренным ему Лизой.

Вышла первая пара бойцов вооружённых мечами.

— Алле! — крикнул зомби, но Тюленичев саданул его локтем в бок и, совсем разобидевшись, он перевёл: — Да начинайте уже.

Противники сшиблись. Оба бились яростно, в высоком темпе, стремясь с первых же секунд боя перехватить инициативу. Рубились на близкой дистанции, не столько парируя своим клинком, сколько подставляя щиты под удары противника. Мечи доставали до шлемов, скользили по доспехам, и колдуну в латах из старинных хоккейных щитков, приходилось не сладко. Тюленичев скрипел от досады зубами, но сделать ничего не мог — по взаимному согласию они с графией на время турнира наложили друг на друга заклятия блокирующие Магию.

— По низу работай, — не выдержав, закричал Окунь, и, присев, колдун сразу провёл несколько мощных ударов по коленям волшебника.

Даже через стальные наколенники волшебник почувствовал сильную боль и отскочил на несколько шагов, хромая. Зрители взревели. И в этот момент от стен Крепости прогремел оружейный залп. Это Антон, не дождавшись сигнала, который ему просто забыли подать, поджёг фитили мортир. В небо, минут на двадцать позже запланированного, ударил праздничный салют. Колдун закрутил головой, пытаясь понять причины переполоха. А волшебник не растерялся, подскочил к противнику и огрел его мечом по хоккейному шлему. Колдун упал и не шевелился. Зрители орали:

— Не честно!

— Ура, — кричали другие.

Зомби махнул платочком, отдавая победу в схватке команде волшебников. Лиза довольно хлопала в ладоши. Лёня хмурился. Окунь одним прыжком перемахнул через покрытые ковром перила ложи и стянул с головы поверженного ученика шлем.

— Ты как? — спросил он и похлопал того по щекам.

— Нормально, — спокойно ответил парень. Он задумчиво смотрел в голубое небо. — Пожалуй, это правильно, что мы отказались от конных поединков.

— Так скакать никто не умеет, — улыбнулся Окунь.

— Вот я и говорю — правильно.

Парня отволокли в палатку с нарисованным красным крестом. Зрители требовали продолжения. Стало заметно, что симпатии толпы разделились примерно поровну. Жители Столицы болели за команду графини, обитатели Посёлка и Оторвановки были не прочь насладиться триумфом колдунов. Сказывалась извечная нелюбовь провинциалов к столичным выскочкам.

Вышла вторая пара рыцарей, и народ затих, любуясь неподдельной статью представителя волшебников. Двухметровый красавец в золочёных латах, в шлеме с открытым забралом размахивал над головой длинным мечом, сияющим под ярким солнцем. Меч

тихонько гудел, а рыцарь раскручивал его всё быстрее, пока не превратил в ослепительный круг. Толпа ликовала.

Против богатыря вышел щуплый подросток в лёгких кожаных доспехах с мечом, который вернее было бы назвать утяжелённой шпагой. Зато голова у него была закрыта армейским шлемом-сферой с забралом из тёмного бронестекла. Зомби вопросительно взглянул на Окуня, но тот лишь кивнул, и зомби подал сигнал к началу поединка.

Парнишка со шпагой сразу сделал стремительный выпад и нанёс молниеносный укол прямо грудь противника. Волшебник зло отбил шпагу уже на возвратном движении и ринулся в атаку. Он рубил мечом направо и налево, но рассекал лишь воздух. Миниатюрный колдун легко порхал вокруг неповоротливого верзилы и жалил его своей шпагой. Волшебник, всё больше входя в раж, совсем забыл про защиту и уже безнадёжно проигрывал по очкам. Публика хохотала.

Но вот увлёкшись, юркий подросток не заметил, как оказался зажат в угол огороженного канатами ристалища. Он разом потерял основное преимущество, ему некуда было отскочить от занесённого меча. А на него бульдозером пёр, словно выкованный из стали, белокурый красавчик. Уже меч начал своё стремительное падение, но парнишка шагнул навстречу и принял удар прямо на тяжёлый шлем-сферу, подставив его под основание клинка. Рука в кольчужной перчатке подскочила вверх и волшебник выронил оружие. Маленький колдун тут же в прыжке нанёс ему не сильный, но очень точный удар ногой под забрало шлема, прямо в подбородок. Волшебник рухнул, грохоча амуницией.

— Па конте! — закричал зомби. — Ничья.

Зловещая тишина повисла над ристалищем.

— Протест, — сказал Окунь.

— Ничья, — упрямо повторил зомби. — Решающий удар нанесён не оружием.

В это время колдун стянул с головы шлем, по плечам рассыпались длинные русые волосы, все увидели Машу. Кто-то восхищённо выдохнул:

— Девка!!!

И тогда зрители взорвались.

Сначала Яра наблюдала за ходом турнира в бинокль. После сообразила, что проще сделать себе телескопическое зрение, и бросила бинокль в траву. Ещё позднее она поняла, что ей нет нужды пользоваться даже зрением. Новые ощущения захлёстывали её, и среди них самым ярким была способность чувствовать всю эту толпу в долине и одновременно каждого человека в отдельности.

Она видела их полыхающие ауры, чувствовала энергию, которую они излучают. Каждую эмоцию она различала на вкус, цвет и запах. Зависть была с горчинкой и пахла плесенью, злость была солёной, ярость приторно-кисло-сладкой и белой как снег. Ненависть. Она полыхала чистым кроваво-красным, и запах был тоже кровавой, удушливый. Это вот тот сталкер, почему-то запертый в большом деревянном ящике. Он очень сильно ненавидел и от бессилия бил кулаками по доскам. Яра кинула ему физической силы, и доски разлетелись в щепки, он выскочил грязный, страшный и с ходу врезался в кого-то из зрителей. От того сразу сверкнуло зелёным. Это пока просто раздражение, но Яра подкинула ему беленького, и вот он уже двинул Лахтадреля по рёбрам, и они сцепились.

Яра засмеялась. Никогда в жизни ей не было так весело. Она всегда выполняла чьи-то приказы, поручения, желания... А сейчас все эти людишки со своими страстями были

подвластны ей. Как марионетки. И она принялась дёргать за ниточки.

Вот Лиза с аурой фанатичной дуры. Яра подкинула ей капельку ума, чтобы поняла, что она натворила и ужаснулась. Тюленичев. Напротив, слишком хитёр, ему не мешает немного поглупеть. Стёпа. Ах, какой добрый, честный, благородный... На тебе скотства ломоть. Бобров. Хитрости ему, жадности, шкурником его сделаем! Какой-то молоденький парнишка, дурачок, романтично влюблён в графиню. Пусть он увидит, какая это тварь. Пусть побудет циником. Зомби. С этим сложнее, он не живой, все эмоции пригашены, но что-то шевелится. Да это же зависть. Это он живым завидует. Усилить. Убрать мудрую снисходительность, сделать обидчивым, как ребёнка. Пусть получит!

Окунь. Яра задумалась. Окунь ей нравился. В конце концов, он её спас. Она оставила Окуня и принялась, не выбирая цели, швырять в толпу сгустки агрессии, злости, нетерпимости. И вот уже замелькали кулаки, замельтешили дубинки, мечи и шпаги. Их надо было подтолкнуть совсем немного. Они сами этого хотели. Готовились. Принесли с собой цепи и свинцовые трубы. Они оправдывали себя: «Это для самообороны. Это если те на нас нападут».

Яра поняла, что уже нет необходимости заводить толпу. Они сами прекрасно подпитывали себя затаённой в глубине сознания звериной яростью. Уже можно было от них забирать излишки Энергии. И за потраченные крохи Силы она собрала богатый урожай.

— Цепная реакция, — со вкусом произнесла Яра и пошла к дерущимся.

— Стёпа, ты что творишь?! — заорал я и бросился в битву.

Мне повезло вклиниться как раз между отрядами Лёниных отморожков и Лизиних выкормышей. Не активируя защитное поле, я своим палашом выбивал мечи и освинцованные биты, левой рукой вырывал цепи, валил мальчишек на землю подсечками и просто пинками. В горячке, не заметил, как чья-то шпага распоролла мне плечо, как выпущенный из пращи камень угодил прямо в колено.

— Назад! — кричал я. — Стоять!! Смирно!!!

Всё было бесполезно. Они рвали друг друга голыми руками, зубами, топтали упавших ногами, они озверели и упивались своим зверством. Выпученные глаза, оружие пасти, брызги крови и вязкий, густой воздух, остановившееся время... Они сцепились не на жизнь, а на смерть. Они хотели этого. Их готовили к этому. Им долго внушали, что они особенные, избранные и дело их правое. Самое нужное дело. Они были готовы. Не за себя. Ради великой цели. Во имя будущего.

Вот Маша красиво, словно в замедленной съёмке, с кровожадной ухмылкой на лице бьёт ногой в голову мушкетёра из Лизиной свиты. Это я научил её этому удару. Лахтадрель схватил за грудки толстого мужика, по виду фермера и долбит его по лицу своим лбом. Стёпа с остервенением ломает мальчишкам руки и ноги отобранной у кого-то дубиной. Бобров притаился за опрокинутой набок повозкой и подленько бил зазевавшихся тупым копьём в спину. Мелькнуло лицо Лизы. Она рыдала, и я как-то слышал её сквозь вопли боли и бешенства:

— Толя, останови их! — в голосе графини было столько неподдельного горя, что я оторопел.

А рядом с ней сидел Тюленичев. Ему проббили голову, и он хохотал, размазывая кровь руками. Зомби взирал на побоище отстранённо. Как мне показалось, он одобрительно кивал головой.

— Так вам и надо, так и надо, — приговаривал зомби.

На краю эстрады, свесив ножки, сидел Прокопий. Похоже, он единственный не обезумел в этой заварухе. Я дёрнул его за ногу и сказал:

— Играй.

— «Секс и пемоксоль»? — с сарказмом спросил он и покрутил пальцем у виска.

— Нет, эту... — я не знал названия песни. — Ну, как там у тебя: «Верь мне, я исцелю твою душу, я излечу твоё сердце, скучно не будет со мной...»

Прокопий взглянул на меня уже с интересом, поднёс к губам трубу и над полем битвы разнеслись чистые, пронзительные ноты щемящей мелодии.

Этот вкус зависти приторно-горький,
этот вкус радости видеть
девичьи только глаза.

Это страх вспомнить о том, что здесь было,
это крик слабости, петли и пыла,
это всплеск гордости —
я-то уж знаю, кто против, кто за...

Верь мне, я исцелю твою душу,
я излечу твоё сердце,
скучно не будет со мной.
Дай мне повод держаться сомнений,
так вот без предположений,
выжил твой главный герой...[1]

И в такт неспешной песне замедлился темп сражения, затихли боевые кличи, прекратился лязг оружия. Музыка снимала наваждение, успокаивала людей, приводила в чувство. Самые отчаянные ещё продолжали по инерции свару, но их растаскивали, с ужасом оглядывались, спешили на помощь раненым.

— Что это было? — очумело спрашивал Стёпа.

А я видел, как от Бумажного леса приближается маленькая девчачья фигурка.

А в небе летел корабль. Нет, не Летучий Голландец. Парусов у него не наблюдалось, да и профилем он никак не напоминал каравеллу или галеон, а скорее был похож на нормальный крейсер типа «Тикондерога». Водоизмещением где-то десять тысяч тонн.

Измученные битвой колдуны и волшебники опустили оружие и с изумлением наблюдали, как крейсер, заслонив солнце, застыл в воздухе прямо над их головами. На капитанский мостик вышел молодой человек, совсем юноша.

— Я капитан Жан-Поль де Фитнесс, — сказал он, и по голосу стало понятно, что лет ему больше, чем кажется.

— Ишь ты, фитнес, — сказал Бобров и сплюнул кровью через разбитые зубы.

— Я подданный Его Величества Короля Бискайского Эстебана Наискромнейшего, — сказал капитан. — Прошу разрешения на облёт вашей территории.

— Зачем? — крикнул из ложи Тюленичев.

— Я разыскиваю двоих наших сограждан, они были в составе экспедиции, организованной одним вашим авантюристом, — Жан-Поль разговаривал по-русски, с едва заметным акцентом. — Надеюсь, мне не будет препятствий? Мы не собираемся вмешиваться в разборки колдунов с волшебниками. Мы лояльны и к её сиятельству графине Оторвановской и к руководству Высшего Волшебного Заведения. Наша позиция — нейтралитет.

— А вы неплохо осведомлены о наших делах, — заметил Тюленичев.

— Мы за вами следим. Вы опасные.

— Уважают, падлы, — сказал Бобров.

— Эй, Жан-Поль! — крикнула Маша. — А как там у вас, на бискайщине?

— У нас очень хорошо, — ответил Жан-Поль. — У нас никто не дерётся.

— По какому принципу работают двигатели вашего корабля? — задал технический вопрос зомби.

— По магическому принципу, — пожал плечами капитан крейсера. — У нас Магию никто друг у друга не тырит. Я правильно выразился? Не крадёт. Не лимитирует и не утаивает. Все понемногу копят. А когда наши ребята попали в беду, все земляки... как это? Кинулись? Нет, скинулись мне на этот полёт. Во всём мире так давно. Магический коммунизм.

— А почему у нас не поймёшь что? — спросил Стёпа.

— Потому что никто не хочет с вами дружить. Потому что вы злые, как собаки. Потому что вы сами во всём виноваты.

И крейсер величественно проплыл над Крепостью и плавно удалился вглубь Зоны.

— Может мортиру зарядить и врезать ему в корму? — задумчиво спросил Бобров. Но не зло. Так, для порядка.

— Не наврезались? — строго спросила Яра. — А ну все разошлись. Завтра решу, что с вами дальше делать. Устала.

Побросав оружие, колдуны и волшебники равнодушно разбрелись кто куда. Всех потрясло не столько явление народу Ярославны, сколько равнодушно-презрительное отношение заморского гостя. Было о чём призадуматься. Гости турнира, ополченцы, фермеры, шахтёры, железнодорожники — все спешно засобирались по домам. Мужик с разбитой мордой, тот которого Лахтадрель уделал, приставал ко всем с вопросом:

— У меня брат родной во Францию ещё до первой войны эмигрировал. Можно ведь к нему перебраться? Не повяжут же?

Яра, мановением руки вылечив всех пострадавших в побоище, прошла в шатёр графини. Лиза едва прилегла. Ей было плохо. Инспектор и Тюленичев отпаивали её минералкой.

— Пошли вон, — сказала Яра. И играючи выкачала всю Магию из графини Оторвановской и руководителя Организации Желанного Будущего.

Подхватив графиню, они бегом убрались из шатра. А что им ещё оставалось делать?

[1] Стихи Андрея Каруноса

Бармен так и не успел к началу турнира и теперь с удивлением смотрел на унылый караван бредущих от Крепости людей. Прямо на него вышли Лахтадрель в обнимку с им же избитым фермером. Оба были пьяны в дым и пытались напевать «Секс и пемоксоль». Фермер размахивал трубой, отнятой у Прокопия, но дудеть не пробовал. Сам музыкант плёлся сзади с несчастным видом.

— Здорово, страдальцы, — сказал бармен, аккуратно подхватил повалившегося на него фермера и опустил его на травку. Рядом плюхнулся Лахтарель.

— Привет, барыга, — сказал он и присосался к фляге.

— Утомились гляжу на праздничке, — участливо констатировал бармен. Сталкеры, пользуясь передышкой, побросали на землю кули с товаром и с интересом следили за беседой.

— Ха! — сказал фермер. — Праздник! Мордобой. И корабль в небе.

— Кореш мой, Виталик, — пояснил Лахтадрель.

— Девчонка, — продолжил рассказ Виталик. — Соплячка. Р-раз, и нету Магии. Рр-р-раз, и вся у неё. То есть, два.

— А как же турнир? — спросил бармен. — Кто победил хоть?

— Сдаётся мне, победила молодость, — глубокомысленно изрёк Лахтадрель.

— Детство, — уточнил Виталик и икнул.

— Турнир прекратился после массовой драки, — пояснил Прокопий, опасаясь подходить близко к пьяным друзьям. — Драку инициировала маленькая девочка. Это было мощное магическое воздействие. Как я понимаю, под заклинание не попал только Окунь. Он, кстати, и придумал, как это безобразия прекратить. Послушайте, а вы не могли бы попросить их вернуть мою трубу?

— Окунь? — насторожился бармен. Он легко выхватил у фермера инструмент и подал Прокопию. — Он что же, опять Магию отменил?

— Всё значительно хуже, — сказал Прокопий. — Вся Сила теперь у этой девочки. Но Окунь там и, по-моему, уходит не собиравшись. Спасибо за трубу.

— В небе такой, гад, говорит, вы злые, — возмутился Виталик и спросил у Прокопия: — Вот ты скажи, разве я злой?

Прокопий быстро ушёл, а один из сталкеров, потирая плечи, натёртые лямками рюкзака, спросил:

— Выходит, возвращаемся?

— А вот нет, — сказал бармен. — Возвращаться мы не будем. Пошли, как и планировали, на Крепость.

— Но теперь-то зачем?

— А затем, что если Окунь там, что-нибудь интересное обязательное будет.

— Что там может быть интересного? — недовольно спросил сталкер, снова взваливая на себя огромный рюкзак.

— Мало ли, — уклончиво ответил бармен и про себя подумал — например, немеряно артефактов, после спонтанного выброса Силы.

— Я, когда скрутило, подумал, что это ты опять мудришь, как тогда, — сказал Бобров. — Тычу всех этой пикой, а сам думаю: «Что же это я творю? Не иначе Толян всех заколдовал, отрицатель хренов».

— Мне столько Силы за всю жизнь не собрать, — ответил я.

— Прошлый раз ведь собрал, — с надеждой сказала Лиза.

— Тогда мне помогли очень сильно. И Магия была доступней. Теперь всё намного сложнее.

— Теперь нами Ярочка вертеть будет, как пожелает, — сказал Тюленичев.

Я собрал их в деканате уже под утро, всё равно никто не спал этой ночью. Мы пили чай

и пытались придумать, как быть дальше. Вот только ничего не придумывалось. А меня это не устраивало. Мне Лёня обещал портал провесить. Он мне должен. Все были подавлены, а Шаман был ещё и очень недоволен. Он не любил когда так много гостей. Тем более незваных.

— А чего вы собственно переполошились? — спросил он. — Чем, собственно, вас не устраивает сложившаяся ситуация? Да, вас от Магии и от власти отодвинули. Ну и что? Мне, например, всё равно — Лёня, Лиза или Яра. Лишь бы преподавать не мешали и наукой заниматься.

— Вы не понимаете! — горячо заговорила Лиза. — Вы не были там, на поле, когда она всем в душу залезла, вы не знаете, как это ужасно.

Я был у неё этой ночью. Не у графини Оторвановской, фаворитки Жреца, заговорщицы и руководителя государственного переворота. Я был у девочки Лизы, своей одноклассницы и моей первой любви. Вся гадость, налипшая на неё за эти годы, слетела как шелуха, и я был благодарен Яре за эту реморализацию. Лиза много плакала, я успокаивал её, как мог, и ещё она жадно расспрашивала про Наташу и Костяна с Мариной, про их детей. Жрец и после своей смерти продолжал калечить жизни людей, ведь это он своим злым волшебством заменил в этой красивой, умной женщине естественное желание иметь семью, домашний уют на слепую преданность ему и его бредовым идеям всеобщего счастья. А счастье не бывает всеобщим, оно всегда твоё...

А Стёпа, выслушав Лизу, мрачно согласился:

— Да уж, настроение такое, что удавиться хочется, честно говоря. Меня как будто изнасиловали.

— И ведь она просто развлекалась, — сказал Тюленичев. — А откуда нам знать, что она завтра придумает? Ведь она, по сути, всего лишь малолетняя шлюха.

— Ты не завирайся! — сказал я. — И не малолетняя уже и...

— Вот-вот, — сказал Бобров.

— Всех ведь в бараний рог скрутила! — воскликнул Тюленичев. — Это же какая у неё силища!

— И не всех, — по инерции продолжил я заступаться за Яру. — Меня вот, например, не скрутила. Я даже Силы запас небольшой сберёг.

Я сказал и прикусил язык. Это ж надо так спалиться!

Они молчали и смотрели на меня. С недоверием и надеждой. Как тогда, на поле, когда связанные валялись в грязи, а Жрец готовился нанести последний удар. И нельзя было просто встать и уйти, разбирайтесь, дескать, сами. Потому что они мои друзья. А зомби, не проронивший до этого ни слова, грустно сказал:

— Это теперь только тебе решать.

И я подумал: «Опять я. Ну, почему снова я? Ну, почему?!»

Не знаю, на что рассчитывали мои друзья. Надеяться противостоять Яре с моим крошечным запасом Магии, было наивно и смешно. Поэтому я выбрал другое решение. Простое и очень надёжное. И я удивился, насколько легко далось мне это решение.

Рано утром я уже ждал Яру возле шатра. Я был готов. И, видимо, было что-то такое в моём лице, потому что зомби, который тихо подошёл и встал в сторонке, помня наверняка, что даже его запах вызывает у меня непроизвольное отвращение, спросил:

— Анатолий, а может, не надо? Может, ещё обойдётся?

— Что «не надо»? — как можно искренней удивился я. — Что «обойдётся»?

— Прежде всего — не надо со мной хитрить, — улыбнулся зомби запавшими губами. —

Я вижу, что вы снова, как когда-то, собираетесь совершить необратимый поступок.

— Поступок оказался очень даже обратимым, — сердито ответил я. — Магия, как выяснилось, никуда не исчезла!

— Магия не исчезла, но люди уже никогда не смогут обращаться с ней так же вольно, как раньше. И в этом целиком ваша заслуга, Анатолий.

— Заслуга ли? Меня многие за это ненавидят.

— Они просто не понимают. Вы всё сделали правильно, но стали вы от этого счастливым?

— О, только не это, — простонал я. — Мне только лекции по философии сейчас не хватает!

— Может быть, это именно то, чего вам действительно не хватает.

— Мне не хватает лишь одного — моей семьи. И чтобы все оставили меня в покое!

— Тогда почему вы немедленно не уйдёте к своей семье? Почему вы сами придумали себе новое беспокойство?

Действительно, почему? Я не знал. Ещё вчера я готов был бросить всё и бежать к Наташе на край Зоны, а теперь стою здесь, болтаю с этим полутрупом и собираюсь обделать дельце, за которое мне потом наверняка будет очень стыдно.

— Подумайте, Анатолий, — продолжил зомби. — Должны ли вы совершать то, что собираетесь совершить. И вообще, должны ли вы кому-либо что-либо? Вас толкают к решению нравственные обязательства, как вы их себе представляете, но кто сказал, что цель оправдывает средства?

— Кто-то говорил, — ответил я. — Давно. Но мне нет дела до заезженных цитат и абстрактных рассуждений о всеобщем благе и индивидуальном счастье. Я принял решение, и менять его не собираюсь. Я сделаю то, что должно, а не то, что должен. По крайней мере, так, как мне это представляется верным.

Поэтому уходите и не мешайте мне. Сейчас я буду изо всех сил притворяться, а я не очень хорошо умею это делать. Так что мне надо войти в образ, не портите представление!

И тут из шатра вышла Яра приветливо поздоровалась, предложила прогуляться. И я был очень рад, что можно прекратить этот мучительный для меня разговор с зомби. Он остался стоять, одинокий, не мёртвый и не живой, никому не нужный со своими размышлениями о счастье и несчастье. А мы пошли по опустевшему лагерю, под слабыми лучами восходящего в пасмурном небе солнца, по зелёной травке. Невозможно было отделаться от впечатления, что она самая обычная девочка. Весёлая, отдохнувшая. В отличном настроении от подаренной недавно игрушки. Вчера она уже немного поиграла, а сейчас ей очень хорошо от предвкушения большой игры. Я видел, что она доверяет мне. А мне было страшно.

— Жрец болван, — восторженно щебетала Яра. — Нельзя сделать людей счастливыми насильно, против их воли. Надо каждому предоставить возможность быть счастливым, понимаешь? Ведь для счастья надо совсем немного, пусть жизнь станет беззаботной, пусть не будет бедных, злых и больных. И пусть не будет стариков.

Да, ты молодец, думал я. Вылечить больных и дать всем молодость до самой смерти, это наверно здорово. Но что ты будешь делать с влюблённым, отвергнутым любимой девушкой? А как ты поможешь художнику, который не может дописать картину? Что ты сделаешь с учёным, бессильным решить поставленную задачу?

Со стороны мы, должно быть, напоминаем папу и дочку на прогулке, нестати подумал я.

— Ты не знаешь, кто такой Штирлиц? — вдруг спросила Яра. И тогда я достал старый, но очень надёжный ПМ и выстрелил в неё.

Я уже видел, как умирают люди после выстрела в упор. Они не хватаются руками за простреленное место и не вскидывают на вас удивлённые взоры. У девочки просто подкосились ноги, она бесформенным кулёчком упала к моим ногам, кровь брызнула на подёрнутую инеем траву. А вместе с кровью хлынул поток Энергии настолько мощный, что всё вокруг забурило, заискрилось. Да, как шампанское.

И я подхватил плеснувшую из неё Силу, всю до капли, и ударил. Уже по-настоящему. Не как в прошлый раз. Я уже был умелым Отрицателем. Шаман научил. У меня всё получилось. И от этого хотелось завывать в голос.

И крейсер «Тикондерога» плюхнулся в болото из серого неба.

А Наташа улыбнулась, когда в зарослях Бумажного леса отвратительный тиранозавр превратился в гордого красавца дракона. Он ударил мощным хвостом по плоским стволам деревьев, сминая их, с громким хлопком расправил перепончатые крылья и, оттолкнувшись когтистыми лапами от земли, взлетел.

А мушкетёры графини со злостью сорвали с себя наряды семнадцатого века.

А в Баре рассерженная Марина шлёпала близнецов по попам за то, что они тайком собрались бежать в Крепость, на войну, на помощь папе. Вадик и Вовик хмурились, но не плакали.

А вор всё вспомнил и подумал, что Максима ему надо будет наказывать.

А Лиза и Лёня решили создать объединённое учебное заведение.

— А жалко: я так никогда и не узнаю, какое ты желание хотела исполнить, — сказал Владимир, обнимая Ольгу.

— Ещё узнаешь, — пообещала она.

А в самом центре Зоны, в маленькой избушке за Бумажным лесом, шло тайное собрание недавно возникшей подпольной организации. Организации Случившегося Прошлого. Ещё не полностью восстановившиеся после долгого летаргического сна бывшие сотрудники лаборатории по производству синих кристаллов внимательно слушали Максима.

— Самый надёжный способ правильно организовать будущее, это в нужный момент изменить прошлое. И теперь у нас есть для этого все возможности, — так говорил Максим.

— Ответственность перед будущим невозможна без ответственности перед прошлым, — подтвердил Троян Святотович. — Очень жаль, что мы это поздно поняли. настолько поздно, что нормализация будущего теперь напрямую связана с коррекцией прошлого. Мы постараемся обойтись локальным вмешательством, но масштаб изменённых событий сможет оценить лишь наблюдатель из исправленного прошлого. Поэтому я требую беспрекословного подчинения нашему посланнику в прошлое после его возвращения. Во имя будущего!

— Во имя будущего, — нестройным хором подхватили его слова подпольщики, и только Припегала Игоревна, глядя в окно, прошептала одними губами:

— Ярочка, доченька, девочка моя, где же ты?

Из переписки Его Величества Короля Бискайского Эстебана Наискромнейшего и

Президента Союза Афро-Европейских республик Наримана Тусами. Голубиная почта.

«Дорогой Нурик, ты, как всегда, оказался прав. Согласно твоим рекомендациям мы не стали вмешиваться в дела анклава. Более того, даже не расширяя агентурную сеть, пользуясь услугами сохранившихся имперских агентов, мы добились нужных нам результатов. Аборигены сами отличнейшим образом разрешили проблему стабилизации неубывания энтропии. А для начала необходимых социальных реформ оказалось достаточно услуг одного провокатора и одного местного идеалиста.

Таким образом, благодаря твоим консультациям, наимудрейший друг мой, отказавшись от оккупации, мы сэкономили значительные как человеческие, так и магические ресурсы и не испортили себе репутацию.

Прими мою благодарность, уверения в искренней дружбе и признательность народа моей страны.

С уважением Король Бискайский Эстебан. Дата... Подпись...»

«Вай, Бенья, а я что тебе говорил? Когда людишки жить захочут, то прямо чудеса творят, хлебом клянус. Сам видел.

Благодарности твои очень приятные, но оплату за мои консультации пока не получал, жду с нетерпением. Кстати, если при транспортировке «гонорара» загнулся курьер, то меня вполне устроит образец его тканей.

Бонусом тебе совет: опасайся идеалистов, если больше он тебе не нужный — ликвидируй. Могу прислать специалиста, но уже за отдельную плату.

Твой кореш навеки, Нариман Тусами, эсквайр, бгг».

Больше книг на сайте - Knigoed.net